

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

(НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ)

№3 (27) - 2026г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ	
Главный редактор	Золотухин Алексей Валерьевич - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, ректор, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
Зам. главного редактора	Исмоилова Зайнура Исрофиловна - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
Ответственный секретарь	Аминова Фарида Махмадаминовна - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой международного права и сравнительного правоведения, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
Члены редакционного совета:	Имомова Нилуфар Махмайсусовна - Республика Таджикистан, Маджлиси Оли Республики Таджикистан, депутат Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право Белых Владимир Сергеевич - Российская Федерация, Уральский государственный юридический университет, зав. кафедрой предпринимательского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право Кузнецова Ольга Анатольевна - Российская Федерация, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зам. декана по научной работе юридического факультета, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право Муртазозода Джамшед Сайдали - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, профессор кафедры Гражданского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право Гаюров Шукрулло Караматуллоевич - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, зав. кафедрой гражданского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право Васильев Антон Александрович - Российская Федерация, Алтайский государственный университет, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, профессор, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве Дашин Алексей Викторович - Российская Федерация, Кубанский государственный аграрный университет, профессор кафедры международного частного и предпринимательского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве Сотиводиев Рустам Шарофович - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, профессор кафедры теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве Ипешков Константин Анатольевич - Российская Федерация, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры правовых основ управления, доктор юридических наук, доцент, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право Диноршох Азиз Мусо - Республика Таджикистан, Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, первый заместитель, заместитель исполнительного директора по науке, инновациям и международному сотрудничеству, доктор юридических наук, профессор, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право Азимзода Назир Бозор - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право Дьядкин Дмитрий Сергеевич - Российская Федерация, Сургутский государственный университет, директор института государства и права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право Рустимова Гаухар Рустембековна - Республика Казахстан, Казахская Академия труда и социальных отношений, профессор кафедры правовых дисциплин, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право Сулайманова Назгуль Назарбековна - Республика Киргизия, Кыргызско-Российский Славянский университет, зав. кафедрой уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право Сафарзода Анвар Ислои - Республика Таджикистан, Исполнительный аппарат Президента Республики Таджикистан, руководитель Управления образования, культуры и информации, доктор юридических наук, доцент, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право Гаврилов Борис Яковлевич - Российская Федерация, Академия управления МВД Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений, доктор юридических наук, профессор, 12.00.09 – Уголовный процесс Махмудов Изатулло Тешаевич - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, зав. кафедрой судебного права и прокурорского надзора, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.09 – Уголовный процесс

Муродзода Ардашер Алишер - Республика Таджикистан, судья района Шохмансур г. Душанбе, кандидат юридических наук, 12.00.09 – Уголовный процесс

Абашидзе Аслан Хусейнович - Российская Федерация, Российский университет дружбы народов, зав. кафедрой международного права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Титова Татьяна Александровна - Российская Федерация, Уральский государственный юридический университет, доцент кафедры международного и европейского права, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Идизода Файзали Фузайлло - Республика Таджикистан, Маджлиси Оли Республики Таджикистан, Председатель Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Носиров Хуршед Толибович - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Султонова Тахмина Истамовна - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой гражданского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Мороз Светлана Павловна - Республика Казахстан, Высшая школа права «Адилет», декан, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Абдуллин Аделъ Ильясович - Российская Федерация, Казанский (Приволжский) федеральный университет, зав. кафедрой международного и европейского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Мансуров Умед Абдуфаттохович - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Международный Комитет Красного Креста, юридический советник Миссии, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Раджабзода Махмадёр Носир - Республика Таджикистан, Педагогический институт Таджикистана в Рахтском районе, ректор, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Абдухамитов Валичон Абдухалимович - Республика Таджикистан, Консалтинговая компания «Russell Bedford ААА», старший юрист, доктор юридических наук, доцент, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Назаров Аваз Кувватович - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, зав. кафедрой криминалистики и судебно-экспертной деятельности, доктор юридических наук, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Козаченко Иван Яковлевич - Российская Федерация, Уральский государственный юридический университет, зав. кафедрой уголовного права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Алимов Суробшо Юсуфпоевич - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, доцент, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный процесс; муниципальное право

Эльназаров Давлатшо Ходжаевич - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, профессор кафедры государствоведческих дисциплин, доктор юридических наук, доцент, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Кондрашев Андрей Александрович - Российская Федерация, Сибирский Федеральный университет, зав. кафедрой конституционного, административного и муниципального права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон - Республика Таджикистан, Академия МВД Республики Таджикистан, заместитель начальника по науке, доктор юридических наук, доцент, 12.00.09 – Уголовный процесс

Хамроев Шухратджон Садирович - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, декан юридического факультета, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.09 – Уголовный процесс

Михайлов Виктор Александрович - Российская Федерация, Российская таможенная Академия, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, профессор, 12.00.09 – Уголовный процесс

Адрес редакции

734025, Республика Таджикистан, г.Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
 тел.: (+992 237) 227-67-40; www.vestnik.rtsu.tj
 e-mail: ismoilova-2016@mail.ru; farida.aminova.2016@mail.ru
 Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан.
 Лицензия №311/ЖР-97 от 13 октября 2023 года.

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора.....	9
----------------------------	---

12.00.02 - КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Улугов У.А. Правовые основы сквозного экологического управления как составная часть экологической функции в Республике Таджикистан.....	10
Шафалович А.А. Доктрина судебного права: о специфике судебного правотворчества (на примере Республики Беларусь).....	18

12.00.03 - ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Бахтиёри М. Констатации нотариальных действий с элементами иностранного права.....	26
Золотухин А.В. Анализ классических доктринальных подходов к определению имущества в гражданском праве.....	32
Кудратуллозода Б.К. Договор энергоснабжения в системе частноправового регулирования электроэнергетических отношений.....	36
Оголь В.А. Национальный режим и изъятия из него в праве собственности иностранцев в Российской Федерации.....	43
Сибгатуллин И. К проблеме правовой природы брачного договора в российской науке и в судебной практике.....	50
Султонова Т.И. Электронная коммерция как форма предпринимательской деятельности: состояние и проблемы правового регулирования в Республике Таджикистан.....	56

12.00.08 - УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Косимова М.А. Женская преступность: от теории к практике предупреждения.....	61
Маннонзода Н.М., Абдуллаев Н.С. Уголовно-правовая характеристика объективных признаков преступления против половой неприкосновенности.....	66
Рахмонзода О.Д. Некоторые криминологические свойства «личности похитителя».....	72

12.00.09 - УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Бобоев У.Т. Типичные исходные следственные ситуации и криминалистические версии по делам о преступлениях, являющихся элементами героинового наркотрафика.....	77
Содилов Ш.Дж. Реализация правообеспечительного механизма при производстве процессуальных действий на стадии предварительного расследования.....	82

12.00.10 – МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Аминова Ф.М. Правовые основы международной и национальной безопасности.....	96
Мансуров У.А. Роль экономического суда СНГ в формировании единого правового пространства содружества.....	101
Нодири Ш.А. Участие Республики Таджикистан в правовом регулировании миграционных процессов: актуальность и перспектива.....	106
 Правила для авторов и порядок рецензирования.....	111

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ!

Вышел в свет очередной номер научного журнала «Юридический вестник» юридического факультета Российско-Таджикского (Славянского) университета.

Выпуск журнала - результат усилий команды молодых докторов, кандидатов наук и соискателей, которые с энтузиазмом воплотили в жизнь свою идею об учреждении нового периодического издания для быстрой, полной и открытой публикации результатов научных исследований учёных-правоведов.

Наш журнал унаследовал устоявшиеся традиции и порядок опубликования научных статей в ведущих журналах Таджикистана и России, в связи с чем требования к их оформлению максимально приближены к требованиям, предъявляемым к рецензируемым научным изданиям, рекомендуемым Высшими аттестационными комиссиями Республики Таджикистан и Российской Федерации для опубликования результатов диссертационных исследований.

В сегодняшнем мире успех деятельности любого ученого оценивается по востребованности его работ, что подтверждает, в том числе, уровень их цитирования. Поэтому особую актуальность приобретают наукометрические базы учета научных публикаций.

Научный журнал «Юридический вестник» представляет собой пример свободной печатной площадки для опубликования научных достижений ученых-юристов, что позволит каждому автору раскрыть свои научные способности, представить разработанную им научную идею или концепцию, популяризировать свои научные исследования, чтобы использовать юридические знания во благо общества и государства.

При этом следует подчеркнуть, что публикационное поле деятельности нашего журнала будет охвачено не только научными трудами отечественных ученых и специалистов, но также и зарубежных исследователей. Это возможно благодаря нашему тесному сотрудничеству с иностранными коллегами, круг которых, естественно, гораздо шире, чем список учёных, вошедших в состав редакционной коллегии журнала «Юридический вестник». Информировав наших читателей о новейших достижениях зарубежной юридической науки и практики, мы исходим из принципа актуальности интеграции науки и научного познания. Ведь развитие отечественной правовой мысли невозможно без учета современного состояния мировой юридической науки.

Я призываю всех наших коллег активнее участвовать в научной деятельности. Мы приглашаем к сотрудничеству ведущих ученых и специалистов Республики Таджикистан и зарубежных стран. Именно Ваши научные труды являются основой новых направлений исследований для аспирантов и соискателей, начинающих ученых.

Мы верим, что с помощью и при поддержке наших авторов и читателей наш журнал станет одним из лидирующих периодических научных изданий в области юриспруденции как в Республике Таджикистан, так и за его пределами.

Хочу пожелать мира, благополучия и достижения поставленных целей!

Главный редактор
доктор юридических наук, профессор,
А.В. Золотухин

УДК 342.415:502.173(575.3)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СКВОЗНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Улугов Умиджон Амонович

к.ю.н., преподаватель

Первый проректор, проректор по науке и инновациям
Российско-Таджикский (славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, Ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.:(+992) 778888753, E-mail: umed.ulugov@gmail.com

В статье анализируются правовые основы формирования сквозного экологического управления в Республике Таджикистан. Обосновывается необходимость создания единого цифрового контура и Единого государственного реестра природопользователей. Особое внимание уделено вопросам экологического учета, мониторинга, контроля и управления рисками. Также в статье рассматриваются конституционно-правовые основы предлагаемой системы. Выдвигаются предложения по совершенствованию экологического управления в целях повышения прозрачности принимаемых решений, привлечения зеленых инвестиций и обеспечения права граждан на благоприятную окружающую среду.

Ключевые слова: *сквозное экологическое управление, Единый государственный реестр природопользователей, цифровой контур, комплексное экологическое разрешение, риск-ориентированный подход*

Республика Таджикистан за последние 10 лет достигла значительных изменений в экономическом развитии¹: объем внутреннего валового продукта увеличился в 3,4 раза, а темпы развития национальной эконо-

мики ежегодно в среднем увеличивалась на 7,6 процентов, уровень бедности снизился до 19 процентов. Эти факторы не могли не повлиять на значительный рост природопользователей в стране, что в свою очередь усилило антропогенную нагрузку на окружающую среду.

Цели развития тысячелетия, принятые мировым сообществом, предполагают такой рост, но содержатся требования управления ростом с учетом охраны окружающей среды. Это не может не накладывать на экономику страны постоянные обязательства проводить исследовательские работы, собирать научно обоснованные данные, делать прогнозы по защите окружающей среды. Оторванность экономического развития от мер по

защите окружающей среды может обернуться коллапсом всей системы управления государством. Как справедливо отмечают ряд исследователей, меры по защите и восстановлению окружающей среды стоят очень дорого, поэтому заранее необходимо принимать решения, где экономические выгоды не будут меньше затрат на защиту окружающей среды². Впрочем, более важным аспектом является соблюдение права граждан на благоприятную окружающую среду и исполнение конституционных норм по обеспечению доступа к данным (ст.25) и обеспечения прав на благоприятную окружающую среду (ст.13, 38, 44).

Учитывая эти факторы, многие государства, равно как Республика Таджикистан активизировали процессы, связанные с

© Улугов У.А., 2026

¹ Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона об основных направлениях внутренней и внешней политики республики, 16 декабря 2025 г., г. Душанбе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.president.tj/event/missives/54185> (дата обращения: 05.07.2026).

² Smolović S., Živanović S., Abramović N., Živanović M. Management of sustainable development and environmental protection // AGORA International Journal of Economical Sciences. 2023. Vol. 17. №. 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.15837/aijes.v17i2.6452> (дата обращения: 24.08.2026).

цифровизацией и упрощения процессов государственного экологического управления. В системе экологической функции государства трансформации подлежат практически все аспекты, но наиболее востребованными являются вопросы разрешительной системы, управления рисками, контроль и мониторинг, учет и статистика. Формирование отдельного государственного реестра позволит стране не только упростить процесс принятия решения, но и сделать его последовательным, открытым и объективным.

Мы полагаем, что внедрение цифровых решений потребует совместимости и способности к обмену информацией, что в научных кругах рассматривается как интероперабельность данных государственного реестра¹. Немаловажно также учитывать интересы природопользователей, которые сталкиваются со значительными правовыми требованиями, необходимостью втягиваться в разработку документации, суть и содержание которых часто не понимают. Внедрение цифровых решений в такие вопросы, как оценка воздействия на окружающую среду, выдача разрешительной документации, расчеты предельно допустимых уровней, равно как отчеты государственного контроля, мониторинга, а также учета и отчетности имеет важное значение как элемент экологического просвещения населения. Исследования ряда ученых пока-

зывают, что внедрение аналогичных систем (пример системы Employing Long Short-Term Memory (LSTM) привело к положительному экологическому эффекту, включая значительное сокращение отходов и выбросов, но это также позволило получить бизнес-выгоды, включая усиление репутации бренда и доверия клиентов². Мы полагаем, что создание единой цифровой системы с интегрированными различными инструментами экологического управления позволят значительно внести баланс между экономическим развитием и экологической устойчивостью.

Раскрытие дефиниции «сквозного экологического управления» имеет важное значение для понимания сути предложения, но необходимо понимать, что существуют четыре основных фундаментальных положений, которые скрепляются в единый механизм. На первое место ставим системный подход к природопользователям, в рамках которого учитываются возможности самостоятельного планирования пользования природными ресурсами, расчеты рисков и мер по их митигации, равно как предоставления всех возможных услуг по взаимодействию природопользователя с органом охраны окружающей среды. В случае отсутствия специальных знаний природопользователи могут воспользоваться алгоритмом специальных цифровых возможностей и путем предоставления данных получить доступ к системе, которая должна

быть способна обработать данные и выдать соответствующие документы, к примеру документ оценки воздействия на окружающую среду, оценку риска и другие. Процессный подход требует от природопользователя наладить внутреннюю систему экологического управления. Сюда включены аспекты документации, внутреннего контроля, отчетности, проведения аудита. Применение адаптивного подхода позволяет выработать систему, которая может быстро адаптироваться к изменившимся условиям, равно как и правовым требованиям. Риск-ориентированный подход помогает проводить классификацию рисков на постоянной основе, а такие инструменты как контроль, мониторинг позволяют их менять в зависимости от достижения поставленных целей.

Ряд ученых полагают, что помимо прочего стоит упомянуть применение предупредительного принципа, который позволяет концепции экологических ценностей сохраняться при принятии решений³. Не отрицая важности данного принципа, мы полагаем, что его внедрение в общую цифровую систему возможно лишь как элемент контроля, который служит важную роль для мотивации, но самостоятельного статуса не имеет.

Применение этих принципов без внедрения цифровых инструментов является бессмысленным. Переход от бумажных и не связанных между собой операций к цифровым решениям

¹ Власенко В.Н., Широбоков А.С. Цифровизация государственного экологического управления: правовые аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 2. С. 601619. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.22363/231323372021252601619> (дата обращения: 11.07.2026).

² Qiao J., Zhou E. LSTMBased Anomaly Detection in Manufacturing Environmental Monitoring Data // Automation and Machine Learning. 2023. Vol. 4. P. 5559.

[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.23977/autml.2023.040307> (дата обращения: 18.08.2026).

³ Pavlishchuk O., Kravets P., Churilov A. Integration of environmental values into the management system of forestry enterprises in accordance with the requirements of forest certification // Ukrainian Journal of Forest and Wood Science. 2022. Vol. 13. №. 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://doi.org/10.31548/forest.13\(4\).2022.8495](https://doi.org/10.31548/forest.13(4).2022.8495) (дата обращения: 14.08.2026).

должно привести к сквозным цифровым процессам. Информация должна собираться единым образом, что позволит обрабатывать ее на всех этапах жизненного цикла деятельности природопользователей. При этом в науке доказывается, что положительного результата невозможно достичь без унифицированных протоколов и репозиторий эталонных данных, равно как необходима разработка стандартных баз данных и методик принимаемых решений¹.

Таким образом, определение «сквозного экологического управления» включает собой единый, непрерывный процесс взаимодействия органов управления с природопользователем на всех этапах его воздействия на окружающую среду. Система может сложиться из различных экологических функций, подлежащих цифровизации, но каждая последующая должна учитывать взаимосвязь и вписываться в единый алгоритм последовательных решений. В идеале необходимо прорабатывать всю систему, включая и правовые, институциональные, технические, людские ресурсы для функционирования системы, но такой подход часто свойственен странам с высоким уровнем экономического благополучия, которые имеют опыт ошибок эксплуатации системы и ее отдельных компонентов. Мы также уверены, что система должна работать за счет внутренних средств и возможностей гос-

ударства, связывая это утверждение с высоким уровнем конфиденциальности ряда данных. Системе присуща непрерывность, что напрямую связано с первоначальным этапом регистрации, но в дальнейшем циклическим процессом планирования деятельности, исполнения решений, контроль за их соблюдением, корректировкой с учетом изменившихся условий.

Мировой опыт по цифровым решениям в области управления охраной окружающей среды показывает, что есть разнообразные подходы, среди которых наиболее общим трендом выступают цифровизация ключевых функций государства, которые повышают прозрачность, доступность и эффективность всей системы. Анализ также показал, что во многих странах реформа в одной части системы привела к значительным изменениям в другой. К примеру, система поддержки предпринимательства, создание благоприятных условий для экономики, стали основой для такой реформы, что положительно было воспринято на всех уровнях принятия решений, включая изменения в процессе экологического управления, однако реализация изменений стала возможна только при постоянном обучении и поддержке², которая должна быть заложена в национальную систему Таджикистана. В связи с этим видим жизненную важность поручения Основателя мира и национального единства - Лидера нации, уважаемого Президента

Республики Таджикистан Эмомали Рахмона о необходимости создания «Научно-исследовательского института охраны окружающей среды, изменения климата и экосистем» на базе Комитета по охране окружающей среды при Правительстве Республики Таджикистан³, способного восполнить цифровые пробелы.

Есть и более узкие решения, которые могут касаться только определенных функций экологического управления. Суженный подход может быть связан как с экономическими, техническими или кадровыми возможностями государства, так и отсутствие необходимости менять существующие каналы принятия решений. Трансформации подвергаются системы обращений граждан, делопроизводство, контроля, учета, выдачи разрешений, но разрозненно, без взаимосвязи. В настоящее время отдельные государственные структуры Республики Таджикистан используют именно этот подход, но создание института контроля за развитием цифровизации может стать основой для комплексных решений.

В условиях Таджикистана мы полагаем важно выбрать начальный, промежуточный и финальный стадии либерализации системы экологического управления посредством поэтапного включения в систему цифровых решений. Таджикистан уже находится на первоначальном этапе, где внедряются некоторые экологические услуги в разряд

¹ Zaiko A., Pochon X., GarciaVazquez E., Olenin S., Wood S.A. Advantages and Limitations of Environmental DNA/RNA Tools for Marine Biosecurity: Management and Surveillance of Nonindigenous Species // *Frontiers in Marine Science*. 2018. Vol. 5. Art. 322. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.3389/fmars.2018.00322> (дата обращения: 30.08.2026).

² Cahyaningrum A.O., Permana R.M., Rukmana A.Y., Suroso, Fachrurazi. Regulatory Environmental Impact, Contract Law, Intellectual Property Rights, and Taxation

of Entrepreneurial Activities in Bandung City // *Jurnal Ekonomi dan Kewirausahaan West Science*. 2023. Vol. 1. № 2. P. 109121. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.58812/jekws.v1i02.250> (дата обращения: 04.08.2026).

³ Выступление Президента Республики Таджикистан на встрече с сотрудниками Комитета по охране окружающей среды, 17 сентября 2025 г., г. Душанбе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.president.tj/event/speeches/52835> (дата обращения: 23.07.2026).

цифровых, но при которой сохраняются прежние методы контроля; на промежуточном этапе они должны уступить место системности, включая частичную автоматизацию процесса, внедрение объективных средств контроля, полнота отчетности; финальная стадия перехода уже отличается полной автоматизацией, удаленным доступом к системе всех заинтересованных сторон, окончательная доработка системы, а также возможность открытого доступа к собираемым данным, проведение анализа на основе искусственного интеллекта с сохранением эффективности и строгости контроля на основе постоянно обновляемого законодательства.

Существующая система экологического регулирования природопользования обладает чертами фрагментарности, зачастую с разрывами между регуляторной функцией и циклом жизни объекта. Сложностью представляется отсутствие между этими функциями последовательных действий, которые определяют алгоритм принимаемых решений. Это означает, что между процессами регистрации права природопользования, выдачи разрешений и до момента окончания права пользования природным ресурсом может возникнуть разрыв в определении степени риска, оказанного воздействия и последствий такого природопользования. Сложность добавляет также юридическая, техническая терминология, обладающая специфическими чертами и необходимостью специальных знаний. Большинство предпринимателей не обладают

такими знаниями. Это создает сложности и препятствия для осуществления предпринимательской деятельности.

Отметим, что такие сложности характерны не только для Таджикистана, но и для других стран¹. Более того, исследования, проведенные в ряде стран, показывают, что разрывы могут появляться в различных областях природоохранной деятельности² и не зависят от вида предпринимательской деятельности. Информационное обеспечение природопользователей следует признать одним из наиболее сложных элементов разрыва. Несмотря на наличие всей информации в открытом доступе, регуляторная система крайне редко предоставляет возможности для обучения, получения методологической поддержки. Отсылки к положениям статьи 42 Конституции Республики Таджикистан не могут быть основой для рационального природопользования и обеспечения соответствия сквозного экологического управления. Применение формулировки «незнание» следует применять только после обоснованного механизма обучения и повышения квалификации природопользователей на платной основе, введя систему сертификации знаний, подтверждения квалификации соответствия. Еще один разрыв связан с экономическими аспектами, где исполнение норм экологического законодательства становится непосильным для большинства мелких и средних природопользователей. В этом вопросе определение рисков имеет важное значение,

а соразмерность возмещения экологических потерь экономическим выгодам природопользователей.

В совокупности, вышеперечисленные разрывы и создают фрагментарность, следственно, низкую эффективность в системе управления природопользованием. Это никак не способствует развитию института сквозного экологического управления.

Заполнить разрывы призван единый государственный реестр природопользователей (ЕГРП), механизм, который имеет полностью автоматизированную систему каталогизации данных о субъекте права природопользования, природном объекте/объектах, на которые распространяется право пользования. Система включает в себя ряд функций, которые закладываются в его программном коде с возможностями искусственного интеллекта генерировать вспомогательные данные под контролем регистрирующих органов и лиц, принимающих решения. Первичный ввод данных сопровождается информацией о природопользователе, юридической документации, наличии законных разрешений, заявлений и другой документации, необходимой для регистрации обращения. Информация о природопользователе в системе остается в режиме ожидания до принятия первых разрешительных документов, которые позволят системе активизировать другие услуги. Среди инструментов экологического управления выделяется оценка воздействия на окружающую среду, экологическая экспертиза,

¹ Cahyaningrum A.O., Permana R.M., Rukmana A.Y., Suroso, Fachrurazi. Regulatory Environmental Impact, Contract Law, Intellectual Property Rights, and Taxation of Entrepreneurial Activities in Bandung City // Jurnal Ekonomi dan Kewirausahaan West Science. 2023. Vol. 1. № 2. P. 109121. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.58812/jekws.v1i02.250> (дата обращения: 04.08.2026).

² Awwal F., Fahmal A.M., Razak A. Legal Review of Ship Certification After the Issuance of Law Number 11 of 2020 Concerning Job Creation: Case Study of the Issuance of Fish Vessel Safety Certificates // Golden Ratio of Data in Summary. 2024. Vol. 4. № 2. P. 932942. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.52970/grdis.v4i2.775> (дата обращения: 29.07.2026).

лицензирование отдельных видов деятельности, выдачи разрешений с определением уровня возможных рисков, а также путей их смягчения. Все эти инструменты объединяются в единый инструмент под названием разрешительная документация, которая является правовой основой для последующего экологического контроля и мониторинга. Ввод данных разрешительной документации может сопровождаться как ручным, так и автоматическим способом. Современные цифровые решения при условии научно-обоснованного подхода способны автоматически генерировать такие документы как оценка потенциального воздействия на окружающую среду (при условии ввода требуемой законодательством информации), документацию предельно допустимых выбросов, сбросов, паспорта отходов, лимитирование, квотирование и иные разрешительные документы. Внесение разрешительной документации может сопровождаться законными требованиями их обсуждения и раскрытия информации. Система автоматически рассчитывает временные рамки для этих целей. При вступлении в законную силу разрешительная документация становится предметом для мониторинга исполнения, а также государственного, ведомственного, производственного и общественного контроля. Система позволяет фиксировать все данные, собранные в ходе применения инструментов экологического мониторинга и контроля, включая заключения экспертов, протокола, фото и видео данные. В свою очередь, учет факторов риска, заложенных при планировании природоохранной

деятельности, разрешения на выбросы и сбросы являются источником статистического учета и отчетности, которая закладывается в ЕГРП как основа анализа, статистической информации, но и прочной основой для пересмотра и рекомендаций деятельности природопользователей, включая изменение условий разрешительной документации.

Отмечаем, что действующее экологическое законодательство не предусматривает таких механизмов, как ведение единых реестров природопользователей. В предложенном варианте экологического кодекса внесены соответствующие термины, но без механизмов имплементации. Потребуется значительная работа по разработке механизмов. Базируясь на научной мысли и практике ряда стран¹, отмечаем, что статус электронного реестра должен быть юридически закреплён, достоверность данных должна гарантирована, а доступ к системе и ее информационным ресурсам регламентирован на основе действующего законодательства. Допуск и администрирование ресурса также подпадает под правовой надзор, но требуется обучение использования ресурса природопользователям.

Единый государственный реестр природопользователей в нашей стране должен служить инструментом усиления экологического контроля при всех удобствах и либерализации системы получения разрешительной документации. Автоматическая система, предоставляющая большие возможности для природопользователей, при содействии специалистов должна наладить механизмы отслеживания, анализа сведений, их достоверности, подкрепляя систему

информацией о ходе проверок, их результатов, полученных знаний и навыков со стороны природопользователей, включая онлайн-обучение.

Итак, кратко пройдемся по основным этапам формирования реестра.

Цифровая форма подачи и обработки заявлений выступает в качестве инструмента первичной регистрации природопользователя с возможностью верификации данных, интегрированных с другими системами, такими как налоговая, к примеру. С позиции изменений отмечаем, что цифровая форма не представляет собой замену бумажной версии, но должна быть снабжена необходимыми инструкциями по заполнению, подсказками, пошаговыми методическими данными. Примером может служить опыт ряда стран, близких по развитию с Таджикистаном, где система не просто имеет возможность регистрации заявления, но служит основой для проверки и дальнейшего контроля. Система цифровой регистрации природопользователей предусматривает оценку выдачи потенциальных экологических разрешений и документации, необходимых природопользователю для применения права осуществления хозяйственной деятельности. Выдача разрешений может быть основана на единичном или комплексном подходе, что предусмотрено, к примеру, законодательством о разрешительной системе.

Центральным звеном разрешительной системы служит экологическая экспертиза, предусмотренная Законом РТ «Об охране окружающей среды»². Бу-

¹ Ju B., Shi X., Mei Y. The current state and prospects of China's environmental, social, and governance policies // *Frontiers in Environmental Science*. 2022. Vol. 10. Art. 999145. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://doi.org/10.3389/fenvs.2022.999145> (дата обращения: 09.08.2026).

² Закон Республики Таджикистан «Об охране окружающей среды» от 2 августа 2011 г. № 760 //

лучи первичным разрешительным экологическим документом, она устанавливает уровень допустимого риска и мер по недопущению экологических катастроф. Только положительное заключение государственной экологической экспертизы может быть основанием для финансирования деятельности природопользователей, а соответственно, для полного включения в Единый государственный реестр природопользователей. Предшествует экологической экспертизе процедура оценки воздействия на окружающую среду, регулируемая Законом РТ №1448 «Об оценке воздействия на окружающую среду»¹. Определение масштабов, характера планируемой хозяйственной деятельности является предметом регулирования данного закона, но сам по себе механизм не дает разрешений, но лишь является составляющей частью механизма экологической экспертизы.

Следующую группу разрешений составляют согласованные с органами охраны окружающей среды предельно допустимые выбросы (ПДВ) и сбросы (ПДС). Предприятия, потенциально загрязняющие атмосферный воздух², получающие разрешения на выброс отходов³, к примеру, обязаны согласовать соответствующие разрешения с органами охраны окружающей

среды. Сюда же включаются лицензионные разрешения. Несоблюдение норм и требований законодательства в этой сфере могут быть причиной применения мер правового принуждения.

Данные системы Единой государственной регистрации природопользователей, при успешном получении разрешительных документов, включаются в систему экологического мониторинга. Будучи одним из основных инструментов для сбора данных, институт экологического мониторинга является критически важным компонентом функционирования экологической разрешительной системы, для пересмотра выданных ранее разрешений, их изменения или аннулирования. Аналогичную роль играет система экологической отчетности, включая сбор статистических данных и их обработка.

Таким образом, сквозная система экологического управления представляется ответом на формирование современной системы государственного управления, основанная на уникальном соблюдении интересов экономического развития и охраны окружающей среды, формируя общую концепцию «зеленой экономики». В целом, основу сквозной системы экологического управления составляют цифровые инструменты,

включая внедрение искусственного интеллекта в процесс принятия решений. Первичным базовым элементом, требующего изучения и внедрения является Единая система государственной регистрации, которая должна обладать возможностями для анализа, определения рисков экологических угроз, установления необходимых разрешительных документов, систематичность экологического мониторинга и отчетность по нему, а также учет экологической статистической отчетности.

Сквозная система экологического управления способствует облегчению положения предпринимателей в стране, создавая открытый и прозрачный механизм принятия решений. Вспомогательные методологические инструменты являются обязательным условием сквозной системы. Они призваны закрыть ключевые институциональные разрывы в системе, включая фрагментарные учетные системы, включая бумажные варианты, несоответствие нормативов, технологические отставания, равно как нерациональные сроки и расходы на получение разрешительной документации. Система должна стать единой по примеру «единого окна», управляя потенциалом сотрудников природоохранных ведомств.

Библиографический список

1. Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона об основных направлениях внутренней и внешней политики республики, 16 декабря 2025 г., г. Душанбе. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.president.tj/event/missives/54185> (дата обращения: 05.07.2026).

Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2011. № 78. Ст. 614.

¹ Закон Республики Таджикистан «Об оценке воздействия на окружающую среду» от 18 июля 2017 г. № 1448 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2017. № 79. Ст. 571.

² Закон Республики Таджикистан «Об охране атмосферного воздуха» от 28 декабря 2012 г. № 915 //

Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2012. № 12, ч. 1. Ст. 1009.

³ Закон Республики Таджикистан «Об отходах производства и потребления» от 10 мая 2002 г. № 44 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2002. № 4, ч. 1. Ст. 287.

2. Выступление Президента Республики Таджикистан на встрече с сотрудниками Комитета по охране окружающей среды, 17 сентября 2025 г., г. Душанбе. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.president.tj/event/speeches/52835> (дата обращения: 23.07.2026).
3. Закон Республики Таджикистан «Об охране окружающей среды» от 2 августа 2011 г. № 760 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. - 2011. - № 7-8. - Ст. 614.
4. Закон Республики Таджикистан «Об оценке воздействия на окружающую среду» от 18 июля 2017 г. № 1448 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. - 2017. - № 7-9. - Ст. 571.
5. Закон Республики Таджикистан «Об охране атмосферного воздуха» от 28 декабря 2012 г. № 915 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. - 2012. - № 12, ч. 1. - Ст. 1009.
6. Закон Республики Таджикистан «Об отходах производства и потребления» от 10 мая 2002 г. № 44 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. - 2002. - № 4, ч. 1. - Ст. 287.
7. Власенко В.Н., Ширококов А.С. Цифровизация государственного экологического управления: правовые аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. - 2021. - Т. 25. - № 2. - С. 601-619. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-2-601-619> (дата обращения: 11.07.2026).
8. Awwal F., Fahmal A.M., Razak A. Legal Review of Ship Certification After the Issuance of Law Number 11 of 2020 Concerning Job Creation: Case Study of the Issuance of Fish Vessel Safety Certificates // Golden Ratio of Data in Summary. - 2024. - Vol. 4. - No. 2. - P. 932-942. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://doi.org/10.52970/grdis.v4i2.775> (дата обращения: 29.07.2026).
9. Cahyaningrum A.O., Permana R.M., Rukmana A.Y., Suroso, Fachrurazi. Regulatory Environmental Impact, Contract Law, Intellectual Property Rights, and Taxation of Entrepreneurial Activities in Bandung City // Jurnal Ekonomi dan Kewirausahaan West Science. - 2023. - Vol. 1. - No. 2. - P. 109-121. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://doi.org/10.58812/jekws.v1i02.250> (дата обращения: 04.08.2026).
10. Ju B., Shi X., Mei Y. The current state and prospects of China's environmental, social, and governance policies // Frontiers in Environmental Science. - 2022. - Vol. 10.-Art.999145. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://doi.org/10.3389/fenvs.2022.999145> (дата обращения: 09.08.2026).
11. Pavlishchuk O., Kravets P., Churilov A. Integration of environmental values into the management system of forestry enterprises in accordance with the requirements of forest certification // Ukrainian Journal of Forest and Wood Science. - 2022. - Vol. 13. - №. 4. - P. 84-95. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [https://doi.org/10.31548/forest.13\(4\).2022.84-95](https://doi.org/10.31548/forest.13(4).2022.84-95) (дата обращения: 14.08.2026).
12. Qiao J., Zhou E. LSTM-Based Anomaly Detection in Manufacturing Environmental Monitoring Data // Automation and Machine Learning. - 2023. - Vol. 4. - P. 55-59. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.23977/autml.2023.040307> (дата обращения: 18.08.2026).
13. Smolović S., Živanović S., Abramović N., Živanović M. Management of sustainable development and environmental protection // AGORA International Journal of Economical Sciences. - 2023. - Vol. 17. - No. 2. - P. 142-157. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://doi.org/10.15837/aijes.v17i2.6452> (дата обращения: 24.08.2026).
14. Zaiko A., Pochon X., Garcia-Vazquez E., Olenin S., Wood S.A. Advantages and Limitations of Environmental DNA/RNA Tools for Marine Biosecurity: Management and Surveillance of Non-indigenous Species // Frontiers in Marine Science. - 2018. - Vol. 5. - Art. 322. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://doi.org/10.3389/fmars.2018.00322> (дата обращения: 30.08.2026).

**LEGAL FOUNDATIONS OF END-TO-END ENVIRONMENTAL MANAGEMENT AS AN
INTEGRAL PART OF THE ENVIRONMENTAL FUNCTION IN THE REPUBLIC OF
TAJIKISTAN**

Ulugov Umidjon Amonovich

Candidate of Legal Sciences, Lecturer

First Vice-Rector, Vice-Rector for Science and Innovation

Russian-Tajik (Slavonic) University

30 M. Tursunzoda St., Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan

Tel.: (+992) 778888753, E-mail: umed.ulugov@gmail.com

The article analyzes the legal foundations for the development of end-to-end environmental management in the Republic of Tajikistan. It substantiates the need to establish a unified digital framework and a Unified State Register of Natural Resource Users. Particular attention is paid to environmental accounting, monitoring, control, and risk

management. The article also examines the constitutional and legal foundations of the proposed system. Proposals are put forward to improve environmental management in order to increase the transparency of decision-making, attract green investment, and ensure citizens' right to a favorable environment.

Keywords: *end-to-end environmental management, Unified State Register of Natural Resource Users, digital framework, integrated environmental permit, risk-based approach.*

АСОСҲОИ ҲУҚУҚИИ ИДОРАКУНИИ ФАРОГИРИ ЭКОЛОГӢ ҲАМЧУН ҚИСМИ ТАРКИБИИ ФУНКСИЯИ ЭКОЛОГӢ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Улуғов Умедҷон Амонович

номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, омӯзгор

Муовини якуми ректор, муовини ректор оид ба илм ва инноватсия

Донишгоҳи славянии Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30

Тел.: (+992) 778888753, E-mail: umed.ulugov@gmail.com

Дар мақола асосҳои ҳуқуқи ташаккули идоракунии фарогири экологӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳлил карда мешаванд. Зарурати таъсиси низоми ягонаи рақамӣ ва Феҳристи ягонаи давлатии истифодабарандагони захираҳои табиӣ асоснок карда мешавад. Ба масъалаҳои баҳисобгирии экологӣ, мониторинг, назорат ва идоракунии хавфҳо таваҷҷуҳи махсус зоҳир карда шудааст. Ҳамчунин дар мақола асосҳои конститусионӣ ва ҳуқуқи низоми пешниҳодшаванда мавриди баррасӣ қарор мегиранд. Пешниҳодҳо оид ба такмили идоракунии экологӣ бо мақсади баланд бардоштани шаффофияти қабули қарорҳо, ҷалби сармоягузориҳои сабз ва таъмини ҳуқуқи шаҳрвандон ба муҳити зисти мусоид манзур карда мешаванд.

Калидвожаҳо: *идоракунии фарогири экологӣ, Феҳристи ягонаи давлатии истифодабарандагони захираҳои табиӣ, низоми рақамӣ, иҷозати комплекси экологӣ, равиши ба хавф нигаронидашуда.*

УДК 342.4

ДОКТРИНА СУДЕБНОГО ПРАВА: О СПЕЦИФИКЕ СУДЕБНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Шафалович Анна Анатольевна

кандидат юридических наук,

доцент, доцент кафедры теории и истории права

УО «Белорусский государственный экономический университет»,

223039, Республика Беларусь, г. Минск, Пр. Рокоссовского, 65

Тел. +(375) 29 1064734 shafalovichy@gmail.com

Статья посвящена изучению специфики судебного правотворчества в контексте актуального направления комплексного исследования – доктрины судебного права. Новизна исследования состоит в выявлении сложносоставного, а не «однородного» характера судебного правотворчества, которое являет собой мост между индивидуальным и абстрактным нормированием, а также симбиоз интерпретационной, контрольной, правоприменительной и нормотворческой деятельности. В результате исследования автор выявляет такие специфические черты судебного правотворчества, как: недопущение вторжения иных государственных органов и недопущение активизма; вынужденный, вторичный (субсидиарный), конкретный, точечный характер, производный от правоприменительной деятельности характер. Судебное правотворчество не может быть массовым и не поддается долгосрочному или среднесрочному планированию. Оно вариативно и отличается различными формами (судебный прецедент, судебная практика, нормативные правовые акты высших судов) и различными процедурами правотворческого процесса для разных видов источников судебного права. Формирование источников судебного права осуществляется как «побочный эффект» от правоприменения.

Ключевые слова. *судебное правотворчество, источники судебного права, судебный прецедент, судебная практика, нормативный правовой акт, постановления Пленума Верховного Суда, судебное толкование, судебная власть, доктрина судебного права.*

С недавних пор получил развитие специфический, междисциплинарный подход к изучению деятельности судов — док-

трина судебного права. Представляя собой «комплексную научную теорию, аккумулирующую знания о судебной власти из теории и истории права, философии права, наук конституционного, административного, гражданско-, уголовно-, административно-процессуального права»,¹ доктрина судебного права позволяет выявить ранее не доступные для конституционно-правового исследования аспекты. Данная статья написана с этих позиций. Она продолжает цикл научных статей о различных доктринальных аспектах судебного (судейского) правотворчества в Республике Беларусь.

Парадоксально, но до сих пор одним из наиболее дискуссион-

ных вопросов доктрины судебного права в Республике Беларусь остается вопрос о правотворческом аспекте деятельности органов судебной власти, что имеет неоспоримую практическую значимость для национальной правовой системы. В этом контексте целью исследования является выявление специфических свойств правотворческой стороны судебного права в Республике Беларусь.

Для начала отметим, что, согласно мнению Н. С. Бондаря, категория судебного права воплощает два аспекта: «а) единство процессуально-судопроизводственного и судоустройственного законодательства («право о суде»); б) итог судебного правотворчества...»,² т.е. источники

© Шафалович А.А., 2026

¹ Бондарь Н. С. Судебное право в системе конституционализма: сочетание правотворческих и правоприменительных начал // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 10. С. 31.

² Бондарь Н. С. Судебное право в системе конституционализма: сочетание правотворческих и правоприменительных начал // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 10. С. 30.

права, создаваемые судами. Далее рассмотрим соотношение понятий «судебное право» и «судейское право», «право судов». Если в контексте юридической этики и процессуальных норм прилагательное «судейское» фокусирует внимание исключительно на судебном сообществе, а «судебное» указывает на принадлежность ко всем субъектам, участникам судопроизводства, то в контексте правотворчества данные понятия будем использовать как синонимы.

В ситуации, когда правоведы далеки от единого понимания роли судебной власти в правотворчестве, в том числе и в Республике Беларусь, представляется важным не отрицать факт судебного правотворчества просто по причине нетипичности его форм, а выявить его специфику по сравнению с нормотворческой деятельностью (относительно нормативных правовых актов). Итак, по нашему мнению, судебное правотворчество отличается следующими чертами.

1) Это *правотворчество автономное, закрытое от влияния извне*. Независимость судебной власти в сфере правотворчества работает в обе стороны. С одной стороны, источники судебного права могут отменить и изменить только сами субъекты, их создавшие. С другой стороны, сами суды также не могут отменить или изменить источники права, созданные другими государственными органами. Первая сторона ярко проявляется в том, что даже высший нормотворческий орган Республики Беларусь — Всебелорусское народное собрание, которое вправе отменить даже акты Президента Республики Беларусь, не вправе отменить акты судебной

власти. Согласно ст. 89⁵ Конституции Республики Беларусь, решения Всебелорусского народного собрания «могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности, за исключением актов судебных органов». Вторая сторона особенно явственно прослеживается на практике Конституционного Суда, когда признанные неконституционными акты не отменяются Конституционным Судом напрямую, а отменяются нормотворческими органами, их принявшими (издавшими).

В отношении к судам недопустима нормотворческая инициатива иных государственных органов или граждан, но и суды не обладают правом законодательной или любой иной нормотворческой инициативы. За органами судебной власти законодательно закреплено право внесения в нормотворческие органы *предложений по совершенствованию законодательства*. Здесь возникают два вопроса: «Можно ли предложение по совершенствованию законодательства считать видом нормотворческого предложения? Является ли оно правом или обязанностью?». Полагаем, это — все-таки особый вид нормотворческих предложений, но касающийся больше правил юридической техники, а не изменения содержания существующих правовых норм. Что касательно обязанности или права судов вносить предложения по совершенствованию законодательства, то отметим, что этот вопрос решается по-разному в зависимости от (не)признания доктрины судебного активизма. Согласно этой

доктрине, судьи должны принимать самое активное участие в совершенствовании законов. К слову, само «возникновение доктрины судебного активизма тесным образом связана с феноменом существования судебного правотворчества».¹ Мы считаем его правом, приняв во внимание следующую характеристику судебного правотворчества.

2) Оно *пассивное и вынужденное*. В отличие от активных законодательной и исполнительной власти (она вообще работает непрерывно), образно говоря, судебная власть «спит», пока к ней не обратились. В плане правотворчества она еще более сдержанна, даже чем в правоприменении. Судебная власть, как отмечает П. П. Миклашевич, в правотворчестве обязана проявлять сдержанность и «недопущение чрезмерного судебного активизма, сохранение уравнивающей правовой природы...».² О судебском активизме говорят, когда имеют в виду ситуацию неправомерного правотворчества судьи, когда судья пытается расширить или изменить существующий закон.³

Судебное правотворчество характеризуется отсутствием соответствующего инициирования со стороны конкретного суда, т.е. суд до определенного момента пассивен. Но в процессе разрешения конкретного дела, суд может быть вынужден творить право (в условиях неясности закона, его пробельности, конкуренции норм, правовой неопределенности и т.д.). Если в судебном прецеденте инициатива всегда исходит от сторон, участвующих в деле, которые посредством судебного правотворчества стремятся к разрешению конфликта,

¹ Эффективность законодательства в экономической сфере: научно-практическое исследование / Отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М. : Волтерс Клувер, 2010. С. 315.

² Миклашевич, П. П. О законодательном механизме реализации конституционного контроля [Электронный ресурс]. URL:

<https://pravo.by/novosti/novostipravoby/2023/july/74892/>. (дата обращения: 11.01.2026).

³ Аристова, К. Судейский активизм: благо или зло? // СКО. 2012. № 3 (88). С. 129.

причем вне зависимости от пределов урегулированности спора нормативным правовым актом, то, как отмечает И. Н. Минец, «первостепенная роль в инициировании вопросов, подлежащих обсуждению на Пленуме, должна отводиться судебным коллегиям Верховного Суда, которые в процессе рассмотрения дел в кассационном и надзорном порядке имеют возможность делать выводы о том, насколько правильно сориентированы суды в применении конкретных правовых норм».¹

3) *Источники судебного права всегда вторичны в системе источников любой правовой системы*, включая наднациональную, если можно сказать, они субсидиарны. Не допустима конкуренция или коллизия с нормативными правовыми актами иных органов государства. *Источники судебного права* компенсируют недочеты актов нормотворческих органов, попавших в поле зрения судов. Суд лучше иных государственных органов видит дефекты правовых актов и потребности граждан и правовой практики. Было бы непроспективным не учитывать богатую судебную практику, однако судебное решение никогда не может заменить собой закон.² М. С. Чунина пишет, что «высшие суды постепенно вводят новые положения, которые регулируют вновь возникающие общественные отношения, на законодательном уровне никак не урегулиро-

ванные»³. Коллектив авторов Института государства и права РАН писали на рубеже XX и XXI веков, что «судебное постановление... должно оставаться источником прав до тех пор, пока законодатель либо подтвердит его, приняв аналогичную норму, либо изменит, либо вообще отвергнет, ибо приоритет принадлежит законодателю».⁴

Здесь стоит обратить внимание, что мнение о пределах правотворческих компетенций судебных органов разнится. Так, В. М. Андрианов считает, что «суд в процессе правоприменения неизбежно будет корректировать положения нормативных правовых актов, устранять пробелы в правовом регулировании путем создания нового права, если подлежащие применению нормы отсутствуют».⁵ Это требует принцип справедливости вынесенных судебных постановлений. Между тем, другие авторы, например, С. С. Крипиневич, утверждают, что «судебная практика не может конкретизировать закон... Речь должна идти не о конкретизации, а о придании общеприменимого смысла законодательным положениям и о применении их в соответствии с этим смыслом».⁶ Мы придерживаемся точки зрения, что судебное право может претендовать на дополняющую, корректирующую или восстановительную функцию. Безусловно, эволюционно ориентированная толкова-

тельная деятельность лежит в основе всего, что делает суд, будь то юридическая квалификация в правоприменении, или формулирование правовых позиций высших судов. И это еще одна особенность судебного правотворчества.

4) Е. В. Семьянов рассматривает судебное нормотворчество как деятельность «производную, обусловленную деятельностью по отправлению правосудия, завершающую на основе анализа судебной практики процесс формирования права государственную деятельность компетентных судебных органов, которая направлена на создание правовых норм, их дальнейшее совершенствование, изменение и отмену, — и осуществление воздействия на социальную жизнь».⁷

Акты судебного права специфичны по форме. Особая форма судебного правотворческого процесса вытекает из факта, что судебная власть является арбитром в спорах о праве (осуществляет правосудие) и своеобразным арбитром в процессе законотворчества, т.е. осуществляет конституционный надзор и контроль (чего не было в советское время). Судебное право это «побочный эффект» от внимательного изучения судьями и толкования норм права (законодательства).

Д. Р. Валитов также считает, что судебное правотворчество, происходящее из толкования,

¹ Минец И. Н. Пленум Верховного Суда. Каким ему быть? // Судовы веснік. 1997. № 4. С. 3.

² Балагер Кальехон Ф. Нормотворческая функция конституционных решений // Правосудие. 2021. Т. 3. № 1. С. 40.

³ Чунина М. С. Судебное нормотворчество и судебное правотворчество: разграничение понятий // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2022. Т. 10. № 2. С. 77

⁴ Судебная практика как источник права / Лившиц Р. З., Жуйков В. М., Иванов С. А. и др. ; Инт государства и права РАН. М. , 1997. (сер. : Новое в юрид. Науке и практике / отв. Ред. Топорнин Б. Н.). С. 30.

⁵ Андрианов В. М. Правотворческая функция суда // IX Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика: сб. тр. Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 22 мая 2021 г.) / отв. ред. Т. В. Седацкая. СПб. : Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2021. С. 204.

⁶ Крипиневич, С. С. Судебная практика и ее единство: проблемы определения и пути их решения // Право и политика. 2023. № 11. С. 15.

⁷ Семьянов, Е. В. Судебное правотворчество (вопросы общей теории права): автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2005. С. 11–12.

имеет в общей иерархии нормативной регулятивной системы общества положение, аналогичное интерпретируемому акту, т.е., интерпретация текста нормативного правового акта неотделима от него самого¹. Но это не совсем так, поскольку, данные постановления могут сохранить общеобязательность даже в случае отмены толкуемого акта. Постановления Пленума Верховного Суда имеют собственные реквизиты и регистрационные номера в Реестре правовых актов Республики Беларусь, что свидетельствует об их самостоятельном действии.

Вероятно, непризнание многими юристами нормативности постановлений Пленума Верховного Суда вытекает из сложностной композиции постановлений. Содержание постановлений Пленума легализирует судебный прецедент, обобщает судебную практику, дает официальное казуальное и/или нормативное толкование судом, создает правовые положения (т.е. правовые нормы судебного права). Постановления Пленума Верховного Суда стали суммарной формой участия суда в правотворческой деятельности, вобрав в себя черты локального, корпоративного и нормативного акта.

Говоря о нормах судебного права, некоторые авторы акцентируют внимание, что высшие суды создают «общие нормы правового регулирования»,² «нормы права общего характера»,³ «пра-

воположения общего характера»,⁴ или абстрактные правила решений возникающих на практике вопросов. К слову, профессор В. Н. Бибилло указывает на иной аспект правоположений: она их рассматривает как закрепленные в судебных актах общего характера «нормы права, имеющие рекомендательное значение», т.е. не обеспеченные негативной санкцией.⁵

Н. С. Бондарь видит «уникальную нормативно-доктринальную природу» в «сочетании в судебной деятельности юрисдикционно-правоприменительных и правообразовательных начал» судебного права.⁶ Коллектив авторов Академии МВД Республики Беларусь также считают, что «правовая позиция, аргументы ее формулирования, а также вывод Суда представляют собой специфическое нормативное образование...».⁷

Зачастую судебное правотворчество осуществляется в процессе судопроизводства, т.е. правотворческая деятельность неотделима по форме от правоприменительной. Единственным исключением является принятие постановления в формате Пленума, более всего дистанцированное от конкретных судебных дел. При чем специфика здесь проявляется в том, что, согласно ст. 52 Кодекса о судостроительстве и статусе судей 29 июня 2006 г. № 139–3 (далее — Кодекса о судостроительстве и статусе судей), «Вер-

ховный Суд Республики Беларусь действует в составе: Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, Президиума» и др. Формулировка статьи наводит на мысль, что Пленум входит в состав Верховного Суда. Между тем, ст. 57 того же Кодекса гласит, что в состав Пленума Верховного Суда входят Председатель и заместители Верховного Суда, судьи Верховного Суда и председатели Апелляционного экономического суда, областных (Минского городского) судов, экономических судов областей (города Минска). То есть из ст. 57 вытекает, что как раз состав Пленума шире, чем состав Верховного Суда.

При всем этом нормотворческим органом, принимающим постановления Пленума Верховного Суда является Верховный Суд. Так, п. 2 ст. 17 Закона «О нормативных правовых актах» от 17 июня 2018 г. № 130–3 с измен. и доп. от 03 июля 2024 г. (далее — Закона о НПА) гласит: «Верховный Суд Республики Беларусь принимает нормативные правовые акты в форме постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь...».

В целом к субъектам, формирующим источники судебного права в Республике Беларусь, относятся Верховный Суд (принимает постановления в формате Пленума), Конституционный Суд (принимает заключения и решения) и, как ни странно, суды

¹ Валитов Д. Р. Понятие и признаки судебного правотворчества [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/Andrey/Downloads/ponyatie-i-priznaki-sudebnogo-pravotvorchestva.pdf>. (дата обращения: 23.03.2019).

² Гук П. А. Основы судебного нормотворчества : избр. тр. Пенза : Издво ПГУ, 2019. С. 103.

³ Кучин М. В. Судебное нормотворчество: концептуальные основы : монография. М. : Юрайт, 2019. С. 8.

⁴ Чунина М. С. Роль судебного нормотворчества в совершенствовании законодательного регулирования в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 4. С. 13.

⁵ Бибилло В. Н. Формы судебной практики как источника права / Проблемы юриспруденции: избранные труды. Минск: Право и экономика, 2010. С. 147148.

⁶ Бондарь Н. С. Судебное право в системе конституционализма: сочетание правотворческих и правоприменительных начал // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 10. С. 18.

⁷ Нормотворческая деятельность : учебное пособие / А.Ф. Вишневский [и др.] ; под общ. ред. В.С. Гайдельцова ; учреждение образования «Акад. Мва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск : Академия МВД, 2022. С. 118.

общей юрисдикции (формируют судебную практику). Судебная власть может создавать следующие виды источников права: а) типичные для нее — это судебные прецеденты и судебная практика; б) нетипичные для нее источники, например, в Республике Беларусь нормативные правовые акты судебной власти. Напомним, что судебный прецедент в Республике Беларусь не легализован, как самостоятельный источник права, хотя очень востребован. Он проявляется через другую форму права — постановления Пленума.¹ Мы полагаем, что именно в отсутствие легализованных судебных прецедентов, как самостоятельных источников права, белорусский законодатель предпочел судебному правотворчеству придать форму и силу нетипичного для судебной власти источника — нормативного правового акта — постановления Пленума Верховного Суда. Такая легализация источника судебной власти для государства, чья правовая система тяготеет к романо-германской правовой семье, уже сама по себе прецедентна.

Вторичными источниками белорусского судебного права мы считаем судебную практику. К слову, в белорусской правовой системе судебная практика не легализована де-юре как самостоятельный источник права, но поскольку ее не может не быть, де-факто она проявлена через обобщения судебной практики в форме постановления Пленума. Н. С. Бондарь видел эволюцию судебного права в Российской Федерации таким образом: «Основной закономерностью этих процессов становится переход от

законодательства о суде (ограничительно-позитивистское, юрисдикционно-правоприменительное понимание судебного права) к более широкому, конституционно-правовому пониманию судебного права, представляющего собой единство формально-юридических, нормативистских начал (законодательство о суде) и нетипичных источников права как итога судебного правотворчества, результата признания судебной практики в качестве особого источника права». При этом он сводил все «право суда» к нетипичным формам: «Осуществление судебного правообразования как особого способа формирования нетипичных источников права, составляющих в совокупности «право суда».²

Для сравнения, в Российской Федерации судебная практика уже легализована как самостоятельный источник судебного права. Как пишет Н. С. Бондарь, в постановлениях Конституционного Суда РФ от 2 октября 2022 г. № 36–П, 37–П, 38–П и 39–П о проверке конституционности не вступивших в силу международных договоров между Российской Федерацией и ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областями о принятии их в Российскую Федерацию и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов РФ была сформулирована конституционно значимая правовая позиция о том, что «разрешение... возможных противоречий, обусловленных особенностями переходного периода, может быть обеспечено как последующим федеральным законодательным регулированием, так и судебной практикой».³

Специфика правотворческого процесса у различных органов судебной власти и по формированию различных источников велика. Если постановление Пленума формируется, будучи одобренным открытым голосованием большинством голосов от общего числа присутствующих на заседании членов Пленума, то формирование судебной практики вообще ближе к форме стихийного правообразования.

Важно то, что судебное правотворчество реализуется путем специфических форм правотворческого процесса, не поддающихся общему порядку нормотворческого процесса в иных нормотворческих органах, как то регулировано в Законе о НПА (п. 2 ст. 1). Именно в силу чего, полагаем, положения данного Закона не распространяются даже на принятие единственного нормативного акта судебной власти, признанного этим же Законом (п. 2 ст. 3). Тем самым, Закон о НПА признал нормотворческую функцию за высшим органом судебной власти, оставив ее дальнейшую конкретизацию за Кодексом о судоустройстве и статусе судей. Процесс принятия решений и заключений Конституционного Суда Республики Беларусь регулируется Законом «О конституционном судопроизводстве» от 8 янв. 2014 г., № 124–З в редакции Закона от 17 июля 2023 г. № 284–З*.

Примечательно, что Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218–З (с изм. и доп. от 9 декабря 2025 г.) в ст. 3 среди нормативных правовых актов, входящих в гражданское законодательство, включает акты Конституционного Суда Республики Беларусь и

¹ Шафалович А. А. Легальность и легитимность источников права Республики Беларусь // Вестник Академии юстиции. 2025. № 1 (14). С. 2635.

² Бондарь Н. С. Судебное право в системе конституционализма: сочетание правотворческих и

правоприменительных начал // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 10. С. 18.

³ Бондарь Н. С. Судебное право в системе конституционализма: сочетание правотворческих и правоприменительных начал // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 10. С. 30.

акты Верховного Суда Республики Беларусь. Т.е., число нормативных актов судебного права Гражданский кодекс существенно расширяет, потому что формулировка об актах может охватывать все виды актов указанных высших судебных органов. В целом, белорусский законодатель, признавая нормативность отдельных актов судебной власти, понимает, что судебная практика по осуществлению правосудия является востребованным ресурсом в работе по совершенствованию правовых норм. Парадоксально, но основными источниками белорусского судебного права стали нетипичные источники судебного права — нормативные правовые акты.

Источники судебного права всегда имеют предельно конкретный характер в отличие от абстрактных (тоже в разной степени) норм нормативных правовых актов. Они конкретны, как и сама судебная власть. Полагаем, в источниках судебного права наблюдается симбиоз элементов индивидуального и абстрактного нормирования, в силу чего признание правотворческой деятельности суда полезно для придания правовой системе гибкости и баланса: индивидуальное нормирование уравнивает абстрактное нормирование, что обуславливает большую справедливость норм, выработанных судом. Н.С. Бондарь назвал это «своего рода относительной нормативностью».

В отличие от абстрактного нормирования, формирующегося сверху вниз вне конкретных правоотношений, судебная практика, как вторичный источник судебного права и его первичные источники — это судебные прецеденты, где они легализованы, и

постановления Пленума в Республике Беларусь) — характеризуются конкретностью и привязкой к определенному виду правоотношений, ставшему предметом судебного разбирательства. Индивидуальное нормирование осуществляется судебными органами при рассмотрении конкретных дел. Далее трансформируется в обобщенном виде в правовые позиции или правовоположения, что обуславливает смешанную природу (между нормативными и ненормативными актами) источников судебного права, даже самих постановлений Пленума Верховного Суда.

Подобно формам и правотворческим процедурам юридическая сила источников права судов также вариативна. Если акты Конституционного Суда идут вслед за Конституцией и составляют с ней нормативное единство, по иные источники судебного права строго подзаконны. Источники же права судов общей юрисдикции не обладают приоритетом перед законодательными актами (Конституцией, законами, декретами и указами Президента Республики Беларусь) или иными источниками права того уровня закона или выше.

Еще одна особенность судебного правотворчества проявляется в *точечном*, а не массовом характере и невозможности планирования судебного правотворчества. В то время, как все иные нормативные правовые акты, как правило, создаются на плановой основе (ст. 37 Закона о НПА), судебное правотворчество не поддается планированию. Судебное правотворчество не может иметь системный характер, а, напротив, является спорадическим¹, в то

время как для иных государственных органов правотворческая функция на сегодняшний день — неотъемлемая, а для органов исполнительной власти по природе еще и делегированная. В настоящее время привычно, что Республиканские органы исполнительной власти «разговаривают» языком нормативных правовых актов, в том числе ведомственных. Даже более того, она принимает и издает основной нормативный массив нормативных актов и в свыше 90% случаев инициирует законодательную инициативу. Как видим, этот факт в силу доктрины субсидиарного правотворчества давно не является основанием для обвинения в нарушении разделения властей. Полагаем, тоже самое положение легитимирует правотворчество судебной власти.

Из вышеперечисленных характеристик судебного права становится понятным, почему Н. С. Бондарь рассматривает судебное правотворчество как «процесс формирования «мягкого права», которое призвано обеспечивать судебный поиск справедливых решений, преодолевать правовые пробелы и отсутствие единообразия судебной практики по отдельным вопросам, разрешать коллизионные противоречия в правовом регулировании и т. п.»²

В результате исследования мы приходим к выводу, что судебное правотворчество характеризуется следующими специфическими чертами. Оно автономное, закрытое от влияния извне, не допускает внешнего инициирования и не отличается активизмом до определенного момента. Оно имеет вынужденный, вторичный (субсидиарный) и производный от правоприменительной дея-

¹ Валитов Д. Р. Понятие и признаки судебного правотворчества [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/Andrey/Downloads/ponyatie-i-priznaki-sudebnogo-pravotvorchestva.pdf>. (дата обращения: 23.03.2019).

² Бондарь Н. С. Судебное право в системе конституционализма: сочетание правотворческих и правоприменительных начал // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 10. С. 18.

тельности характер (формирование типичных, «естественных» источников судебного права осуществляется как «побочный эффект» от правоприменения). Судебное правотворчество носит конкретный, точечный характер. Оно не может быть массовым. Оно вариативно и отличается различными формами (судебный прецедент, судебная практика,

нормативные правовые акты высших судов) и процедурами правотворческого процесса для разных видов источников судебного права (судопроизводство для судебного прецедента и нормативных правовых актов Конституционного Суда, принятие нормативных правовых актов Пленумом Верховного Суда); являет собой мост между индивиду-

альным и абстрактным нормированием, а также нераздельность интерпретационной, контрольной, правоприменительной и нормотворческой деятельности; не поддается долгосрочному или среднесрочному планированию. Специфика судебного правотворчества обобщенно проявляется через нормы судебного права, именуемые правоположениями.

Библиографический список

1. Андрианов В. М. Правотворческая функция суда // IX Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика : сб. тр. Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 22 мая 2021 г.) / отв. ред. Т. В. Седаleckая. СПб. : Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2021. – С. 201–205.
2. Аристова К. Судейский активизм: благо или зло? // СКО. – 2012. – № 3 (88). – С. 128–134.
3. Балагер Кальехон, Ф. Нормотворческая функция конституционных решений // Правосудие. – 2021. – Т. 3. – № 1. – С. 32–50.
4. Бибило В. Н. Формы судебной практики как источника права / Проблемы юриспруденции : избранные труды. – Минск: Право и экономика, 2010. – 470 с.
5. Бондарь Н. С. Судебное право в системе конституционализма: сочетание правотворческих и правоприменительных начал // Журнал российского права. – 2025. – Т. 29. – № 10. – С. 18–35.
6. Валитов Д. Р. Понятие и признаки судебного правотворчества [Электронный ресурс]. – URL: <file:///C:/Users/Andrey/Downloads/ponyatie-i-priznaki-sudebnogo-pravotvorchestva.pdf>. (дата обращения: 23.03.2019).
7. Гук П. А. Основы судебного нормотворчества : избр. тр. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2019. – 248 с.
8. Крипинеvич С. С. Судебная практика и ее единство: проблемы определения и пути их решения // Право и политика. – 2023. – № 11. – С. 11–20.
9. Кучин М. В. Судебное нормотворчество: концептуальные основы : монография. М. : Юрайт, 2019. – С. 275 с.
10. Миклашевvич П. П. О законодательном механизме реализации конституционного контроля [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2023/july/74892/>. (дата обращения: 11.01.2026).
11. Минец И. Н. Пленум Верховного Суда. Каким ему быть? / И. Н. Минец // Судовы веснiк. – 1997. – № 4. – С. 2–3.
12. Нормотворческая деятельность : учебное пособие / А.Ф. Вишневский [и др.] ; под общ. ред. В.С. Гайдельцова ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2022. – 155 с.
13. Семьянов Е. В. Судебное правотворчество (вопросы общей теории права): автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2005. – 24 с.
14. Судебная практика как источник права / Лившиц Р. З., Жуйков В. М., Иванов С. А. и др., Ин-т государства и права РАН. М., 1997. (сер. : Новое в юрид. Науке и практике / отв. ред. Топорнин Б. Н.). – 48 с.
15. Чунина М. С. Судебное нормотворчество и судебное правотворчество: разграничение понятий // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2022. – Т. 10. – № 2. – С. 72–79.
16. Эффективность законодательства в экономической сфере: научно-практическое исследование / Отв. ред. Ю. А. Тихомиров. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 370 с.

THE DOCTRINE OF JUDICIAL LAW: ON THE SPECIFIC FEATURES OF JUDICIAL LAW-MAKING (THE CASE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

Shafalovich Anna Anatolevna,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of Law
Belarusian State Economic University
223039, Republic of Belarus, Minsk, Pr. Rokossovsky, 65
Tel. +(375) 29 1064734 shafalovichy@gmail.com

The article is devoted to studying the specifics of judicial legal creation in the context of the current direction of comprehensive research - the doctrine of judicial law. The novelty of research consists in the identification of complex, not «homogeneous» nature of judicial legal creation, which is a bridge between individual and abstract normalization, as well as symbiosis of interpretation, control, law enforcement and normative activity. As a result of the study, the author identifies specific features of judicial law-making, such as: avoidance of intrusion of other state bodies and avoidance of activism; forced, secondary (subsidiary), specific, punctual nature, The nature of enforcement activities. Judicial jurisprudence cannot be mass and is not subject to long-term or medium-term planning. It varies and differs in different forms (case law, jurisprudence, normative legal acts of higher courts) and different procedures of the legal process for different types of sources of judicial law. Development of sources of judicial law as a «side effect» of law enforcement.

Keywords: *judicial jurisprudence, sources of judicial law, judicial precedent, judicial practice, normative legal act, decisions of the Plenum of the Supreme Court, judicial interpretation, judicial power, doctrine of judicial law.*

**ДОКТРИНА И ХУКУКИ СУДЇ: ДАР БОРАИ ХУСУСИЯТҲОИ ХУКУҚЭЧОДКУНИИ СУДЇ
(ДАР МИСОЛИ ҶУМҲУРИИ БЕЛАРУС)**

Шафалович Анна Анатольевна

номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ,

дотсент, дотсенти кафедраи назария ва таърихи ҳуқуқ

Муассисаи таълимии «Донишгоҳи давлатии иқтисодии Беларус»,

223039, Ҷумҳурии Беларус, ш. Минск, х. Рокоссовский, 65

Тел.: +(375) 29 1064734, shafalovichy@gmail.com

Мақола ба омӯзиши хусусиятҳои ҳуқуқэҷодкунии судӣ дар заминаи самти мубрами таҳқиқоти комплексӣ - доктринаи ҳуқуқи судӣ бахшида шудааст. Навоварии таҳқиқот дар ошкор намудани хусусияти мураккаб ва таркибии ҳуқуқэҷодкунии судӣ, на хусусияти «якхела»-и он ифода меёбад, ки ҳамчун пул байни меъёр-гузори инфиродӣ ва абстрактӣ, инчунин ҳамчун симбиози фаъолияти тафсири, назоратӣ, ҳуқуқтатбиқкунӣ ва ҳуқуқэҷодкунӣ баромад мекунад. Дар натиҷаи таҳқиқот муаллиф чунин хусусиятҳои хоси ҳуқуқэҷодкунии судиро муайян менамояд: роҳ надодан ба даҳолати дигар мақомоти давлатӣ ва роҳ надодан ба фаъолгарии судӣ; хусусияти маҷбурӣ, дуумдараҷа (субсидиарӣ), мушаххас, нуқтагӣ ва хусусияти аз фаъолияти ҳуқуқтатбиқкунӣ бармеомада. Ҳуқуқэҷодкунии судӣ наметавонад оммавӣ бошад ва ба банақшагирии дарозмуддат ё миёнамуддат тобеъ нест. Он гуногуншакл буда, бо шаклҳои мухталиф (преседенти судӣ, амалияи судӣ, санадҳои меъёрии ҳуқуқи судҳои олӣ) ва тартиботи гуногуни раванди ҳуқуқэҷодкунӣ барои намудҳои гуногуни манбаъҳои ҳуқуқи судӣ фарқ мекунад. Ташаккули манбаъҳои ҳуқуқи судӣ ҳамчун «таъсири иловагӣ»-и фаъолияти ҳуқуқтатбиқкунӣ амалӣ мегардад.

Калидвожаҳо: *ҳуқуқэҷодкунии судӣ, манбаъҳои ҳуқуқи судӣ, преседенти судӣ, амалияи судӣ, санади меъёрии ҳуқуқӣ, қарорҳои Пленуми Суди Олӣ, тафсири судӣ, ҳокимияти судӣ, доктринаи ҳуқуқи судӣ.*

КОНСТАТАЦИИ НОТАРИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ С ЭЛЕМЕНТАМИ ИНОСТРАННОГО ПРАВА

Бахтиёри Музафар

Соискатель кафедры гражданского права
Таджикский национальный университет
734025, Республика Таджикистан г.Душанбе, пр. Рудаки, 17
Тел.: +34531288648, e-mail: bahtior.muzafer@mail.ru

В статье анализируются нотариальные действия с элементами иностранного права. Нотариат, как ключевой институт в механизме государственного управления, играет фундаментальную роль в обеспечении защиты прав и интересов граждан и юридических лиц. В этом контексте в статье особое внимание уделяется раскрытию нотариальным действиям, сопряженным с иностранными элементами, которые представляют собой специфический предмет регулирования международного частного права. В результате исследования было выявлено, что нотариальные действия, содержащие наличие иностранного элемента, являются сложными правоотношениями, возникающими в результате столкновения двух и более правовых систем или правовых порядков, совершаемых в целях обеспечения легитимности объектов нотариальных действий, их признания и придания им юридической силы.

Ключевые слова: *нотариус, нотариальные действия, элементы иностранного права, правоотношение, объект и субъект нотариальных действий, столкновение правовых систем, правовые источники регулирования нотариальных действий.*

Нотариат является одним из важнейших государственных институтов, играющих ключевую роль в механизме регулирования как имущественных, так и неимущественных отношений субъектов гражданского оборота. При исполнении своих полномочий нотариус выполняет определенные функции для обеспечения гарантий защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Это особенно актуально при заключении сделок,

связанных с движимым и недвижимым имуществом, а также в других случаях, когда совершение нотариальных действий имеет для них важное значение. В этом контексте важная роль в регулировании нотариальных действий принадлежит правоотношениям, содержащим наличие иностранного элемента, возникающим в результате столкновения двух и более правовых порядков. В частности, к которым относятся правовые отношения, непременно предполагающие совершение таких нотариальных действий, как удостоверение и принятие документов, защита имущественных прав наследников, решение вопросов наследования и обеспечение достоверности свидетельских показаний, а также другие действия, направленные на обеспечение их легитимности и для признания, придания им юридической силы.

Безусловно, эти действия, совершаются в случаях, когда нотариальные действия сопряжены с элементами иностранного права. В рамках упомянутых вопросов

необходимо акцентировать внимание на том, что регулирование национальных и трансграничных правовых отношений, в зависимости от форм и способов их проявления, рассматривается как неотъемлемая и составляющая часть деятельности нотариальных органов.

В данном контексте нотариальная деятельность, включающая в себя иностранные элементы, представляется как сложный и многоаспектный процесс, требующий от нотариуса не только высокого уровня юридической квалификации, но и глубокого знания правовых норм, охватывающих как внутренние, так и международные аспекты правоприменительной практики. Суть выражения этого подхода заключается в том, что нотариус выступает в таких отношениях как эффективное средство и, обеспечивая отношения, имеющие иностранный элемент, одновременно превращает его в подчиненный элемент национальной правовой системы. Та-

кое обстоятельство в международно-частноправовых отношениях проявляется из сущности предполагаемой нотариальной деятельности, которая по своей специфике характеризуется дуалистической природой. В этом дискурсе отметим, что двойственная природа нотариальной деятельности — это целостный процесс, основанный на пересечении и проявляется во взаимодействии двух и более правовых систем независимых государств, где в контуре регулирования нотариальных действий вопрос о приоритете национальных правовых норм и их интеграции с международными стандартами приобретает особую актуальность. Это, по сути, такие процессы, которые можно характеризовать как взаимодействие правовых систем, привязанные к трансграничным связям, предполагающие корректный выбор применимого права, влияющие на решение вопросов, связанных с обеспечением гармоничного функционирования системы нотариата, способствующего её целостности и повышению эффективности выполняемых действий.

В данном контексте речь идет о правоотношениях, где в качестве участников выступают иностранные физические или юридические лица. Эти правоотношения также могут принимать более сложные формы, характеризующиеся наличием иностранного элемента. Иностранный элемент может проявляться в различных аспектах, таких как нахождение объекта правоотношения за пределами территории государства, в котором осуществляется правоприменение, а также место нахождения субъекта правоотношения. В целом в рамках

данного дискурса иностранный элемент представляет собой центральный компонент правоотношения, возникающего в результате взаимодействия с правовыми системами иностранных государств. Этот аспект может проявляться в различных формах, включая непосредственную связь с законодательством других стран или взаимное влияние правовых норм и принципов различных юрисдикций.

Таким образом, иностранный элемент играет решающую роль в определении характера и свойств нотариальных правоотношений, что, несомненно, предполагает согласованность и интеграцию множества норм и принципов правовых систем и их реального функционирования иницирующим как предметом регулирования международным частным правом.

Однако изучение деятельности нотариуса в контексте взаимодействия и интеграции национальных правовых систем ставит вопрос о толковании «иностранного элемента». В связи с этим данный вопрос предполагает анализ существующих подходов к определению указанного понятия, потому что в доктрине международного частного права до сих пор не выработан единый подход к определению понятия «иностранный элемент». В этом контексте согласно мнению В. С. А. Кудрявцева, происхождение этого понятия больше всего связано с именем выдающегося ученого М. И. Бруна, который в 1915 году впервые ввел в научный оборот термин «правоотношение с иностранным элементом».¹ В соответствии с представленными классификациями М.И. Бруна, элементы иностранного права

можно разделить на три основных типа: субъект, объект и юридический факт.² Автор классифицирует субъектов международных правоотношений не только иностранные физические и юридические лица, но и суверенные государства, а также международные организации. К объектам правоотношений с иностранными элементами, по мнению автора, относятся недвижимое имущество и другие материальные активы, находящиеся на территории иностранного или за пределами национального государства. Кроме того, автор рассматривает любое действие или событие, происходящее на территории иностранного государства, включая, помимо прочего, такие как брак или наследство, в качестве юридического факта.

В науке существуют и другое мнение относительно появления термина «элементы иностранного права». К примеру, А.А. Рубанов³ отмечает, что термин «элементы иностранного права» впервые был введен юристами И.С. Перетерским и С. Б. Крыловым в научный оборот. Тем не менее, представленная позиция нуждается в более тщательной проработке и анализе, поскольку она не получила должного обоснования с учетом современных достижений в области научных исследований и анализа исторических данных. Несмотря на то, что И.С. Перетерский и С. Б. Крылов значительный вклад в развитие теории иностранного элемента, их нельзя считать ее основоположниками, поскольку опубликованная ими научная работа в 1925 году, представляет собой дальнейшее развитие и углубление этого понятия, а не как его первичное введение в

¹ Кудрявцева Л.В. Правовое регулирование частных трансграничных отношений: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2018. 97 с.

² Брун М.И. Введение в международное частное право. М.: Петроград, 1915. С. 23.

³ Рубанов А. А. Вопросы теории правоотношения в международном частном праве // XXVI съезд КПСС и проблемы гражданского и трудового права, гражданского процесса. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1982. С.7.

научный дискурс. В этом исследовании авторы сосредоточились на детальном анализе элементов иностранного права, рассматривая его как правовые отношения, возникающие в правовых системах двух государств в связи с правовым статусом субъектов как фактов и событий.¹

Необходимо подчеркнуть, что Л.А. Лунц осуществил тщательный и многоаспектный анализ проблем, связанных с иностранным элементом, включая его дефиницию, что представляет собой значительный вклад в данную область научного знания. По мнению автора, «субъектом правоотношений, состоящих из иностранного элемента, являются физические и юридические лица. Объектом таких отношений часто является имущество, находящееся за пределами национального государства. В свою очередь, юридические факты – становятся основанием для возникновения таких правоотношений в подобном процессе, происходят из иностранного государства». ² Однако в своих последующих трудах Л.А. Лунц, учитывая идеи развития международного частного права, разработал свою усовершенствованную концепцию феномена «элементы иностранного права» и заявил, что: «Признаки (элементы) иностранного права чаще всего выражаются в субъективном прикреплении правоотношений к иностранному государству, либо в наличии фактических обстоятельств или доказательств, либо в совершении преступления за рубежом (например:

смерть наследодателя за границей, заключение договора или совершение преступления за рубежом)».³ А.А. Рубанов, рассматривая этот вопрос, подчеркивает, что элементами правоотношений могут быть: «сам участник, а не его гражданство или имущество, но не место его нахождения».⁴ Помимо этого, при трактовке термина «иностраннный элемент» ученые уделали пристальное внимание структурным компонентам правоотношений. Однако, как справедливо отметил И.В. Гетман-Павлова, такой подход не всегда является оптимальным для проведения анализа и интерпретации правоотношений, включающих иностранный элемент. Поскольку, по словам автора, основной вопрос в этом дискурсе заключается в «правовых отношениях или правовом взаимном влиянии между двумя или более взаимосвязанными правовыми системами»⁵.

Таким образом, в подобной ситуации возникновение правоотношений следует понимать исключительно через призму двух иностранных правовых систем, направленных на защиту прав и законных интересов участников, а не просто как факт произошедших событий. В данном контексте преемственность или взаимосвязь между несколькими правовыми системами актуализирует необходимость применения методов регулирования международного частного права. В условиях отсутствия такой взаимосвязи элементы иностранного правового регулирования суще-

ственно утрачивают свою значимость и функциональность. В этом смысле Л.П. Ануфриева, исходя из анализа и интерпретации иностранных элементов, классифицирует их как специфическую форму выражения взаимосвязанных правовых явлений, направленных на регулирование конкретных социальных отношений. Он утверждает, что «внешние элементы представляют собой проявление феномена правоотношений в рамках конкретных социальных взаимодействий, в которых регулирование осуществляется правовыми системами двух или более государств»⁶. Кроме того, научное сообщество признает существование различных подходов к толкованию иностранного права в юридических исследованиях. Это указывает на разнообразие научных мнений по данному вопросу. В том числе и с точки зрения М. М. Богуславского «термин «иностраннный элемент» используется для описания субъекта международного частного права, который включает как минимум четыре группы социальных отношений: международные, гражданские, семейно-брачные и трудовые»⁷. Г.К. Дмитриева в свою очередь отмечает, что «частные правоотношения приобретают международный характер, когда в

¹ Перетерский И.С., Крылов С.Б. Международное частное право. М., 1925. С. 24.

² Лунц Л.А. Курс международного частного права. Общая часть. М.: Госюриздат, 1959. С. 15,16.

³ Лунц Л.А. Развитие советской доктрины по международному частному праву // Советское государство и право. 1977. №12. С. 48.

⁴ Рубанов А.А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем / под ред. В.П. Мозолина. М., 1984. С. 92,93.

⁵ Международное частное право в 3 т. Том 1 общая часть: учебник для вузов / Под. ред. И. В. ГетманПавлова. М.: Юрайт, 2022. С.18.

⁶ Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права (сравнительное исследование правовых категорий): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 94.

⁷ Богуславский М. М. Международное частное право: учебник / М. М. Богуславский. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 1998. С.18.

их составе присутствует так называемый «иностранный элемент».¹ Также, по мнению Н. И. Мартышевой, «иностранный элемент – это одна из форм проявления правоотношений»². Данную точку зрения разделяет также А. Т. Мовсисян³. Таким образом, в правовой доктрине были предложены многочисленные толкования понятия «иностранный элемент», однако теоретическое единство в понимании данного феномена пока не достигнуто. Это связано с тем, что научные подходы к определению этого термина различны, что значительно затрудняет разработку единого правового понимания этого явления. Тем не менее, из-за отсутствия консенсуса в науке относительно термина «иностранный элемент», представляется целесообразным рассматривать указанный элемент как интегральную составляющую нотариальной практики в дискурсе международного частного права. В связи с чем нотариальные действия с участием элемента иностранного права следует определить, как сложные частноправовые отношения, возникающие в результате взаимодействия двух или более правовых систем или правопорядков. Субъектом таких отношений обязательно должен быть иностранный гражданин или организация, также в данном правоотношении необходимость считается нахождения объекта в иностранном государстве. Так как нотариальные действия в таких случаях совершаются в целях обеспечения трансграничной защиты прав и законных интересов

субъектов, легитимности объекта, их признания и придание им юридической силы. Рассмотрение иностранного элемента в структуре правоотношений есть не что иное, как устоявшаяся терминологическая традиция. Его сущность проявляется в двойственности и определяет цель этой категории. Так как с одной стороны, иностранный элемент представляет собой важное правовое состояние, предпосылку для решения проблемы конфликтов законов и применения норм международного частного права. С другой стороны, «иностранный элемент» является критерием обращения к иностранному праву, что обусловлено спецификой нотариальной деятельности, требующей глубокого понимания и применения трансграничных правовых принципов и норм. В данном контексте как мы выше отметили субъектами, которым оказываются нотариальные услуги, выступают исключительно иностранные граждане или иностранные юридические лица. Объекты нотариальных действий, в свою очередь, классифицируются в зависимости от их природы и места нахождения. К ним относятся бесспорные права, такие как свидетельства о праве на наследство и о праве собственности на долю в общем имуществе супругов, а также юридические факты, включая установление факта нахождения гражданина в живых, пребывания в определенном месте и тождества лица с лицом, изображенным на фотографии. Кроме того,

к объектам нотариальных действий относятся вещественные доказательства, порождающие необходимость проведения нотариальных процедур. Порядок совершения нотариальных действий с иностранным элементом регулируются системой правовых актов как национального, так и международного права или правом иностранного государства.

Данный подход обусловлен тем, что при разрешении семейных, имущественных и иных трансграничных споров, требующих нотариальных действий, необходимо учитывать не только корректное применение правовых норм, но и установление, поддержание и эффективное функционирование правовой связи между данными отношениями в контексте их взаимодействия с иностранным правопорядком. Это позволяет обеспечить гармоничное и справедливое урегулирование споров, минимизируя риск правовых коллизий и повышая правовую определенность. Последнее предполагает тщательную координацию соответствующих условий и целей данного взаимодействия с актуальными нормативными актами, регулирующими международную нотариальную деятельность.

В результате вышеупомянутые аспекты могут способствовать достижению правовой определенности и предсказуемости в процессе разрешения вопросов, связанных с нотариальной деятельностью, содержащей «иностранный элемент».

Библиографический список

1. Ануфриева А.П. Соотношение международного публичного и международного частного права (сравнительное исследование правовых категорий): дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2004. – 627 с.

¹ Международное частное право: учебник / А. П. Ануфриева, К. А. Бекашев, Г. К. Дмитриева и др. Отв. ред. Г. К. Дмитриева. М.: Проспект, 2003. С.12.

² Мартышев Н.И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. М., 2007, С.2-4.

³ Мовсисян А.Т. Правовое регулирование наследственных отношений, осложненных иностранным элементом, в России и Армении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С.10.

2. Богуславский, М. М. Международное частное право: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 1998. – 408 с.
3. Брун М.И. Введение в международное частное право. – М.: Петроград, 1915. – 79 с.
4. Кудрявцева Л.В. Правовое регулирование частных трансграничных отношений: учеб. пособие. – Краснодар: КубГАУ, 2018. – 97 с.
5. Лунц Л.А. Курс международного частного право. Общая часть. – М.: Госюриздат, 1959. – 227 с.
6. Лунц Л.А. Развитие советской доктрины по международному частному праву // Советское государство и право. – 1977. – №12. – С. 48-57.
7. Мартышев Н.И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. – М., 2007. – 328 с.
8. Международное частное право: учебник / Л. П. Ануфриева, К. А. Бекашев, Г. К. Дмитриева и др. Отв. ред. Г. К. Дмитриева. – М.: Проспект, 2003. – 688 с.
9. Международное частное право в 3 т. Том 1 общая часть: учебник для вузов / Под. ред. И. В. Гетьман Павлова. – М.: Юрайт, 2022. – 320 с.
10. Мовисян А.Т. Правовое регулирование наследственных отношений, осложненных иностранным элементом, в России и Армении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 32 с.
11. Перетерский И.С., Крылов С.Б. Международное частное право. – М., 1925. – 208 с.
12. Рубанов А.А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем / под ред. В.П. Мозолина. – М., 1984. – 157 с.
13. Рубанов, А. А. Вопросы теории правоотношения в международном частном праве // XXVI съезд КПСС и проблемы гражданского и трудового права, гражданского процесса. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1982. – 233 с.

STATEMENTS OF NOTARIAL ACTS WITH ELEMENTS OF FOREIGN LAW

Bakhtiyori Muzafar

Postgraduate Researcher, Department of Civil Law,
Tajik National University
17 Rudaki Ave., Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan
Tel: +34531288648, e-mail: bahtior.muzafar@mail.ru.

This article analyzes notarial acts with elements of foreign law. The notary, as a key public administration institution, plays a fundamental role in protecting the rights and interests of citizens and legal entities. In this context, the article pays particular attention to notarial acts involving foreign elements, which constitute a specific subject of regulation under private international law. The study revealed that notarial acts containing foreign elements are complex legal relationships arising from the conflict between two or more legal systems or legal orders, performed to ensure the legitimacy of the objects of notarial acts, their recognition, and granting them legal force.

Keywords: *notary, notarial acts, elements of foreign law, legal relationship, object and subject of notarial acts, conflict of legal systems, legal sources regulating notarial acts.*

ТАЪРИФИ АМАЛҲОИ НОТАРИАЛӢ БО УНСУРҲОИ ҲУҚУҚИ ХОРИҶӢ

Бахтиёри Музафар

Муҳақиқи кафедраи ҳуқуқи граждани,
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 17
Тел: +34531288648, : bahtior.muzafar@mail.ru

Дар мақола амалҳои нотариалӣ бо унсурҳои ҳуқуқи хориҷӣ мавриди таҳлил қарор дода шудааст. Нотариус ҳамчун як ниҳоди калидии идоракунии давлатӣ нақши асосиро дар ҳифзи ҳуқуқ ва манфиатҳои шаҳрвандон ва шахсони ҳуқуқӣ мебозад. Дар ин замина, ин мақола ба амалҳои нотариалӣ бо иштироки унсурҳои хориҷӣ, ки мавзӯи мушаххаси танзими ҳуқуқи байналмилалӣ хусусиро ташкил медиҳанд, тамаркуз мекунад. Таҳқиқот нишон дод, ки амалҳои нотариалӣ, ки дорои унсурҳои хориҷӣ мебошанд, муносибатҳои мураккаби ҳуқуқӣ мебошанд, ки аз бархурди байни ду ё зиёда системаҳои ҳуқуқӣ ё

тартиботи ҳуқуқӣ ба вучуд меоянд ва барои таъмини қонунӣ будани объектҳои амалҳои нотариалӣ, эътирофи онҳо ва додани қувваи ҳуқуқӣ ба онҳо анҷом дода мешаванд.

Калидвожаҳо: *нотариус, амалҳои нотариалӣ, унсурҳои ҳуқуқи хориҷӣ, муносибати ҳуқуқӣ, объект ва субъекти амалҳои нотариалӣ, бархӯрди низомҳои ҳуқуқӣ, манбаъҳои ҳуқуқи танзими амалҳои нотариалӣ.*

УДК 347.122

АНАЛИЗ КЛАССИЧЕСКИХ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИМУЩЕСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Золотухин Алексей Валерьевич

доктор юридических наук, профессор, ректор
Российско-Таджикский (славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсун-заде, д.30.
E-mail: mczolotoy@rambler.ru

В статье исследуются основные доктринальные подходы к определению имущества в гражданском праве. Рассматриваются традиционные концепции понимания имущества как совокупности вещей, имущественных прав и обязанностей, а также подходы, основанные на экономическом и функциональном понимании имущества. Особое внимание уделяется трансформации категории имущества в условиях цифровизации гражданского оборота. Анализируются современные научные позиции, связанные с цифровыми правами, цифровым имуществом и иными объектами, существующими в цифровой среде. Делается вывод о расширении содержания категории имущества и формировании новых подходов к его пониманию в современной цивилистической доктрине.

Ключевые слова: *имущество, объекты гражданских прав, имущественные права, цифровые права, цифровое имущество, гражданское право, цифровизация, гражданский оборот, доктринальные подходы, имущественные отношения, цифровая экономика.*

Категория «имущество» принадлежит к числу фундаментальных, но одновременно и наиболее дискуссионных понятий гражданского права. Формулируя легальное определение, законодатель традиционно идёт по пути перечисления объектов, относимых к имуществу. Как, в частности, установлено в ст. 136 Гражданского кодекса Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 года, к имущественным благам и правам (имуществу) относятся

вещи (деньги, документарные ценные бумаги и др.), результат работы и услуги, охраняемая информация, объекты интеллектуальной собственности, имущественные права, а также иное имущество, включая безличные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги. Аналогичный подход к определению имущества содержался и в ранее действующем Гражданском кодексе Республики Таджикистан 1999 года. Такой же подход наблюдается и в большинстве гражданских законодательств стран СНГ. В связи с этим в юридической литературе подмечается, что определяя понятие имущества, законодатель выстраивает сложную систему, в рамках которой имущество рассматривается не как самостоятельная категория, а как обобщающее понятие, охватывающее вещи, их разновидности, деньги, ценные бумаги и имущественные права.

Однако, думается, само по себе перечисление видов имущества не даёт ответа на вопрос о

единой сущности данного понятия. Оно лишь фиксирует набор разнородных объектов (материальных и нематериальных, вещных и обязательственных), которые законодатель счел нужным включить в имущественный оборот. Именно такой подход, раскрывающий понятие имущества через перечисление при отсутствии квалифицирующих критериев, породил доктринальную неопределенность. На протяжении нескольких десятилетий в науке гражданского права ведутся споры о том, что объединяет вещи и права, обязанности и информацию в категорию «имущество» и какова природа данного правового феномена.

Рассмотрим сложившиеся научные подходы по данному вопросу подробнее.

Первоначально в цивилистической доктрине сложилось узкое понимание имущества, отождествлявшее его с вещами. Корни этого подхода уходят в римское частное право, где основными объектами имущественных прав

признавались телесные вещи (*res corporales*).

Однако по мере развития гражданского оборота и усложнения имущественных отношений узкий подход перестал отвечать потребностям правового регулирования. На смену ему пришел широкий подход, в рамках которого имущество стало пониматься как совокупность не только вещей, но и имущественных прав, а при правопреемстве также и обязанностей.

Анализ юридической литературы позволяет заключить, что большинство ученых придерживаются именно широкого понимания имущества. Так, Г.Ф. Шершеневич определял имущество как «совокупность имущественных, т.е. подлежащих денежной оценке, юридических отношений, в которых находится известное лицо»¹. Тем самым ученый рассматривал имущество не только как вещи, но и как совокупность имущественных отношений. Е.А. Суханов указывал на многозначность понятия имущества, отмечая, что в одних случаях это понятие используется для обозначения конкретных вещей, в других – как определенная совокупность прав и обязанностей субъекта, в третьих, как совокупность вещей, прав требования, а также долгов².

М.А. Сулейменов отмечает, что имущество является «многоплановым понятием» и может обозначать как совокупность вещей и материальных ценностей, так и имущественные права³. Р.А. Маметова определяет понятие имущества как не только вещи, но и имущественные отношения,

права, закрепляющие эти вещи. Она также отмечает, что для признания имущества в качестве объекта гражданских правоотношений, оно должно быть включено в оборот, имущество, в свою очередь, должно быть правомерным и дееспособным⁴.

Самостоятельный подход к определению имущества предложил О.С. Иоффе, рассматривавший имущество как совокупность имущественных прав и обязанностей. Согласно его позиции, анализ правопреемства неизбежно приводит к пониманию имущества как единства актива и пассива (прав и обязанностей). Он писал, что в контексте перехода имущества между социалистическими организациями, необходимо учитывать переход «всей совокупности имущественных прав... актива, а также частично обязанностей (пассива)»⁵.

Наряду с формально-юридическими классификациями, в современной цивилистике выделяется также экономический подход. Такой подход предлагает Е.А. Игнатьева, подчёркивая, что имущество следует рассматривать в первую очередь как экономическое благо, обладающее стоимостью и способное участвовать в обороте. В своих рассуждениях Е.А. Игнатьева смещает акцент с поиска ответа на вопрос, что это, вещь или право, на установление факта наличия у объекта экономической ценности⁶. Именно этот подход позволяет включать в понятие имущества объекты, не имеющие материальной формы, но представляющие собой «экономическую основу деятельности субъекта.

Дискуссии о понятии имущества в последнее время были существенно усилены процессами цифровизации гражданского оборота. Стремительное развитие цифровых технологий, появление криптовалют, токенов, цифровых прав и иных объектов, существующих в информационной среде, поставило классические доктрины перед вызовом. Возможность существования имущества, не обладающего материальной формой, но имеющего стоимостное выражение и способного участвовать в обороте, потребовала переосмысления устоявшихся подходов.

В условиях цифровизации гражданского оборота в современной цивилистической доктрине сформировались различные подходы к пониманию цифрового имущества и цифровых прав. Так, согласно первому подходу, цифровое имущество рассматривается как самостоятельный объект гражданских прав. К примеру, Н.А. Галкин указывает, что развитие цифровой экономики обусловило появление особой категории объектов, существующих исключительно в цифровой среде и обладающих самостоятельной имущественной ценностью. Автор подчеркивает, что цифровое имущество характеризуется нематериальной природой, существованием в информационной системе и способностью участвовать в гражданском обороте⁷.

Другой подход основывается на понимании цифровых прав как разновидности имущественных прав. Представители этого подхода, Ю.И. Бурханова и Н.А.

¹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 1995. С. 95.

² Гражданское право. Т. 1. Учеб. пособие / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 1998. С. 294.

³ Сулейменов М.К. Избранные труды по гражданскому праву / Научн. ред. В.С. Эм. - М., 2006. С. 205.

⁴ Маметова Р. А. Право и собственность в Республике Казахстан / отв. ред. М. К. Сулейменов. Алматы: Жеті Жарғы, 1998. С. 102.

⁵ Иоффе О.С. Советское гражданское право: Курс лекций. Ч. I. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. С. 293.

⁶ Игнатьева Е.А. О применении понятий «Актив», «Собственность», «Имущество» в российском праве // Правовая концепция. 2011. №2. С. 204-209.

⁷ См.: Галкин Н.А. Понятие и признаки цифрового имущества как объекта гражданских прав // Law Bulletin. - 2024. № 4. С. 112–118.

Новокшопова, отмечают, что цифровизация не приводит к формированию принципиально новых имущественных отношений, а лишь изменяет способы фиксации и обращения уже известных гражданскому праву имущественных прав¹. В рамках данной концепции цифровые права рассматриваются как особая форма существования обязательственных, корпоративных и иных имущественных прав.

Отдельного внимания заслуживает подход, в рамках которого цифровизация рассматривается как изменение формы существования имущественных отношений. Е.С. Селиванова и О.В. Дмитриева подчеркивают необходимость разграничения понятий «цифровое право» и «цифровая форма имущественного права». По мнению авторов,

сама сущность имущественных прав при цифровизации не изменяется, трансформации подвергается лишь способ их закрепления и обращения в цифровой среде².

В современной доктрине также выделяется комплексный подход к пониманию цифровых прав. Так, Е.А. Кириллова и Т.Э. Зульфугарзаде отмечают, что цифровые права могут рассматриваться как в узком нормативном смысле в качестве прямо предусмотренных законом объектов гражданских прав, так и в широком смысле как совокупность имущественных возможностей субъекта в цифровой среде³.

На основании изложенного можно сделать вывод, что в цивилистической доктрине отсутствует единый подход к определению имущества. Традиционно

имущество рассматривалось либо как совокупность вещей, либо как совокупность вещей, имущественных прав и обязанностей. Вместе с тем современные исследования всё чаще связывают имущество не только с материальными объектами и классическими имущественными правами, но и с цифровыми активами, цифровыми правами и иными нематериальными объектами, существующими в информационной среде. Это свидетельствует о трансформации классических представлений об имуществе и формировании новых доктринальных подходов к его пониманию.

Библиографический список

1. Бурханова Ю.И., Новокшопова Н.А. Цифровые права как объекты гражданских прав // Вестник Челябинского государственного университета. - 2021. - № 3 (449). - С. 56–61.
2. Галкин Н.А. Понятие и признаки цифрового имущества как объекта гражданских прав // Law Bulletin. - 2024. - № 4. - С. 112–118.
3. Гражданское право. Т. 1. Учеб. пособие / Отв. ред. Е.А. Суханов. - М., 1998. – 785 с.
4. Игнатьева Е.А. О применении понятий «Актив», «Собственность», «Имущество» в российском праве // Правовая концепция. - 2011. №2. – С. 204–209.
5. Иоффе О.С. Советское гражданское право: Курс лекций. Ч. I. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. – 511 с..
6. Кириллова Е.А., Зульфугарзаде Т.Э. Институт цифровых прав в гражданском праве России // Государство и право. - 2022. - № 7. - С. 89–97.
7. Маметова Р. А. Право и собственность в Республике Казахстан / отв. ред. М. К. Сулейменов. - Алматы: Жети Жаргы, 1998. – 286 с.
8. Селиванова Е.С., Дмитриева О.В. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. - 2021. - № 4. - С. 167–173.
9. Сулейменов М.К. Избранные труды по гражданскому праву / Научн. ред. В.С. Эм. - М., 2006. – 585 с.
10. Першеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). - М., 1995. – 556 с.

¹ См.: Бурханова Ю.И., Новокшопова Н.А. Цифровые права как объекты гражданских прав // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 3 (449). С. 56–61.

² См.: Селиванова Е.С., Дмитриева О.В. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4. С. 167–173.

³ Кириллова Е.А., Зульфугарзаде Т.Э. Институт цифровых прав в гражданском праве России // Государство и право. 2022. № 7. С. 89.

ANALYSIS OF CLASSICAL DOCTRINAL APPROACHES TO THE DEFINITION OF PROPERTY IN CIVIL LAW

Zolotukhin Alexey Valerievich

Doctor of Law, Professor, Rector

Russian-Tajik (Slavonic) University.

M. Tursunzoda 30, 734025 Dushanbe, Republic of Tajikistan

E-mail: mczolotoy@rambler.ru

This article examines the main doctrinal approaches to defining property in civil law. It examines traditional concepts of understanding property as a set of things, property rights, and obligations, as well as approaches based on economic and functional understandings of property. Particular attention is paid to the transformation of the category of property in the context of the digitalization of civil transactions. Modern scholarly positions related to digital rights, digital property, and other objects existing in the digital environment are analyzed. It concludes that the category of property is expanding and new approaches to its understanding are emerging in modern civil law doctrine.

Key words: *property, objects of civil rights, property rights, digital rights, digital property, civil law, digitalization, civil circulation, doctrinal approaches, property relations, digital economy.*

ТАҲЛИЛИ РАВИШҲОИ КЛАССИКИИ ДОКТРИНАЛӢ БА ТАЪРИФИ МОЛИКИЯТ ДАР ҲУҚУҚИ МАДАНИӢ

Золотухин Алексей Валерьевич

доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор, ректор

Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М. Турсунзода, 30

E-mail: mczolotoy@rambler.ru

Дар ин мақола равишҳои асосии доктриналӣ барои таърифи моликият дар ҳуқуқи шахрвандӣ баррасӣ мешаванд. Дар он мафҳумҳои анъанавии дарки моликият ҳамчун маҷмӯи ашё, ҳуқуқҳои моликият ва ӯҳдадориҳо, инчунин равишҳое, ки ба фаҳмишҳои иқтисодӣ ва функционалии моликият асос ёфтаанд, баррасӣ мешаванд. Таваҷҷӯҳи махсус ба табдили категорияи моликият дар заминаи рақамикунонии муомилоти шахрвандӣ зоҳир карда мешавад. Дар он мавқеъҳои илмӣ муосир дар робита бо ҳуқуқҳои рақамӣ, моликияти рақамӣ ва дигар ашёе, ки дар муҳити рақамӣ мавҷуданд, таҳлил карда мешаванд. Дар он хулоса бароварда мешавад, ки категорияи моликият васеъ шуда истодааст ва равишҳои нав барои фаҳмиши он дар доктринаи муосири ҳуқуқи шахрвандӣ пайдо мешаванд.

Калидвожаҳо: *моликият, объектҳои ҳуқуқи шахрвандӣ, ҳуқуқи моликият, ҳуқуқҳои рақамӣ, моликияти рақамӣ, ҳуқуқи шахрвандӣ, рақамикунонӣ, муомилоти шахрвандӣ, равишҳои доктриналӣ, муносибатҳои моликият, иқтисоди рақамӣ.*

УДК 347.44:620.9

ДОГОВОР ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Кудратуллозода Бахтовар Кудратулло

Кандидат юридических наук, доцент,

проректор по международным связям

Российско-Таджикский (Славянский) университет.

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсун-заде, д.30.

Тел.: (+992) 2273986, bakhtovar.nusratullov@mail.ru

В статье исследуется договор энергоснабжения как особая форма частноправового регулирования отношений в сфере электроэнергетики. Рассматриваются понятие и правовая природа договора энергоснабжения, его место в системе гражданско-правовых договоров, а также особенности его субъектного состава, предмета, содержания и порядка исполнения. Особое внимание уделяется взаимодействию договорных начал с императивными требованиями законодательства в сфере энергетики, включая государственное регулирование тарифов, обеспечение надежности и качества электроснабжения и защиту прав потребителей. Анализируются положения гражданского законодательства Республики Таджикистан и специального законодательства в сфере энергетики. Обосновывается вывод о комплексном характере правового регулирования, сочетающего частноправовые и публично-правовые элементы.

Ключевые слова: договор энергоснабжения, электроэнергетика, частноправовое регулирование, гражданско-правовой договор, энергоснабжающая организация, потребитель, электрическая энергия, тариф, права потребителей, Республика Таджикистан.

Большинство договоров, заключаемых в области электроэнергетики относятся к категории гражданско-правовых договоров. Законодательство Республики Таджикистан в статье 595 Гражданского кодекса Республики Таджикистан даёт определение договора энергоснабже-

ния. В соответствии с данной статьёй «по договору энергоснабжения энергоснабжающая организация, снабжающая энергией, обязуется подавать через присоединенную сеть энергию, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию, а также соблюдать предусмотренный договором режим ее потребления, обеспечивать безопасность эксплуатации находящихся в его ведении энергетических сетей и исправность используемых им приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии»¹. Договор энергоснабжения заключается с абонентом при наличии у него отвечающего установленным требованиям энергоустановки, присоединенной к сетям энергоснабжающей организации в установленном порядке, а также необходимого оборудования и приборов учета потребления энергии. Если абонентом по до-

говору энергоснабжения выступает физическое лицо, использующий энергию для бытового потребления, договор считается заключенным с момента первого фактического подключения абонента в установленном порядке к присоединенной сети. В этом случае договор считается заключенным на неопределенный срок. Договору энергоснабжения посвящены ст.595-604 Гражданского кодекса Республики Таджикистан. В стране также действует Постановление Правительства Республики Таджикистан от 6 марта 1998 года № 84 «Об утверждении Правил пользования электрической и тепловой энергией». Последние изменения в Правила были внесены в 2025 году. Глава 3 Правил посвящена договору на потребление электрической энергии. Именно в данном документе зафиксировано положение о том, что основным регулятором отношений

© Кудратуллозода Б.К., 2026

¹ Гражданский кодекс Республики Таджикистан
<https://sud.tj/upload/iblock/cff/4406e822qsl35o8y003l>

2qz5hx1p4yj0.pdf. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ncz.tj/content> (дата обращения 30.07.2026)

между сторонами выступает договор. Как отмечает В.С. Анохин «...договор энергоснабжения и разрешение споров, связанных с заключением, исполнением, изменением и прекращением правоотношений по данным договорам, приобретает в последнее время все большую значимость как для сторон договора, так и для органов, разрешающих споры и вопросы энергоснабжения»¹.

Договор энергоснабжения заключается между участниками электроэнергетического рынка и направленный на создание, изменение или прекращение прав и обязанностей, связанных с производством, передачей, распределением, поставкой, покупкой, продажей и потреблением электрической энергии. В зависимости от характера отношений участники договоров о поставке электроэнергии могут быть производителями электроэнергии, поставщиками электроэнергии и организациями по продаже электроэнергии, сетевыми организациями, крупными потребителями и другими участниками электроэнергетического рынка, а также государственными органами и организациями в соответствии с законом.

Договор о поставке электроэнергии является особым видом договоров гражданского права, так как он регулирует отношения, связанные с передачей очень специфического объекта обращения собственности, а именно электрической энергии. По сравнению с обычными договорами купли-продажи выполнение обязательства по Договору о поставке электроэнергии подразумевает не только передачу товара потребителю, но и его доставку через соединенную энергосеть с должным учетом установленных

параметров, режима потребления и учета.

В Республике Таджикистан отношения, связанные с поставкой электрической энергии, регулируются нормами гражданского права в сочетании со специальными нормами энергетического законодательства. Согласно Правилам использования электрической энергии основным документом, регулирующим отношения сторон в сфере поставки электрической энергии, является договор.

Договор о поставке электроэнергии как правовой конструкция представляет собой договор гражданского права, консенсуальный, взаимный и двусторонний. Его гражданско-правовой характер проявляется в том, что стороны имеют взаимные имущественные права и обязанности: энергетическая поставляющая организация обязана поставлять электрическую энергию, а потребитель обязуется ее принимать и оплачивать в соответствии с установленными правилами.

В рамках гражданско-правовой системы контрактов контракт на поставку электроэнергии относится к группе контрактов о передаче имущества и обычно считается особым видом контрактов купли-продажи. Однако его отведение в категорию контрактов купли-продажи не совсем адекватно так как не отражает в полной мере его гражданско-правовых особенностей. В отличие от классической купли-продажи, когда передача вещи осуществляется путем ее вручения покупателю или предоставления ему во владение, в случае поставки электроэнергии передача энергии осуществляется через энергосеть и осуществляется непрерывно или в соответствии с установленным потреблением.

Таким образом контракт на поставку электроэнергии объединяет элементы обмена имуществом, организационного сотрудничества сторон и технического обеспечения процедуры поставки, то есть предоставления услуги.

Одной из основных особенностей контракта на поставку электроэнергии в сфере гражданско-правового регулирования является его консенсуальный характер. Это означает что для возникновения договорных обязательств не требуется фактической передачи энергии в качестве отдельного юридически значимого деяния; договор считается заключенным в случае достижения соглашения по условиям, которые имеют существенное значение для данного вида контракта, если только законом не предусмотрено иное. Практическое исполнение контракта связано с дальнейшей передачей энергетического ресурса через сеть и его оплатой потребителем.

Контракт на поставку электроэнергии является взаимным так как исполнение обязательства поставщика энергии по передаче энергии возможно только при наличии обязательства абонента оплачивать полученную энергию или объем ее потребления установленный в соответствии с контрактом и установленными правилами.

Экономическая и правовая связь между передачей энергии и ее оплатой является одной из основных особенностей этого обязательства.

Кроме того, данный контракт имеет двусторонний характер. Существуют взаимные права и обязанности. Поставщик энергии обязан предоставлять абоненту энергию через сеть, гарантировать необходимые пара-

¹ Анохин В. С. Договор энергоснабжения: правовое регулирование и практика разрешения споров // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2008. №1. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-energосnabzheniya-pravovoe-regulirovanie-i-praktika-razresheniya-sporov> (дата обращения: 23.09.2026).

метры и режим поставки и в некоторых случаях предпринимать действия направленные на обеспечение надежности и качества предоставляемого ресурса. Абонент в свою очередь обязан оплачивать полученную энергию, использовать ее в соответствии с установленным потреблением, обеспечивать соответствующее техническое состояние своих энергетических установок и выполнять другие обязательства, установленные законом. Тема договора о поставке энергии играет особенно важную роль в определении характера такого соглашения в гражданском праве. Данная тема представляет собой энергию как особый предмет права, который передаётся через энергетическую сеть. С точки зрения законодательства энергия имеет несколько особенностей, которые делают её особенной. Энергия не может рассматриваться как что-то с традиционной физической формой, её нельзя идентифицировать по физическим характеристикам и, в общем, она используется сразу после её производства. Всё это требует точного определения как природы энергетического ресурса, так и количественных и качественных характеристик его передачи, а также правил потребления и учёта.

Одной из отличительных черт договора о поставке энергии является невозможность его исполнения без предварительного существования определённого технического требования - энергетической сети. Только наличие объекта, правильно подключенного к соответствующей сети позволяет осуществлять поставку энергии потребителю. Поэтому в отличие от большинства соглашений о передаче имущества договор о поставке энергии прямо зависит от состояния и режима функционирования. Особенно исполнения контракта зависят от особенностей его пред-

мета. Энергия, поставляемая потребителю, не подразумевает поставки определенного физического тела в связи с его транспортировкой из одной стороны в другую, а скорее подразумевает обеспечение источника энергии через связанную сеть. В данном случае момент поставки и количество потребленной энергии обычно определяются показаниями счетчиков и другими методами расчета потребленной энергии, установленными законом и контрактом. Следовательно, учет потребленной энергии имеет не только технический характер, но и юридическое значение так как он напрямую влияет на сумму долга потребителя.

Также есть определенная особенность в составе сторон контракта. Поставщик энергии - это лицо которое создает, транспортирует или реализует соответствующий источник энергии в соответствии с установленным порядком. В зависимости от вида энергии и характеристик соответствующего рынка эта деятельность может осуществляться специальными организациями, имеющими необходимые права и технические возможности. Подписчиками на поставку энергии могут быть граждане, индивидуальные предприниматели и юридические лица. Однако правовой статус подписчика и содержание его обязательств могут значительно отличаться в зависимости от целей использования энергии и его статуса.

Однако в то же время прямые имущественные отношения между поставщиком энергии и подписчиком устанавливаются и исполняются в сфере гражданско-правового обязательства.

Другой уникальной особенностью контракта на поставку энергии является постоянный характер обязательства. В отличие от единовременной поставки предмета сделки по обычному договору купли-продажи поставка энергии предполагает ряд

действий, которые совершаются в течение определенного периода времени. В течение такого периода между сторонами договора устанавливается постоянная связь, характеризующаяся повторной поставкой, измерением, приемкой и оплатой энергетического ресурса. Таким образом выполнение контракта на поставку энергии имеет циклический и постоянный характер, так как поставка энергетического ресурса создает обязательство по его оплате, и повторная поставка осуществляется в контексте одного и того же правового отношения.

Однако важно осознавать что постоянный характер контракта на поставку энергии не означает абсолютной невозможности ограничить или приостановить этот процесс. В большинстве случаев законодательство устанавливает особые основания и правила для ограничения и приостановки поставки энергии, в том числе в случае невыполнения обязательств по оплате, угрозы безопасности, неисправности оборудования и других ситуаций. Но такое ограничение должно осуществляться в соответствии с соблюдением определенных процедур и гарантий прав потребителей, гарантированных законом.

Особую роль в характеристике соглашения играют правила, касающиеся определения цены. Цена энергетического ресурса в соответствующих отношениях не определяется исключительно в результате соглашения между сторонами а с учетом существования государственного тарифного регулирования. Это значительно отличает поставку энергии от многих соглашений, заключенных в условиях свободного формирования цен. Если тарифная ставка определяется компетентным государственным органом то стороны не имеют полной свободы в установлении цены энергетического ресурса.

Еще одной особенностью является **контроль за объемом потребления**. Приборы учета выполняют одновременно техническую и доказательственную функцию. Их показания позволяют установить количество фактически потребленной энергии и определить размер денежного обязательства абонента. Поэтому требования к установке, эксплуатации, проверке и сохранности приборов учета имеют непосредственное значение для надлежащего исполнения договора.

Гражданско-правовая ответственность по договору энергоснабжения также имеет определенную специфику. При нарушении обязательств сторонами применяются общие меры гражданско-правовой ответственности, включая возмещение убытков, взыскание неустойки при наличии соответствующего основания, уплату процентов за просрочку денежного обязательства и иные предусмотренные законом или договором меры. Вместе с тем характер ответственности определяется конкретным нарушением. Например, просрочка оплаты энергии представляет собой нарушение денежного обязательства абонента, тогда как ненадлежащее качество или необоснованное прекращение снабжения может свидетельствовать о ненадлежащем исполнении обязательства энергоснабжающей организацией.

Таким образом, договор энергоснабжения обладает комплексом взаимосвязанных гражданско-правовых характеристик. Он является возмездным и двусторонним договором о передаче энергетического ресурса, отличается ддящимся характером, специальным предметом и особым способом исполнения посредством присоединенной сети. Его содержание формируется не только соглашением сторон, но и значительным массивом императивных норм, регулирующих

технические, тарифные, организационные и безопасностные аспекты энергоснабжения.

Специфика договора энергоснабжения позволяет сделать вывод о том, что его нельзя рассматривать как обычную разновидность договора купли-продажи без учета особенностей энергетического ресурса и технологической инфраструктуры. Его гражданско-правовая сущность проявляется в наличии самостоятельного имущественного обязательства между энергоснабжающей организацией и абонентом, тогда как особенности объекта, способа передачи энергии, государственного регулирования тарифов, учета потребления и обеспечения безопасности обуславливают специальный правовой режим данного обязательства.

В конечном счете договор энергоснабжения выполняет не только функцию возмездной передачи энергетического ресурса, но и функцию правовой организации длительных имущественных отношений между поставщиком и потребителем. Именно сочетание частноправового договорного начала с объективно необходимым публичным регулированием позволяет обеспечить баланс интересов энергоснабжающей организации, абонента и иных участников энергетической системы. Поэтому при исследовании договора энергоснабжения как гражданско-правового договора необходимо учитывать одну из его договорную природу, специфику энергии как объекта гражданских прав, технологическую обусловленность исполнения и особенности нормативного регулирования энергетических отношений.

В структуре типового Договора о поставке электрической энергии, подготовленного Министерством энергетики и водных ресурсов Республики Таджикистан, прямо установлены обязательство энергетической по-

ставляющей организации поставлять электрическую энергию абоненту через соединенную сеть и обязательство абонента своевременно оплачивать использованную энергию.

Одной из особенностей субъектного состава договора является то, что с одной стороны есть энергетическая поставляющая организация, а с другой - потребитель (абонент). Потребителем может быть, как физическое, так и юридическое лицо. Однако такие отношения имеют особую социально-экономическую природу: потребитель, особенно домашний, фактически зависит от поставки электрической энергии, в то время как энергетическая поставляющая организация имеет особый статус и осуществляет свою деятельность в регулируемой сфере.

Другой особенностью договора является его публичный характер. Характер энергетического рынка заключается в существовании регулируемых сфер и особых субъектов в отношении потребителя. Поэтому свобода договора в этой сфере не абсолютна. Стороны имеют право соглашаться на условия, не противоречащие законодательству, однако значительная часть условий устанавливается императивными нормами энергетического законодательства.

«Рассматриваемый договор признается публичным договором, т.е. договором, заключаемым коммерческой организацией и устанавливающим ее обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, которые такая организация в силу характера своей деятельности должна осуществлять в отношении каждого, кто к ней обратится (розничная торговля, перевозка транспортом общего

пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание и т.п.)»¹.

«Отказ коммерческой организации от заключения публичного договора при наличии возможности предоставить потребителю соответствующие товары, услуги, выполнить для него соответствующие работы не допускается»².

Особенности договоров о поставке электроэнергии определяются характером предмета договорных отношений. Электрическая энергия - это уникальный вид товара, который не может быть храним в обычном виде и производство и потребление которого в энергетической системе должны быть сбалансированы во времени. Таким образом реализация договора не только касается поставки определенного количества электроэнергии, но и поддержания необходимых технических параметров, надежности и безопасности энергоснабжения.

По договору о поставке электроэнергии поставщик электроэнергии обязуется поставлять электроэнергию через подключенную сеть потребителю, а последний обязуется оплачивать полученную электроэнергию и соблюдать режим потребления электроэнергии, который указан в договоре, обеспечивать безопасность эксплуатации электрических сетей на своей террито-

рии и надлежащую работу оборудования и приборов. Содержание договора не только является результатом воли сторон, но и регулируется нормами регулирующего законодательства и другими требованиями.

Важной характеристикой договора о поставке электроэнергии является совместное регулирование как частного, так и публичного права. Хотя договорные отношения и являются предметом договора большая часть условий и положений договора определяется или ограничивается императивными нормами закона. Это происходит из-за стратегической ценности электроэнергии для экономики и общества и то, что неисправность энергетической системы может иметь негативное влияние на интересы неограниченной группы людей.

Другая характеристика договора о поставке электроэнергии - это прямая связь между договорными отношениями и технической инфраструктурой. Для получения электроэнергии потребитель должен быть подключен к сети.

В Таджикистане с 2000 года действует специальный закон, регулирующий вопросы в области энергетики «Закон Республики Таджикистан об энергетике»³. Данный закон имеет в большей степени публично-правовые начала, тем не менее в ряде статей

закладывает основы для частного правового регулирования.

Договор энергоснабжения имеет как частноправовую основу, так и публично-правовую. Само по себе регулирование указанного договора осуществляется частноправовыми началами, в то же время ограничено публичными нормами. К примеру, содержание договора энергоснабжения ограничивается государственным регулированием тарифов, технических требований, безопасности.

Для договора с энергоснабжающей организацией особенно важна также связь Закона «Об энергетике» с законодательством о естественных монополиях.

Закон «О естественных монополиях»⁴ направлен на обеспечение баланса интересов потребителей и субъектов естественных монополий и предусматривает, в частности, ценовое регулирование посредством установления тарифов или их предельного уровня. Уполномоченный орган также может выдавать предписания о заключении договоров с потребителями, подлежащими обязательному обслуживанию, и о внесении изменений в договоры.

Это особенно важно при анализе договора энергоснабжения в условиях, когда потребитель фактически не имеет возможности выбрать альтернативного поставщика.

Библиографический список

1. Анохин В. С. Договор энергоснабжения: правовое регулирование и практика разрешения споров // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2008. №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

¹ Анохин В. С. Договор энергоснабжения: правовое регулирование и практика разрешения споров // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2008. №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-energосnabzheniya-pravovoe-regulirovanie-i-praktika-razresheniya-sporov> (дата обращения: 23.09.2026).

² Там же

³ Закон Республики Таджикистан «Об энергетике» от 29.11.2000 г. (в редакции Закона РТ от 26.12.2005г. №118, от 13.06.2007г. №280 от 30.07.2007г. №310, от 16.10.2009г. №556, от

28.06.2011г. №727, от 22.07.2013г. №998, от 28.12.2013г. №1054, от 19.07.2022 №1909). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ncz.tj/content> (дата обращения 30.07.2026)

⁴ Закон РТ «О естественных монополиях» от 05.03.2007 (Ахбори Маҷлиси Оли Республикаи Тоҷикистон, 2007г., №3, ст. 168; 2008 г., №10, ст. 814; 2013 г., №12, ст. 899; 2015 г., №11, ст. 977; Закон РТ от 18.07.2017 г., №1460). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ncz.tj/content> (дата обращения 30.07.2026)

<https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-energосnabzheniya-pravovoe-regulirovanie-i-praktika-razresheniya-sporov> (дата обращения: 23.09.2026).

2. Гражданский кодекс Республики Таджикистан
<https://sud.tj/upload/iblock/cff/4406e822qsl35o8y003l2qz5hx1p4yj0.pdf>. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ncz.tj/content> (дата обращения 30.07.2026)
3. Закон РТ «О естественных монополиях» от 05.03.2007 (Ахбори Маҷалиси Оли Республикаи Тоҷикистон, 2007 г., №3, ст. 168; 2008 г., №10, ст. 814; 2013 г., №12, ст. 899; 2015 г., №11, ст. 977; Закон РТ от 18.07.2017 г., №1460)). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ncz.tj/content> (дата обращения 30.07.2026)
4. Закон Республики Таджикистан «Об энергетике» от 29.11.2000 г. (в редакции Закона РТ от 26.12.2005г.№118, от 13.06.2007г.№280 от 30.07.2007г.№310, от 16.10.2009г.№556, от 28.06.2011г.№727, от 22.07.2013г.№998, от 28.12.2013г.№1054, от 19.07.2022 №1909). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ncz.tj/content> (дата обращения 30.07.2026)

ENERGY SUPPLY AGREEMENT IN THE SYSTEM OF PRIVATE-LAW REGULATION OF ELECTRICITY RELATIONS

Kudratullozoda Bakhtovar Kudratullo

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Vice-Rector for International Relations

Russian-Tajik (Slavonic) University

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade Street, 30

Tel.: (+992) 2273986, e-mail: bakhtovar.nusratullov@mail.ru

The article examines the energy supply agreement as a specific form of private-law regulation of relations in the electric power sector. It considers the concept and legal nature of the energy supply agreement, its place within the system of civil-law contracts, as well as the particularities of its parties, subject matter, content and performance. Particular attention is paid to the interaction between contractual principles and mandatory requirements of energy legislation, including state regulation of electricity tariffs, reliability and quality of electricity supply, and consumer protection. The article analyzes the provisions of the civil legislation of the Republic of Tajikistan and special energy legislation. It concludes that the legal regulation of energy supply combines private-law and public-law elements.

Keywords: *energy supply agreement, electric power sector, private-law regulation, civil-law contract, energy supplier, consumer, electricity, tariff, consumer rights, Republic of Tajikistan.*

ШАРТНОМАИ ТАЪМИНОТИ НЕРУИ БАРҚ ДАР НИЗОМИ ТАНЗИМИ МУНОСИБАТҲОИ ХУСУСӢ- ҲУҚУҚӢИ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКӢ

Кудратуллозода Бахтовар Кудратулло

Номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент

муовини ректор оид ба робитаҳои байналмилалӣ

Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30

Тел.: (+992) 2273986, e-mail: bakhtovar.nusratullov@mail.ru

Дар мақола шартномаи таъминоти неруи барқ ҳамчун шакли махсуси танзими муносибатҳои хусусӣ-ҳуқуқӣ дар соҳаи электроэнергетика мавриди таҳқиқ қарор дода мешавад. Мафҳум ва моҳияти ҳуқуқии шартномаи таъминоти неруи барқ, ҷойгоҳи он дар низоми шартномаҳои граждани, инчунин хусусиятҳои ҳайати субъектӣ, предмет, мазмун ва тартиби иҷрои он баррасӣ мегарданд. Диққати махсус ба таносуби принципҳои шартномавӣ бо талаботи ҳатмии қонунгузори соҳаи энергетика, аз ҷумла танзими давлатии тарифҳои неруи барқ, таъмини эътимоднокии ва сифати таъминоти барқ ва ҳифзи ҳуқуқи истеъмолкунандагон равона шудааст. Муқаррароти қонунгузори граждани Ҷумҳурии Тоҷикистон ва қонунгузори махсуси соҳаи энергетика таҳлил гардида, хусусияти маҷмӯии танзими ҳуқуқии муносибатҳои таъминоти неруи барқ асоснок карда мешавад.

Калидвожаҳо: шартномаи таъминоти неруи барқ, электроэнергетика, танзими хусусӣ-ҳуқуқӣ, шартномаи ҳуқуқӣ-шаҳравандӣ, ташиклоти таъминоти неруи барқ, истеъмолкунанда, неруи барқ, тариф, ҳуқуқи истеъмолкунандагон, Ҷумҳурии Тоҷикистон.

УДК 341.94, 347.22

НАЦИОНАЛЬНЫЙ РЕЖИМ И ИЗЪЯТИЯ ИЗ НЕГО В ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ ИНОСТРАНЦЕВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Оголь Владислав Леонидович

аспирант Университета управления «ТИСБИ»

Российская Федерация, г. Казань

e-mail: ogol-vlad@mail.ru

Статья посвящена исследованию права собственности иностранных субъектов в Российской Федерации. В статье отмечается, что предоставленный российским законодательством национальным режим в отношении собственности иностранных субъектов имеет свои исключения и касается вещей, в отношении которых государство имеет публичный интерес. Автор указывает на наличие двух видов изъятий их национального режима в отношении права собственности иностранных субъектов: постоянных и временных. Постоянные ограничения не зависят от внешнеполитической ситуации, направлены на обеспечение публичных интересов государства, и действуют непрерывно в отношении всех субъектов, подпадающих под установленные критерии. Временные ограничения представляют ограничения, введенные в ответ на геополитические события, и имеют срочный характер, до отмены причин введения.

Ключевые слова: *национальный режим, вещные права, право собственности на землю, изъятия из национального режима.*

Иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица пользуются в России гражданскими правами наравне с российскими субъектами, как это установлено статьёй 2 Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако специфика защиты для иностранных субъектов обусловлена применением права страны, где находится

имущество (*lex rei sitae*), в соответствии со статьёй 1196 Гражданского кодекса Российской Федерации, что делает российское право определяющим для имущества, расположенного на территории Российской Федерации.

Однако для иностранных субъектов – физических лиц (иностранцев и апатридов) и юридических лиц (иностранцев компаний и организаций) – участие в этих отношениях осложнено балансом между принципом национального режима и необходимостью защиты национальных интересов, включая суверенитет над территорией и природными ресурсами. Иностранец в России может иметь в собственности имущество, которое допускается нормативными правовыми актами¹.

В рамках международного частного права Российской Федерации принцип национального режима представляет собой фундаментальный подход к регулированию правового статуса иностранных граждан и лиц без

гражданства, обеспечивающий их равенство в сфере гражданских правоотношений с гражданами страны пребывания. Этот принцип, коренящийся в конституционных основах государства, подразумевает предоставление иностранным субъектам такого же объёма гражданской правоспособности, который предусмотрен для российских граждан, с возможными изъятиями, обусловленными спецификой национального законодательства или международных обязательств.

Конституционная основа принципа национального режима заложена в статье 62 Конституции Российской Федерации. Эта норма отражает эволюцию российского конституционализма, ориентированного на гармонизацию внутренних норм с международными стандартами, такими как Всеобщая декларация прав человека и Международный пакт о гражданских и политических правах.

¹ Тагаева С. Н. Правовое положение иностранных граждан-собственников в Российской Федерации // Вестник ТИСБИ. 2020. № 3. С.83.

Проблема заключается в том, что, несмотря на формальное равенство, установленное международными договорами и внутренним законодательством, существуют значительные ограничения, особенно в отношении недвижимого имущества, в частности земельных участков, «в отношении которого государство имеет публичный интерес»¹. Таким образом, можно констатировать тот факт, что всё зависит от объекта правоотношения «...изучение категории «объект» правоотношения на сегодняшний день выступает одним из сложнейших вопросов, существующих в юридической науке»².

Правовые основания таких ограничений установлены в гражданском законодательстве, устанавливающем оборотоспособность объектов гражданских прав (ст.129 ГК РФ), основания прекращения права собственности (ст.235 ГК РФ), прекращение права собственности на имущество, которое не может ему принадлежать (ст.238 ГК РФ). К их числу относится запрет на владение сельскохозяйственными землями (ст.3,5 Федерального закона от 24 июля 2002 года №101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»), приграничными территориями (ст.15 Земельного кодекса Российской Федерации), а также земельными участками в границах морского порта (ст.28 Федерального закона №261-ФЗ от 8 ноября 2007 года «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Для этой категории земельных участков в науке предложено использование дефиниции «ограниченные в обороте земельные участки»³, поскольку такие земельные участки в целях обеспечения безопасности и благополучия страны, территориального единства не могут принадлежать иностранным гражданам и лицам без гражданства. Следует заметить, что законодатель исходит из признания первичности земельного участка по отношению к другим объектам недвижимости в силу природы, устанавливая ограничения для обладания правом собственности для иностранных субъектов и апатридов.

В силу этого на практике иногда складываются ситуации, когда право на имущество, расположенное на земельном участке у иностранного субъекта или апатрида имеется, а на сам земельный участок нет. Вынуждены согласиться с точкой зрения, согласно которой «земельный участок и расположенные на нем объекты недвижимости, природные объекты могут иметь различный правовой режим»⁴.

Так, правом на создание крестьянского фермерского хозяйства обладают не только граждане России, но и иностранные граждане и апатриды. В то же время, быть собственниками земель сельскохозяйственного назначения последние не могут. Если исходить из того, что крестьянское (фермерское) хозяйство может быть в форме юридического лица, так и без образования такого, первый вариант предполагает, что имущество, в том

числе земельный участок сельскохозяйственного назначения будет принадлежать юридическому лицу, а иностранец или апатрид приобретает обязательственные права по отношению к юридическому лицу, вероятность практических коллизий низка. Однако, если речь идет о крестьянском (фермерском) хозяйстве, созданном иностранным гражданином или апатридом или о его участии в таком образовании без создания юридического лица, могут возникнуть вопросы, связанные с его возможностью быть собственником. В данном случае наблюдается правовая асимметрия между обеспечением реализации права иностранного гражданина на участие в крестьянском (фермерском) хозяйстве (в качестве члена или главы) при сохранении прямого запрета на право собственности на основное средство производство - землю сельскохозяйственного назначения. В то же время «иностранцы лица на территории РФ могут приобретать за плату земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения, предоставленные им для ведения личного подсобного и дачного хозяйства, садоводства, животноводства и огородничества, а также земельные участки, занятые зданиями, строениями, сооружениями, в том числе предоставленные для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства, если такие участки не находятся на приграничных территориях и на иных установленных особо территориях РФ в соответствии с федеральными законами»⁵. В то

¹ Тагаева С. Н. К дискуссии о движимой недвижимости // Юридический вестник. 2026. № 1 (25). С.40.

² Аминова Ф. М. Корреляция категорий "объект", "цель" и "результат" в правоотношениях по применению вспомогательных репродуктивных технологий // Правовая жизнь. 2019. № 4 (28). С. 126.

³ Белова Т.И. Пределы и ограничения права собственности иностранных граждан на земельные участки//

Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. №12 (279). С. 76.

⁴ Елисеева И.А. Земельный участок как объект гражданского оборота: понятие и признаки //Проблемы экономики и юридической практики. 2010. №2. С.62.

⁵ Бобряшова М.А. Запрет на приобретение в собственность иностранными лицами земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения: ис-

же время, входящие в состав крестьянского (фермерского) хозяйства жилой дом, другие объекты капитального строительства, некапитальные строения, сооружения, используемые для производства, хранения и первичной переработки сельскохозяйственной продукции и другое имущество могут быть на праве собственности у иностранного гражданина или апатрида. Земельный участок как первичный объект может находиться во владении и пользовании иностранного гражданина или апатрида на праве аренды, а возведенные на нем объекты недвижимости могут находиться в собственности.

Отличная в правовом регулировании отношений собственности на земельные участки, принадлежащие членам крестьянского (фермерского) хозяйства, являющимися иностранцами или апатридами, сложилась применительно к земельным участкам, находящимся в портах и принадлежащим индивидуальным предпринимателям-иностранцам. Федеральным законом «О морских портах в Российской Федерации...» иностранным гражданами и апатридам в качестве исключения из общего правила предоставлена возможность быть собственниками отдельных видов «земельных участков в границах территории морского порта, занятых портовыми гидротехническими сооружениями, зданиями, сооружениями». Т.В. Белова объясняет особенности такого правового регулирования с инвестиционной поддержкой и целью использования подобных сооружений в деятельности морских портов¹. Следует добавить, что иностранным субъектам и апатридам, имеющим статус предпринимателей, в соответствии с вышеупомянутым федеральным законом и Федеральным законом «Об искусственных земельных участках, созданных на водных объектах, находящихся в федеральной собственности...»², также предоставлена возможность стать собственниками искусственных земельных участков при условии их создания собственными средствами на водных объектах. Следует отметить, что правовое регулирование, установленное Федеральным законом «О морских портах в Российской Федерации...» и Федеральным законом «Об искусственных земельных участках, созданных на водных объектах, находящихся в федеральной собственности...» в отношении права собственности иностранных субъектов и апатридов видится наиболее правильным, взвешенным и учитывающим интересы как государства, так и иностранного инвестора.

В сложившейся ситуации наблюдается поиск баланса между защитой национальных интересов государства, государственной безопасности и сохранением благоприятного режима для привлечения иностранных инвестиций.

В Гражданском кодексе Российской Федерации принцип национального режима конкретизирован в статье 1196, которая определяет право, подлежащее применению при установлении гражданской правоспособности физического лица. Согласно этой норме, гражданская правоспособность физического лица определяется его личным законом, при этом иностранные граждане и лица без гражданства

пользуются в Российской Федерации гражданской правоспособностью наравне с российскими гражданами, кроме случаев, установленных законом. Личный закон здесь понимается как право государства, гражданством которого обладает лицо, или, в случае апатридов, право страны их постоянного проживания.

В российском законодательстве это проявляется в запрете для иностранных юридических и физических лиц на приобретение в собственность земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения (пункт 3 статьи 15 Земельного кодекса Российской Федерации), а также земель на приграничных территориях (Указ Президента Российской Федерации от 09 января 2011 года № 26).

В российском законодательстве, регулирующем оборот земельных участков, предусмотрены строгие ограничения на приобретение прав собственности для иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц, что обусловлено необходимостью обеспечения национальной безопасности, сохранения сельскохозяйственного потенциала и контроля над стратегически значимыми территориями. В частности, Федеральный закон от 24 июля 2002 года № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» устанавливает запрет на владение такими землями на праве собственности для указанных категорий субъектов, включая юридические лица, в уставном (складочном) капитале которых доля иностранных

ключения общего правила // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. №2. С.244.

¹ Белова Т.В. Указ. раб. С.76.

² Федеральный закон от 19 июля 2011 года N 246-ФЗ «Об искусственных земельных участках, созданных на

водных объектах, находящихся в федеральной собственности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru>-(дата обращения: 14.04.2026).

участников превышает 50%¹. Это положение направлено на предотвращение концентрации сельскохозяйственных угодий в руках нерезидентов, что могло бы подорвать продовольственную независимость государства. Вместо собственности допускается лишь аренда земельных участков сельскохозяйственного назначения, с соблюдением процедур, предусмотренных Земельным кодексом Российской Федерации, включая преимущественное право покупки для субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Следует заметить, что в судебной практике категории «земля» и «доля в праве общей долевой собственности на земельный участок» рассматриваются как синонимичные. Так, судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда определила, что доля на земельный участок имеет те же признаки, что и цельный земельный участок, находящийся в единоличной собственности². Соответственно, собственником доли на земельный участок сельскохозяйственного назначения, находящийся на приграничных территориях, на территориях портов не может быть иностранный субъект или апатрид.

Аналогичные ограничения применяются к земельным участкам, расположенным на приграничных территориях, перечень которых определяется Указом

Президента Российской Федерации от 09 января 2011 года № 26 «Об утверждении перечня приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками»³. Данный нормативный акт охватывает обширные зоны, включая территории вблизи государственной границы, а также в границах морских портов, где собственность на землю для иностранных субъектов запрещена.

Т.В. Белова анализирует пределы прав иностранных граждан на ограниченные в обороте земельные участки, включая проблемы единства участка и объектов недвижимости, а также процедуры отчуждения. Автор подчёркивает, что рестриктивный подход обоснован необходимостью обеспечения безопасности границ Российской Федерации, защиты публичных интересов и предотвращения инациональных анклавов. Однако критикует отсутствие единства в процедурах принудительного отчуждения, предлагая изменения в законодательстве для унификации практики. Рекомендует ввод разрешительного порядка регистрации прав и учёт добросовестности собственников при возмещении убытков. Это укрепит национальную безопасность, не ущемляя принципы права⁴.

В качестве правовых основ защиты публичных интересов можно привести законодательство субъектов Российской Федерации, например, Государственным Советом Республики Крым принято постановление № 2085-6/14 «О вопросах управления собственностью Республики Крым», в которое 18 октября 2022 г. были внесены изменения. Данный нормативный правовой акт регламентировал условия перехода как движимого, так и недвижимого имущества иностранных государств, иностранных лиц, а также их бенефициаров и лиц, которые находятся под контролем указанных иностранных лиц, независимо от места их регистрации или места преимущественного ведения ими хозяйственной деятельности в государственную собственность Республики Крым⁵.

Следует заметить, что в судебной практике имеются примеры обжалования этого нормативного правового акта. Так, судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда установила, что иностранный субъект, чье «имущество включено в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым имеет право на судебную защиту своих нарушенных прав, с установлением в надлежащей судебной процедуре отсутствия

¹ Федеральный закон от 24 июля 2002 года № 101-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 года) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3018.

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 46-КГ16-9 Состоявшееся апелляционное определение об отказе в понуждении продать на торгах долю в праве на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения отменено, дело направлено на новое апелляционное рассмотрение, поскольку земельный участок сельскохозяйственного назначения не может принадлежать на праве собственности иностранному гражданину [Электронный ресурс]. Режим доступа: garant.ru – (Дата обращения: 1.05. 2026).

³ Указ Президента Российской Федерации от 09 января 2011 года № 26 (ред. от 23 ноября 2021 года) «Об утверждении перечня приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 2. Ст. 268.

⁴ Белова Т.В. Указ.раб. Там же.

⁵ Постановление Государственного совета Республики Крым от 30 апреля 2014 года № 2085-6/14 «О вопросах управления собственностью Республики Крым» (с изм. на 25 февраля 2026 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/413901094>-(Дата обращения: 14.04.2026).

необходимых правовых оснований приобретения соответствующего имущества»¹.

При этом следует заметить, что отход от закрепленных принципов неприкосновенности собственности в Республике Крым и г. Севастополь является временным и экстраординарным явлением, о чем было указано в Постановлении Конституционного суда №32-П от 2.10.2025 г. Высший судебный орган отметил, что сложившаяся ситуация обусловлена «ответными действиями со стороны Российской Федерации на недружественные действия отдельных иностранных государств и связанных с ними лиц, призванного устранить или свести к минимуму угрозы инте-

ресам и безопасности Российской Федерации, ее суверенитету и территориальной целостности, угрозы нарушений прав и свобод граждан Российской Федерации, являющегося по своей природе»². Это свидетельствует о наличии ограничений правоспособности иностранных субъектов и связанных с ними лиц в сфере вещных правоотношений постоянного характера и временного характера, связанного с влиянием социально-политической обстановки в отношении Российской Федерации.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что о наличии двух видов изъятий их национального режима в отношении права собственности иностранных субъектов: постоянные и

временные (санкционные). Постоянные ограничения не зависят от внешнеполитической ситуации, направлены на обеспечение публичных интересов государства, и действуют непрерывно в отношении всех субъектов, подпадающих под установленные критерии. Временные ограничения представляют ограничения, введенные в ответ на геополитические события, и имеют срочный характер, до отмены причин введения. Временные ограничения строятся по принципу взаимности (реторсии), являются зеркальным ответом на меры «недружественных» государств, адресованы преимущественно физическим и юридическим лицам определенных государств.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 19 июля 2011 года N 246-ФЗ «Об искусственных земельных участках, созданных на водных объектах, находящихся в федеральной собственности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru>-(Дата обращения: 14.04.2026).
2. Федеральный закон от 24 июля 2002 года № 101-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 года) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3018.
3. Указ Президента Российской Федерации от 09 января 2011 года № 26 (ред. от 23 ноября 2021 года) «Об утверждении перечня приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 2. Ст. 268.
4. Постановление Государственного совета Республики Крым от 30 апреля 2014 года № 2085-6/14 «О вопросах управления собственностью Республики Крым» (с изм. на 25 февраля 2026 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/413901094>-(Дата обращения: 14.04.2026).
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.10.2025 № 32-П по делу о проверке конституционности части 1-1 статьи 12-1 Федерального конституционного закона "О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых

¹ Определение Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 августа 2025 г. по делу № 2-834/2024 «О признании постановления недействительным в части, об истребовании имущества из чужого незаконного владения» [Электронный ресурс]. Режим доступа: sudact.ru-(Дата обращения: 28.02.2026); Определение № 127-КГ24-26-К4 от 14 апреля 2025 г. по делу № 2-2832/2023 «О признании постановления недействительным в части, а также об истребовании имущества из чужого незаконного владения» [Электронный ресурс]. Режим доступа: sudact.ru-(Дата обращения: 28.02.2026).

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.10.2025 № 32-П по делу о проверке конституционности части 1-1 статьи 12-1 Федерального конституционного закона "О принятии в Рос-

сийскую Федерацию Республики Крым и образованию в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя", абзаца третьей части 1 статьи 2-1 Закона Республики Крым "Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым" и подпункта 1 пункта 1 постановления Государственного Совета Республики Крым "О внесении изменений в Постановление Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014 года № 2085-6/14 "О вопросах управления собственностью Республики Крым" в связи с жалобой гражданки Кокойло Инны Владимировны » [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510030001> -(Дата обращения: 1.05.2026).

субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя", абзаца третьей части 1 статьи 2-1 Закона Республики Крым "Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым" и подпункта 1 пункта 1 постановления Государственного Совета Республики Крым "О внесении изменений в Постановление Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014 года № 2085-6/14 "О вопросах управления собственностью Республики Крым" в связи с жалобой гражданки Кокойло Инны Владимировны » [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510030001> -(Дата обращения: 1.05.2026).

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. N 46-КГ16-9 Состоявшееся апелляционное определение об отказе в понуждении продать на торгах долю в праве на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения отменено, дело направлено на новое апелляционное рассмотрение, поскольку земельный участок сельскохозяйственного назначения не может принадлежать на праве собственности иностранному гражданину [Электронный ресурс]. Режим доступа: garant.ru – (Дата обращения: 1.05. 2026).
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 августа 2025 г. по делу № 2-834/2024 «О признании постановления недействительным в части, об истребовании имущества из чужого незаконного владения» [Электронный ресурс]. Режим доступа: sudact.ru-(Дата обращения: 28.02.2026)
8. Определение № 127-КГ24-26-К4 от 14 апреля 2025 г. по делу № 2-2832/2023 «О признании постановления недействительным в части, а также об истребовании имущества из чужого незаконного владения» [Электронный ресурс]. Режим доступа: sudact.ru-(Дата обращения: 28.02.2026).
9. Аминова Ф. М. Корреляция категорий "объект", "цель" и "результат" в правоотношениях по применению вспомогательных репродуктивных технологий // Правовая жизнь. – 2019. – № 4 (28). – С. 126-137.
10. Белова Т.И. Пределы и ограничения права собственности иностранных граждан на земельные участки// Имущественные отношения в Российской Федерации. -2024. -№12 (279). -С. 75-88.
11. Бобряшова М.А. Запрет на приобретение в собственность иностранными лицами земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения: исключения общего правила // Труды Института государства и права Российской академии наук. -2011. -№2. -С 232-244.
12. Елисеева И.А. Земельный участок как объект гражданского оборота: понятие и признаки //Проблемы экономики и юридической практики. -2010. -№2. -С.60-64.
13. Тагаева С.Н. Правовое положение иностранных граждан-собственников в Российской Федерации // Вестник ТИСБИ. -2020. -№ 3. -С. 81-88.
14. Тагаева С.Н. К дискуссии о движимой недвижимости// Юридический вестник. -2026. -№ 1(25). -С. 40-46.

NATIONAL TREATMENT AND EXEMPTIONS IN THE PROPERTY RIGHTS OF FOREIGNERS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Vladislav Leonidovich Ogol

Postgraduate Student, TISBI University of Management

e-mail: ogol-vlad@mail.ru

This article examines the property rights of foreign entities in the Russian Federation. The article notes that the national regime granted by Russian law to foreign entities has its exceptions and applies to matters in which the state has a public interest. The author identifies two types of exceptions to the national regime with respect to the property rights of foreign entities: permanent and temporary. Permanent restrictions are independent of the foreign policy situation, aimed at ensuring the public interests of the state, and apply continuously to all entities that meet the established criteria. Temporary restrictions are restrictions imposed in response to geopolitical events and are of an urgent nature, until the reasons for their imposition are rescinded.

Key words: *national regime, property rights, land ownership, exceptions from national regime*

**НИЗОМИ МИЛЛӢ ВА ИСТИСНОӢ АЗ ОН ДАР ҲУҚУҚИ МОЛИКИЯТИ ШАХСОНИ ХОРИҶӢ
ДАР ФЕДЕРАТСИЯИ РОССИЯ**

Огол Владислав Леонидович
аспиранти Донишгоҳи идоракунии «ТИСБИ»
Федератсияи Россия, ш. Қазон
E-mail: ogol-vlad@mail.ru

Мақола ба таҳқиқи ҳуқуқи моликияти субъектҳои хориҷӣ дар Федератсияи Русия бахшида шудааст. Дар мақола қайд карда мешавад, ки низоми миллие, ки қонунгузори Русия ба субъектҳои хориҷӣ дар муносибатҳои моликияти пешниҳод менамояд, дорои истисноҳо буда, нисбат ба ашёе татбиқ мегардад, ки давлат нисбат ба онҳо манфиати ҷамъияти дорад. Муаллиф ду намуди истисно аз низоми милли дар робита ба ҳуқуқи моликияти субъектҳои хориҷиро муайян менамояд: маҳдудиятҳои доимӣ ва муваққатӣ. Маҳдудиятҳои доимӣ аз вазъи сиёсати хориҷӣ вобаста набуда, ба таъмини манфиатҳои ҷамъиятии давлат равона шудаанд ва нисбат ба ҳамаи субъектҳои, ки ба меъёрҳои муқарраргардида ҷавобгӯ мебошанд, пайваста амал мекунанд. Маҳдудиятҳои муваққатӣ дар посух ба рӯйдодҳои геополитикӣ ҷорӣ гардида, хусусияти муҳлатнок доранд ва то бартараф гардидани сабабҳои ҷорӣ намудани онҳо амал мекунанд.

Калидвожаҳо: *низоми милли, ҳуқуқҳои ашёӣ, ҳуқуқи моликият ба замин, истисноҳо аз низоми милли.*

УДК 347.62:347.93

К ПРОБЛЕМЕ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ БРАЧНОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ И В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Сибгатуллин Ильназ

аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права
Университет управления «ТИСБИ»
г.Казань, Российская Федерация
E-mail: sibgatullin.1996@bk.ru

Статья посвящена исследованию правовой природы брачного договора в российской доктрине и в судебной практике. Анализируются три основных доктринальных подхода к правовой природе брачного договора – гражданско-правовой, семейно-правовой и смешанный, и их соотношение с судебной практикой. В статье обосновывается смешанная природа брачного договора, поскольку она учитывает двойственность регулируемых отношений, обеспечивает баланс интересов супругов и кредиторов, согласуется со сложившейся судебной практикой. По мнению автора, смешанная природа брачного договора позволяет судам гибко балансировать между принципом свободы договора и охранительной функцией семейного права.

Ключевые слова: *брачный договор, правовая природа, смешанная форма брачного договора, судебная практика, крайне неблагоприятное положение*

При вступлении в брак у супругов имущественные отношения трансформируются в супружеские, что порождает правовые последствия для имущества, признаваемое общим¹, отношения по поводу которого регламентируются в семейном законодательстве.

Одним из способов изменения законного режима имуще-

ства супругов, возникающего после заключения брака, является брачный договор. Гражданский кодекс РФ заложил основы для диспозитивного регулирования имущественных отношений супругов путем заключения брачного договора. Гражданское законодательство предоставило приоритет автономии воли супругов по отношению к режиму совместной собственности супругов, который устанавливался законодательством. Как отмечается в юридической литературе, «...брачный договор позволяет минимизировать риски потери своего имущества одним из супругов»².

Появившись в Семейном кодексе РФ в 1995 году, брачный договор детализировал возможности диспозитивного регулирования имущественных отношений супругов, закрепив в качестве отдельной нормы. Кроме того,

СК РФ установил рамки договорных отношений сторон с помощью императивных норм.

На сегодняшний день гражданское и семейное законодательство России предоставляет супругам значительную свободу в регулировании имущественных отношений через брачный договор, опираясь на принципы добровольности и равноправия сторон при минимальном государственном регулировании семейных правоотношений. В РФ супруги имеют право выбора разрешения вопроса о заключении брачного договора. Такая ситуация наблюдается не во всех странах. Так, в юридической литературе отмечается, что «... обязательность заключения брачного договора зависит от законодательства каждой страны и может значительно различаться»³, что

© Сибгатуллин И., 2026

¹ Тагаева С. Н. Исключительные права на результаты творческой деятельности и режим совместного имущества супругов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 5 (248). С.89.

² Аминова Ф. М. Правовые аспекты расторжения брака и раздела имущества супругов // Правовая жизнь. 2023. № 1(41). С. 118.

³ Аминова Ф. М. Правовые аспекты расторжения брака и раздела имущества супругов // Правовая жизнь. 2023. № 1 (41). С.119.

может в ряде случаев привести к конфликту юрисдикций¹.

Наличие регулирования в двух кодифицированных актах и совпадение предмета и метода регулирования породило полемику среди ученых о правовой природе брачного договора.

Первая позиция основывается на отождествлении брачного договора с гражданско-правовым договором. Сторонники такого подхода аргументируют признание гражданско-правовой природы брачного договора через предмет, субъектный состав, форму и основания оспаривания. Брачный договор имеет целью урегулировать имущественные отношения супругов, которые являются, прежде всего, стоимостными, соответственно, совпадающими с предметом гражданско-правового регулирования. Проявление автономии воли сторонами вступающим в брак или супругами с целью изменения режима имущества является выражением диспозитивного метода правового регулирования. Стороны брачного договора формируют вариант регулирования их имущественных отношений по своему усмотрению, не выходя за пределы, установленные законодательством. Кроме того, аргументом в пользу признания брачного договора в качестве гражданско-правового договора являются положения Семейного кодекса, в частности, указывающие на субсидиарное применение норм Гражданского кодекса об обязательствах и договорах. Так А.А. Иванов, указывает, что

«брачный договор является обычной гражданско-правовой сделкой и потому подчиняется правилам о сделках, а также об обязательствах и договорах»².

Однако в науке существует и кардинально противоположная точка зрения, согласно которой брачный договор признается институтом семейно-правового характера.

Так, А.М. Нечаева характеризует брачный договор как семейно-правовой институт³, который не является обычным гражданско-правовым договором, а представляет собой своеобразную договоренность личного характера, направленную на урегулирование судьбы имущества⁴.

О.Н. Низамиева также отстаивает семейно-правовую природу брачного договора, которую она связывает с наличием специфических особенностей⁵.

В качестве аргументов в пользу признания брачного договора семейно-правовым соглашением называется, во-первых, неразрывная связь с браком, во-вторых, тем, что его действительность обусловлена состоянием в браке. Фактически заключение брака является порождающим юридическим фактом, то есть лица, не являющиеся мужем и женой сторонами брачного договора, быть не могут.

В силу того, что сторонами брачного договора могут быть только лица состоящие в состоянии супружества, через представителя по доверенности такое соглашение заключить нельзя. Он носит сугубо личный характер, в

отличие от обычных гражданских сделок.

Предмет брачного договора также обладает спецификой, поскольку урегулировать супруги по законодательству России могут только имущественные отношения: режимы собственности, порядок несения расходов, а также предоставление содержания друг другу. В связи с этим фактические супруги могут заключить любые гражданско-правовые договоры, регулирующие их имущественные отношения, кроме брачного договора. Содержание брачного договора зависит от конкретных семейных обстоятельств. Например, можно определить обязанности по участию в доходах друг друга или несению семейных расходов — это тесно связано с личными отношениями сторон, что отсутствует в стандартных гражданско-правовых сделках.

Третья позиция основывается на характеристике за брачным договором смешанной правовой природы. Например, Н.С. Сляднева вообще относит брачный договор к межотраслевым, замечая, что он «занимает своеобразное положение в гражданском законодательстве, обусловленное специальным субъектным составом, отношения между которыми в первую очередь характеризуются личностной (неимущественной) связью»⁶.

Сторонником смешанной природы брачного договора является А.Б. Максимович, которая считает, что брачный договор является гражданско-правовым инструментом семейно-правового

¹ Аминова Ф. М. Правовые проблемы определения собственности супругов в законодательстве зарубежных стран // Юридический вестник. 2025. № 3(23). С. 25.

² Иванов А.А. Содержание брачного правоотношения // Гражданское право. Учебник. Часть III / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 1998. С.310.

³ Нечаева А.М. Семейное право: учебник для вузов/ А.М. Нечаева. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2026. С.65.

⁴ Нечаева А.М. Новый Семейный кодекс// Государство и право. 1996. №6. С.57.

⁵ Низамиева О.Н. Договорное регулирование имущественных отношений супругов: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.03. Казань, 1999. 24 с.

⁶ Сляднева Н.А. Брачный договор по законодательству РФ... автореф. дис. канд.юрид.наук. М.,2007. С.18.

регулирования супружеских отношений¹.

А.С. Ланцев факт наличия гражданско-правового регулирования вопросов изменения, расторжения и признания недействительным брачного договора объясняет присутствием в отношениях гражданско-правового элемента².

С.Н. Тагаева, С.М. Аламова указывают на наличие специфических черт семейного права, в частности, на наличие связи с моралью, тесной связи с личностью сторон, что позволяет супругам урегулировать взаимоотношения в рамках условий брачного договора...однако заключают что это не позволяет выделить его в отличный от гражданского правового договора вид³.

Сторонники смешанного подхода указывают на использование гражданско-правовых механизмов регулирования: свободы договора и договорной дисциплины, а также тем что предмет регулирования брачного договора находится в сфере действия гражданского права. Кроме того, семейное законодательство прямо указывает на субсидиарное применение норм гражданского законодательства.

В свою очередь, гражданское право бессильно объяснить специфические ограничения, которые предусматривает семейное законодательство для брачного договора. Во-первых, существование брачного договора и его правовые последствия связаны с заключением брака. Без регистрации брака в записи актов гражданского состояния брачный

договор не будет иметь юридической силы. Во-вторых, в отличие от обычных имущественных договоров, он не может регулировать различные отношения, предмет в российском семейном законодательстве четко очерчен: имущественные отношения супругов. В-третьих, семейным законодательством предусматривается анализ содержания брачного договора с целью недопущения поставления другого супруга в крайне неблагоприятное положение. Оценка действительности сделки поставлена в зависимость нахождения другого супруга или поставления его в риск нахождения в крайне неблагоприятном положении. Этот критерий игнорирует абстрактную справедливость гражданского оборота и апеллирует к конкретным обстоятельствам семейной жизни, свидетельствует о наличии фидуциарной связи между сторонами брачного договора.

Двойственность брачного договора обусловлена тем, что в рамках данного средства индивидуального регулирования имущественных отношений сталкиваются два начала: рациональная логика гражданского оборота и иррациональная логика брачных правоотношений, основанных на доверии, взаимопомощи и общих жизненных планах.

Следует заметить, что эта двойственность правовой природы брачного договора проявляется в столкновении гражданско-правовой природы этого института, выражающейся в свободе договора, с его семейно-

правовой сущностью, проявляющейся в защите слабой стороны, согласуется со складывающейся судебной практикой.

Постановление Пленума Верховного суда от 15.11.1998 г. №15 стало ключевым нормативным ориентиром, который легально закрепил смешанную природу брачного договора⁴. Верховный суд указал, что нижестоящие суды не вправе пересматривать имущественные договоренности супругов по своему усмотрению – это классический гражданско-правовой принцип свободы договора.

В то же время в п.15 этого Постановления указывается на специальное ограничение, предусмотренное семейным законодательством, которое не встречается в обычных гражданско-правовых сделках. Так, суд может отступить от условий договора, если они нарушают семейно-правовой принцип справедливости и защиты слабой стороны брачного договора. Это ограничение основано на лично-доверительной характеристики супружеских отношений, и не характерно для обычного гражданского оборота.

Однако, в банкротных делах брачный договор начал раскрывать свою гражданско-правовую сущность как сделка, которая может быть оспорена или признана ничтожной.

Так, Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 23.12.2010 г. №63⁵ указало на возможность оспаривания брачного договора по делам о банкротстве, фактически приравняв

¹ Максимович Л.Б. Брачный договор в российском праве. М.: Ось-89, 2003. С.26.

² Ланцев А.С. К вопросу о правовой природе брачного договора в российском частном праве [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://conf.omua.ru/content/k-voprosu-o-pravovoy-prirode-brachnogo-dogovora-v-rossiyskom-chastnom-prave-> (дата обращения: 23.07.2026).

³ Тагаева С.Н., Аламова С.М. К проблеме правовой природы и негативных условий содержания брачного договора // Правовая жизнь. 2019. №4 (28). С.114.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 N 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.garant.ru- (Дата обращения: 23.07.2026).

⁵ Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 N 63 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.garant.ru- (Дата обращения: 23.07.2026).

его к обычным гражданско-правовым сделкам должника.

В дальнейшем Постановление Пленума Верховного суда РФ от 25.12.2018 г. №48¹ развило позицию Высшего Арбитражного суда РФ, указав, что финансовый управляющий и кредиторы вправе оспорить внесудебное соглашение супругов о разделе имущества, включая брачный договор. В данном случае, кредиторы не связаны таким разделом, и имущество, перешедшее к супругу, включается в конкурсную массу должника.

Обычная практика судов общей юрисдикции также демонстрирует признание ими смешанной правовой природы брачного договора.

Так, в Балашихинский городской суд Московской области обратился истец-муж с иском о признании брачного договора с женой недействительным. Он оспаривал брачный договор, по которому все незаложенное имущество (дача, автомобиль) отошло жене, утверждая, что подписал его под угрозой возбуждения уголовного дела за противоправные действия против нее, и вследствие чего оказался в крайне неблагоприятном положении. Суд в иске о признании брачного договора недействительным отказал, указав, что сам по себе неравный раздел не является основанием для применения ст.44 СК РФ. Суд применил в данном случае семейно-правовой критерий, но истолковал строго ограничительно, фактически приравняв к

гражданско-правовой кабальной, которая должна быть доказана истцом. Договор удостоверен нотариусом, стороны понимали последствия, а в самом тексте договора есть пункт о том, что условия не являются крайне неблагоприятными.

В данном случае суд подтвердил, что семейное право не запрещает супругам самим определять неравенство, если оно не переходит в откровенное злоупотребление, - что и есть классический пример смешанной природы брачного договора².

Зачастую вопрос о признании брачного договора поднимается кредиторами одного из супругов. Так, кредитор оспаривал в Кстовском городском суде Нижегородской области брачный договор заключенный между супругами в 2019 году, по которому два земельных участка перешли в личную собственность жены, а все будущее имущество супругов признавалось раздельным. Кредитор утверждал, что брачный договор является мнимой сделкой, совершенной с целью вывода активов мужа от взыскания, поскольку в 2022 году у мужа возникли долги, и в 2022-2023 годах были возбуждены исполнительные производства.

Суд отказал в признании договора недействительным, указав, что договор заключен задолго до возникновения долгов.

Следует заметить, что суд рассматривал брачный договор как гражданско-правовую сделку,

применяя к ней нормы о мнимости сделок и злоупотребления правом. В данном случае, кредитор не ссылаясь на семейно-правовые основания, брачный договор оспаривался по правилам гражданского права как любая другая имущественная сделка.

С другой стороны, суд учел семейно-правовой контекст брачного договора, отметив, что брачный договор регулирует отношения между супругами, а не третьими лицами, признав, что изменение режима собственности является допустимым способом организации супружеского имущества. В данном случае, суд защитил брачный договор как действительное волеизъявление супругов, направленное на регулирование внутрисемейных отношений.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что судебная практика выработала функциональный подход, согласно которому отраслевая принадлежность договора определяется характером спорного правоотношения: при разрешении внутрисемейных конфликтов. В данном случае акцент делается на свободе усмотрения супругов и ограничивается лишь механизмом защиты крайне неблагоприятных последствий, тогда как в обязательственных спорах с участием кредиторов договор оценивается исключительно через призму гражданско-правовых институтов недействительности.

Библиографический список

1. Аминова Ф. М. Правовые аспекты расторжения брака и раздела имущества супругов // Правовая жизнь. – 2023. – № 1(41). – С. 114-127.
2. Аминова Ф. М. Правовые проблемы определения собственности супругов в законодательстве зарубежных стран // Юридический вестник. – 2025. – № 3(23). – С. 24-26.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.garant.ru- (Дата обращения: 23.07.2026).

² Решение № 2-12439/2024 2-956/2025 2-956/2025(2-12439/2024);~М-10590/2024 М-10590/2024 от 26 марта 2025 г. по делу № 2-12439/2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: [//sudact.ru/regular/doc/4oS06d7zongV/](http://sudact.ru/regular/doc/4oS06d7zongV/)- (Дата обращения: 23.07.2026).

3. Иванов А.А. Содержание брачного правоотношения // Гражданское право. Учебник. Часть III / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 1998. – С.284-325.
4. Ланцев А.С. К вопросу о правовой природе брачного договора в российском частном праве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conf.omua.ru/content/k-voprosu-o-pravovoy-prirode-brachnogo-dogovora-v-rossiyskom-chastnom-prave-> (дата обращения: 23.07.2026).
5. Максимович Л.Б. Брачный договор в российском праве. – М.: Ось-89, 2003. – 144 с.
6. Нечаева А.М. Новый Семейный кодекс // Государство и право. 1996. – №6. – С.56-66.
7. Нечаева А.М. Семейное право: учебник для вузов/ А.М. Нечаева. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2026. 251 с.
8. Низамиева О.Н. Договорное регулирование имущественных отношений супругов: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.03. – Казань, 1999. – 24 с.
9. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.garant.ru (дата обращения: 23.07.2026).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 N 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.garant.ru (дата обращения: 23.07.2026).
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.garant.ru (дата обращения: 23.07.2026).
12. Решение № 2-12439/2024 2-956/2025 2-956/2025(2-12439/2024);~М-10590/2024 М-10590/2024 от 26 марта 2025 г. по делу № 2-12439/2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/4oS06d7zongV/> (дата обращения: 23.07.2026).
13. Сляднева Н.А. Брачный договор по законодательству РФ... автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – М., 2007. – 22 с.
14. Тагаева С. Н. Исключительные права на результаты творческой деятельности и режим совместного имущества супругов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 5(248). – С. 89-95.
15. Тагаева С.Н., Аламова С.М. К проблеме правовой природы и негативных условий содержания брачного договора // Правовая жизнь. – 2019. – №4 (28). – С.110- 119.

ON THE PROBLEM OF THE LEGAL NATURE OF THE MARRIAGE CONTRACT IN RUSSIAN LEGAL SCHOLARSHIP AND JUDICIAL PRACTICE

Ilnaz Sibgatullin

Postgraduate Student, Department of Civil and Business Law,
TISBI University of Management
Kazan, Russian Federation
E-mail: sibgatullin.1996@bk.ru

This article examines the legal nature of the marital agreement (prenuptial agreement) in Russian legal doctrine and judicial practice. It analyzes three principal doctrinal approaches – civil-law, family-law, and mixed (hybrid)—and their correlation with case law. The article argues for the mixed nature of the marital agreement, as it accounts for the duality of the regulated relations, ensures a balance between the interests of spouses and creditors, and aligns with established judicial practice. In the author's view, the mixed nature enables courts to flexibly balance the principle of freedom of contract against the protective function of family law.

Keywords: *marital agreement, prenuptial agreement, legal nature, mixed form of marital agreement, judicial practice, extremely unfavorable position.*

ДАР БОРАИ МАСЪАЛАИ МОҲИЯТИ ҲУҚУҚИИ ШАРТНОМАИ НИКОҲ ДАР ИЛМИ ҲУҚУҚИИ РУСИЯ ВА АМАЛИЯИ СУДӢ

Сибгатуллин Илназ

аспиранти кафедраи ҳуқуқи граждани ва соҳибкорӣ
Донишгоҳи идоракунии «ТИСБИ»
ш. Қазон, Федератсияи Россия
E-mail: sibgatullin.1996@bk.ru

Мақола ба таҳқиқи моҳияти ҳуқуқии шартномаи никоҳ дар доктринаи ҳуқуқии Русия ва амалияи судӣ бахшида шудааст. Дар он се равиши асосии доктриналӣ ба моҳияти ҳуқуқии шартномаи никоҳ - гражданӣ-ҳуқуқӣ, оилавӣ-ҳуқуқӣ ва омехта, инчунин таносуби онҳо бо амалияи судӣ таҳлил карда мешаванд. Дар мақола моҳияти омехтаи шартномаи никоҳ асоснок карда мешавад, зеро он хусусияти дугонаи муносибатҳои танзимшавандаро ба назар гирифта, тавозуни манфиатҳои ҳамсарон ва кредиторонро таъмин намояд ва ба амалияи ташаккулёфтаи судӣ мувофиқат мекунад. Ба андешаи муаллиф, моҳияти омехтаи шартномаи никоҳ ба судҳо имкон медиҳад, ки байни принципи озодии шартнома ва вазифаи ҷифозатии ҳуқуқи оилавӣ тавозуни муносибро таъмин намоянд.

Калидвожаҳо: *шартномаи никоҳ, моҳияти ҳуқуқӣ, шакли омехтаи шартномаи никоҳ, амалияи судӣ, ҳолати ниҳоят номусоид.*

УДК 346.7:004.738.5(575.3)

ЭЛЕКТРОННАЯ КОММЕРЦИЯ КАК ФОРМА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Султонова Тахмина Истамовна

доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского права

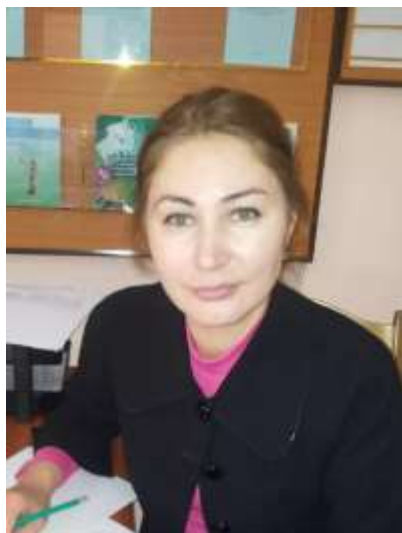
Российско-Таджикский (Славянский) университет.

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсун-заде, д.30.

Тел.: (+992 37) 223 04 60, t.sultonova77@gmail.com

Статья посвящена анализу состояния и проблем правового регулирования электронной коммерции в Республике Таджикистан. Обосновывается актуальность развития электронной торговли с учётом географических и инфраструктурных ограничений страны. Рассматриваются меры государственной политики цифровизации, включая Закон РТ «Об электронной торговле» (2022) и Программу развития электронной коммерции на 2025–2029 годы. Приводятся данные Всемирного банка о значительном отставании Таджикистана от региональных партнёров. Основное внимание уделено недостаткам Закона: противоречивость определения «информационный посредник», отсутствие дифференциации ответственности посредников, необоснованное ограничение круга продавцов только юридическими лицами и ИП. Обосновывается необходимость введения института самозанятых. Делается вывод о разрыве между формальным правовым регулированием и экономической реальностью.

Ключевые слова: *Электронная коммерция, электронная торговля, правовое регулирование, Республика Таджикистан, информационный посредник, маркетплейс, самозанятые, индивидуальный предприниматель, цифровая экономика, интернет-торговля.*

В Республике Таджикистан период 2025–2030 годов объявлен по инициативе Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмон «Годами цифровой экономики и инноваций». Заданный вектор развития требует больших системных преобразований многих сфер государственной и

общественной жизни, в том числе и права. Цифровая трансформация экономики меняет традиционные способы ведения предпринимательской деятельности и выдвигает в число приоритетных направлений электронную коммерцию. Электронная коммерция является одним из ключевых факторов развития цифровой экономики. Для Республики Таджикистан Группа Всемирного банка оценивает потенциал цифровой трансформации как «путь в преодолению географических ограничений»¹ и это действительно долгосрочный стратегический курс.

Если оценивать текущее состояние рынка электронной коммерции в Таджикистане, то анализ экономических обзоров и информационной статистики по данному вопросу свидетельствует о наличии инфраструктурных

ограничений, сдерживающих развитие данного сегмента рынка и одной из ключевых проблем развития является низкое качество цифровой связи и её высокая стоимость. По официальным данным GSMA (Global System for Mobile Communications Association), количество уникальных абонентов мобильного широкополосного доступа на 100 жителей в Таджикистане в 2021 году составило 44%, тогда как в Кыргызстане — 53%, в Казахстане — 65% и в России — 77%. Согласно информации Международного союза электросвязи (МСЭ), стоимость подписки на мобильный широкополосный доступ (с объемом данных не менее 1,5 Гб) составляет в среднем 7,5% месячного валового национального дохода (ВНД) на душу населения и целых 15,3% ежемес- сячного ВНД на душу населения

для бедных домохозяйств, и этот показатель является самыми высокими в регионе. Скорость широкополосной загрузки для мобильных пользователей очень низкая, в среднем 6,4 мегабита в секунду (Мбит/с) по состоянию на январь 2022 года, в результате чего Таджикистан занял 135-е место из 140 стран в последнем глобальном тесте скорости «Ookla»¹. Такие показатели объективно препятствуют развитию электронной коммерции в Таджикистане.

Наряду с указанными инфраструктурными и экономическими факторами, существенное влияние на развитие электронной коммерции оказывает состояние правового регулирования. Качество правовой регламентации данной сферы определяет степень её развития. В этой связи принятие в 2022 году Закона Республики Таджикистан «Об электронной торговле»² явилось важным шагом в становлении и формировании специальной правовой базы в данной сфере общественных отношений.

Среди положительных аспектов данного Закона следует отметить закрепление широкого подхода к определению понятия электронной торговли, которое охватывает не только торговлю товарами, но также выполнение работ и оказание услуг. В то же время обращает на себя внимание время ч.2 ст. 2 Закона, которая ограничивает сферу его действия и исключает из его регулирования сделки, требующие обязательного нотариального удостоверения или государственной регистрации, а также сделки, связанные с объектами, объектами, изъятыми или ограниченными в гражданском обороте, совершен-

ные на рынке страхования и ценных бумаг и государственных закупок. Как видим, указанные исключения касаются сфер с повышенным риском, определяя которые законодатель руководствуется стремлением не допустить упрощения там, где требуется усиленный контроль. Однако выведение указанных сфер экономических отношений из предмета регулирования Закона РТ «Об электронной торговле» не следует рассматривать как отказ государства от цифровизации этих отношений. Регулирование электронной торговли в этих сферах осуществляется на уровне специального отраслевого законодательства. Так, исключение государственных закупок из предмета регулирования Закона РТ «Об электронной коммерции» восполняется специальным законодательством о государственных закупках, в частности, Законом РТ «О государственных закупках товаров, работ и услуг» от 3 марта 2006 года, № 168³ и Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 24 июня 2025 года № 362 «О правилах процедур государственных закупок»⁴, предусматривающими возможность применения электронной формы государственных закупок и функционирование единого портала государственных электронных закупок.

Думается, реализуемый законодателем в данном случае принцип специального регулирования в определённой степени обеспечивает баланс частных и публичных интересов, так как, с одной стороны, развивает электронные формы экономического взаимодействия, с другой – устанавливает повышенные гарантии в отношении сделок, имеющих

особую юридическую и экономическую значимость.

Другим положением Закона РТ «Об электронной торговле», на которое хотелось бы обратить внимание, является определение понятия «информационный посредник», которое использует законодатель. Само по себе введение данного понятия в Закон мы рассцениваем как позитивный шаг в регламентировании электронной торговли. Вместе с тем, анализ его нормативного закрепления позволяет усмотреть в нём логическую неопределённость и внутреннюю противоречивость. Согласно Закону, информационный посредник – это лицо, которое по инициативе или по поручению другого лица отправляет, получает и хранит электронный документ, способствует оказанию услуги для заключения сделки в электронной форме (п.5 ст. 1 Закона). В первую очередь, обратим внимание на то, что данное определение, по сути, смешивает фигуры коммерческого агента, который действует по поручению другого лица, и технического посредника, который не действует по поручению других лиц, а выполняет автоматизированные технические операции по передаче и хранению информации, не вмешиваясь в её содержание. В реальности типичными информационными посредниками являются интернет провайдеры, хостинг-провайдеры, маркетплейсы, сайты объявлений и другие лица, обеспечивающие передачу, размещение и хранение информации в информационно-телекоммуникационной сети и не связана с участием в заключении и исполнении сделок. Однако законодательное определение информационного посредника фактически искажает

¹ Там же.

² Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2022 г., №12, ч. 2, ст. 761.

³ Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан 2006 год, №3, ст. 158; Закон РТ от 16.04.2012г., №815.

⁴ См.: Постановление Правительства Республики Таджикистан от 24 июня 2025 года № 362 «О правилах процедур государственных закупок» // <https://mmih.adlia.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=169537> (дата обращения: 15.04.2026).

такую природу этого субъекта, поскольку содержит указание на содействие в оказании услуги по заключению сделки по поручению клиента.

Более того, осложняет понимание фигуры информационного посредника противоречивость положений ч.4 ст. 5 Закона, закрепляющих перечень информационных посредников. В соответствии с этой нормой, к числу информационных посредников относятся поставщики платёжных услуг, операторы платёжных систем, организаторы торгов, операторы и поставщики услуг связи, а также иные организации, выполняющие функции по обеспечению и поддержке электронных процедур при осуществлении электронных сделок.

Приведённый перечень не согласуется с самим определением информационного посредника, поскольку охватывает субъектов, не отвечающих признакам, закреплённым в определении. Так, согласно определению, квалификация лица в качестве информационного посредника предполагает совокупное выполнение им трёх функций, а именно получения, отправки и хранения электронного документа. На это указывает используемый законодателем соединительный союз «и». В то же время субъекты, указанные в перечне информационных посредников, как правило, не выполняют в полном объёме совокупность всех этих действий. К примеру, поставщики платёжных услуг и операторы платёжных систем не отправляют, не получают и не хранят электронные документы. Их функции сводятся к обработке платёжных поручений и денежных переводов. То же самое можно сказать в отношении организаторов торгов, конкурсов и аукционов, задачей которых является обеспечение процедуры их проведения, включая приём заявок и организацию торгов. Также определение информационного посредника фактически

не охватывает операторов связи как самостоятельный вид информационных посредников, основное содержание деятельности которых составляет передача электронной информации, а её хранение носит технический и вспомогательный характер.

Сопоставление п.5 ст. 1 и ч.4 ст. 5 Закона «Об электронной торговле» позволяет сделать вывод, что определение информационного посредника, закреплённое в Законе, описывает только одну разновидность посредников, которые получают электронный документ у продавца, хранят его у себя и передают его покупателю. Однако перечень информационных посредников включает поставщиков платёжных услуг, организаторов торгов, операторов связи и иные организации, которые по своим функциям выходят за рамки содержания данного определения.

Недостатки правового регулирования также прослеживаются в вопросе установления ответственности информационных посредников. Их ответственность предусмотрена ст. 21 Закона. Анализ данной нормы показывает, что законодатель не проводит последовательную дифференциацию ответственности различных групп информационных посредников. В сфере электронной торговли посредник посреднику рознь. Их виды существенно отличаются по правовой природе и выполняемым функциям. В частности, существуют технические, инфраструктурные, коммерческие посредники. Однако законодатель при установлении ответственности не учитывает связь между характером деятельности посредника и объёмом его ответственности. К примеру, одно дело, когда информационный посредник ведёт себя как нейтральная техническая площадка, выполняющая исключительно функцию размещения информации о товарах.

Совсем другое дело, когда информационный посредник активно участвует в продажах, оказывая услуги по хранению и доставке товаров. Думается, объём и вид ответственности должен зависеть от степени участия посредника в совершении сделки. Для правового положения информационного посредника существенное значение имеет вопрос о том, отвечает ли он за размещение продавцом контрафактного или некачественного товара или нет. Закон данный вопрос не проясняет и это является, на наш взгляд, его существенным недостатком.

Продолжая анализ правового регулирования электронной коммерции в Республике Таджикистан, следует отметить ещё один существенный недостаток, связанный с правовым положением продавцов. В соответствии с ч. 2 ст. 5 Закона, в качестве продавцов в сфере электронной торговли могут выступать только юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие деятельность по продаже товаров, выполнения работ и оказания услуг. Тем самым из сферы легальной электронной торговли в роли продавца исключаются граждане, не имеющие статуса индивидуального предпринимателя. На наш взгляд, такая жёсткая и ограничительная конструкция данной нормы имеет разрыв с реальной экономической ситуацией, указывающей на то, что в настоящее время в Таджикистане в онлайн-продажи вовлечены сотни тысяч граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя. Так, например крупнейшая торговая площадка в Таджикистане *Somon.tj* имеет более 600 000 пользователей в месяц, значительная часть которых являются обычные граждане, периодически продающие товары. Кроме того, в настоящее время активно развивается электронная торговля через социальные сети (*Instagram*, *Telegram*), где в роли

продавцов, как правило, выступают физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей. Все эти граждане представляют собой огромный сегмент экономики, однако с формально-юридической точки зрения все они действуют вне правового поля, потому что законодатель, по сути, выталкивает их в теневой сектор.

Представляется, что для определения правового положения таких продавцов в сфере электронной коммерции наиболее обоснованным является применение института самозанятых. Однако, к сожалению, в законодательстве Республики Таджикистан данный правовой институт не получил правовое закрепление. В действующем Налоговом кодексе РТ помимо общепризнанного порядка налогообложения, закреплены упрощённая система для субъектов малого предпринимательства, патентная система для индивидуальных предпринимателей, действующих на основании патента сельскохозяйственный налоговый режим. Однако для большинства граждан, которые продают товары онлайн от случая к случаю, этот порог входа на легальный рынок слишком высок. Другой альтернативы для самозанятых

физических лиц законодатель не предусматривает.

Конечно, здесь следует упомянуть, что в Республике Таджикистан предусмотрен режим налогового освобождения для определённых категорий граждан, а именно ремесленников, которые производят товары своими руками. Это освобождение было введено в рамках Программы развития ремесленничества в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы, утверждённой Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 28 октября 2020 года, №570 и направленной на возрождение национальных культурных традиций и народных ремесел. В целях реализации задач данной Программы 108 видов ремёсел были освобождены от уплаты налогов. Однако данный режим доступен, во-первых, только для тех ремесленников, которые зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей, во-вторых, ограничен строго определёнными видами ремесленнической деятельности и, в-третьих, не распространяется на перепродажу товаров, которая составляет значительную долю онлайн-торговли. Этим мы хотим сказать, что описанный режим налогового освобождения не решает проблему онлайн-продавцов.

Поэтому введение в Закон РТ «Об электронной торговле» института самозанятых остаётся актуальным.

Данный вывод подтверждается также тем, что описанное нами ограничение влечёт за собой ряд негативных последствий, как для самих граждан-продавцов, так и для потребителей и государства и не отвечает балансу публичных и частных интересов. Государство хочет контроля и налогов, но получает тень и потери. Граждане хотят легально продавать, но находятся в не закона. Потребители хотят защиты, но в реальности сталкиваются с недобросовестным поведением продавцов и не знают, как защитить свои права. Данный запрет не решает главную цель Закона – защиту законных прав и интересов участников электронной торговли, а также обеспечение их деятельности.

Думается, устранение выявленных недостатков путём внесения соответствующих изменений в Закон РТ «Об электронной торговле» позволит привести правовое регулирование электронной коммерции в соответствие с экономической реальностью и будет способствовать развитию данного сегмента экономики.

Библиографический список

1. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан 2006 год, №3, ст. 158; Закон РТ от 16.04.2012г., №815.
2. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2022 г., №12, ч. 2, ст. 761.
3. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 24 июня 2025 года № 362 «О правилах procurement государственных закупок» // <https://mmih.adlia.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=169537> (дата обращения: 15.04.2026).
4. Развитие электронной коммерции в Таджикистане // <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/speech/2022/03/17/e-commerce-development-in-tajikistan> (дата обращения: 15.04.2026).

E-COMMERCE AS A FORM OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY: THE STATE AND CHALLENGES OF LEGAL REGULATION IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Sultonova Tahmina Istamovna

Doctor of juridical sciences, professor,
Head of the Department of Civil Law
Russian-Tajik (Slavonic) University.

M. Tursunzoda 30, 734025 Dushanbe, Republic of Tajikistan
Tel.: (+992 37) 223 04 60, e-mail: t.sultonova77@gmail.com

This article analyzes the current state and challenges of the legal regulation of e-commerce in the Republic of Tajikistan. It highlights the importance of developing e-commerce, taking into account the country's geographical and infrastructural constraints. The study examines state digitalization policies, including the Law of the Republic of Tajikistan "On E-Commerce" (2022) and the E-Commerce Development Program for 2025–2029. World Bank data is cited to illustrate the significant lag between Tajikistan and its regional partners. Particular attention is paid to the Law's shortcomings: the inconsistent definition of "information intermediary," the lack of differentiated liability for intermediaries, and the unjustified restriction of sellers to legal entities and individual entrepreneurs. The article argues for the introduction of a legal framework for the self-employed and concludes that there is a disconnect between formal legal regulation and economic reality.

Keywords: *E-commerce, electronic trade, legal regulation, Republic of Tajikistan, information intermediary, marketplace, self-employed individuals, individual entrepreneur, digital economy, online retail.*

ТИҶОРАТИ ЭЛЕКТРОНӢ ҲАМЧУН ШАКЛИ ФАӢОЛИЯТИ СОҲИБКОРӢ: ҲОЛАТ ВА МУШКИЛОТИ ТАНЗИМИ ҲУҚУҚӢ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Султонова Тахмина Истамовна

доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор,

мудири кафедраи ҳуқуқи граждани

Донишгоҳи Славяни) Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М. Турсунзода, 30

Тел.: (+992 37) 223 04 60, e-mail: t.sultonova77@gmail.com

Мақола ба таҳлили вазъ ва мушкилоти танзими ҳуқуқи тиҷорати электронӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон бахшида шудааст. Аҳамияти рушди тиҷорати электронӣ бо назардошти маҳдудиятҳои ҷуғрофӣ ва инфрасохтори кишвар асоснок карда мешавад. Тадбирҳои сиёсати давлатии рақамикунӣ, аз ҷумла Қонуни ҶТ "дар бораи тиҷорати электронӣ" (2022) ва Барномаи рушди тиҷорати электронӣ барои солҳои 2025-2029 баррасӣ карда мешаванд. Маълумоти бонки Ҷаҳонӣ дар бораи қафомонии Назарраси Тоҷикистон аз шарикони минтақавӣ оварда шудааст. Диққати асосӣ ба камбудҳои Қонун дода шудааст: муҳолифати муайян кардани "миенарави иттилоотӣ", набудани тафовути масъулияти миенаравҳо, маҳдудияти беасоси доираи фурушандагон танҳо аз ҷониби шахсони ҳуқуқӣ ва ИП. Зарурати ҷорӣ намудани институти худфаъолият асоснок карда мешавад. Дар бораи фарқияти байни танзими расмӣ ҳуқуқӣ ва воқеияти иқтисодӣ ҳулоса бароварда мешавад.

Калидвожаҳо: *тиҷорати электронӣ, тиҷорати электронӣ, танзими ҳуқуқӣ, Ҷумҳурии Тоҷикистон, миёнаравӣ иттилоотӣ, маркетплейс, худмашғулӣ, соҳибкори инфиродӣ, иқтисоди рақамӣ, тиҷорати интернетӣ.*

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Косимова Марджона Анваровна

Преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета
Российско – Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде 30
Тел: 992909333312, e-mail: kosimova.marjona@mail.ru

В статье рассматриваются меры по профилактике женской преступности. На основе теоретических взглядов ученых криминологов по проблемам профилактики женской преступности автором предлагается применение общих и специальных мер по предупреждению преступности среди женщин.

Автором также предлагается разработать специальные программы по профилактике женской преступности и создание организаций для реализации данной программы. Автор настоящей статьи также предлагает рекомендации в деле совершенствования практической деятельности по предупреждению преступности среди женщин.

Ключевые слова: *предупреждение; профилактика преступности; преступность среди женщин; общие и специальные меры; законодательство; преступление¹.*

В Республике Таджикистан предупреждение женской преступности все чаще становится заметными, и такая ситуация прослеживается в большинстве стран мира.

Следует отметить, что в деле предупреждения женской преступности необходимо обратить внимание на вопрос перехода от теории к практике эффективного предупреждения посредством ориентированных программ профилактики женской преступности.

Среди ученых в криминологической теории имеются различные научные подходы относительно общих и специальных мер по предупреждению женской преступности. Это объясняется прежде все тем, что причины и условия женской преступности среди ученых понимается неодинаково и предлагаются различные оценки по общим и специальным мерам предупреждения женской преступности.

Различия во взглядах учёных обусловлены прежде всего

неодинаковым пониманием причин и условий преступного поведения женщин, а также различной оценкой роли социально-экономических, семейно-бытовых, психологических и организационно-правовых факторов.

По данному вопросу ученые разделились на две группы. Так, одна группа ученых, такие как С.Е. Белоусова, О.А. Канашина, В.В. Геранин и С.Н. Мальцева обращают внимание на необходимость решения общесоциальных мер².

Вторая группа ученых, Т.С. Кононыхина, Е.Н. Федотова и Е.Н. Маевская акцентируют свое внимание на индивидуальную профилактику женской преступности³.

Вместе с тем, анализ научной литературы криминологов показал, что можно выделить

© Косимова М.А., 2026.

² Белоусов С.Е., Канашина О.А. Особенности женской преступности // Вестник молодых учёных и специалистов Самарского университета. 2023. №1. С. 152–156; Геранин В.В., Мальцева С.Н. Женская преступность: современные тенденции // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2024. №4. С. 65–71.

³ Кононыхина Т.С. Специально-криминологическое предупреждение женской преступности // Право. 2020. №4. С. 173–177; Федотова Е.Н. Криминологическая характеристика современной женской преступности в России // Юридический вестник ДГУ. 2021. №1. С. 112–116; Маевская Е.Н. Детерминанты преступности // Международный журнал экспериментального образования. 2019. №5. С. 51–55.

следующие причины и условия женской преступности: социальное неравенство, материальные сложности, безработица, низкий уровень образования, а также насилие в семье.

В этой связи, на наш взгляд, предупреждение женской преступности должны включать как общие меры, так и специально-криминологические меры предупреждения.

Одним из наиболее последовательных подходов в деле профилактики женской преступности является предложение Н.Ф. Кузнецовой и В.В. Лунева. Авторы выделяют предупреждение женской преступности и это свидетельствует о признании важности учитывать специфические особенности при осуществлении профилактической деятельности. Более того, указанные авторы профилактику женской преступности связывают с выявлением и предупреждением криминогенных факторов¹.

Вышеназванные предложения авторов показывает о наличии различных научных подходов в деле предупреждения и соотношения общесоциальных, специально-криминологических и индивидуальных мер женской преступности.

В Таджикистане принята Государственная программа противодействия преступности в Республике Таджикистан на 2021-2030 годы². Согласно п.2. раздела 1 (общие положения) данной программы «Повышение эффективности расследования и профилактики правонарушений в современных условиях требует от государственных структур, в

том числе от правоохранительных органов, не только сосредоточения всех усилий и возможностей в борьбе с преступностью, но и совершенствование структуры и деятельности правоохранительных органов, обеспечения системного и комплексного подхода к предупреждению преступности и поиска новых и нетрадиционных форм и методов воздействия на преступность». Данное положение имеет важное значение в деле укрепления и совершенствования системы по предупреждению женской преступности в Республике Таджикистан. Такой подход, к профилактике преступности, на наш взгляд, предполагает учитывать не только общие закономерности девиантного поведения, но и специфических социально-демографических, экономических, семейно-бытовых и иных факторов, которые оказывают влияние на преступность среди женщин.

Таким образом, профилактика женской преступности должно рассматриваться как самостоятельное направление общей государственной политики противодействия преступности, которые сочетают как меры общего, специального, так и индивидуального предупреждения.

Результаты изучения законодательных и теоретических аспектов по вопросу различия в определениях «профилактика», «предупреждение», «пресечение», «предотвращение» показало, что проявляется проблемы в научной сфере. В практической деятельности правоприменительных органов и других субъектов, относящиеся профилактике правонару-

шений и преступлений объединена одной целью и имеет системный характер в борьбе с преступностью. Следует отметить, что профилактическая деятельность достаточно динамичен и развивается в зависимости от обстановки, среды, временного промежутка и иных причин.

Развивая мысль о предупреждении женской преступности, отметим, что в научной среде бытуют мнения относительно профилактики с учетом специфики, социальной среды и особенностей личности.

Так, В.А. Серебрякова обращает внимание на необходимость проведения специального исследования касающегося общих криминологических мер по предупреждению женской преступности³.

Схожий подход рассматривается и в проведенных научных исследованиях со стороны А.В. Шеслером и Т.А. Смолиной, авторы делают упор на необходимость исследования именно криминологической характеристике и профилактике женской преступности. Авторы специально выделяют профилактику женской преступности в качестве самостоятельного предмета исследования⁴.

Подытоживая взгляды вышеназванных учёных, условно разделим их на несколько подходов. Первый подход состоит из общесоциальных мер: улучшение социальных и экономических условий, трудовой занятости, образования и укрепления семьи. Второй подход больше акцентирует внимание на такие меры как специально-кримино-

¹ Кузнецова Н.Ф., Лунев В.В. Криминология: учебник. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 378–381.

² Ст. 3 Приложение 1 к Постановлению Правительства Республики Таджикистан от 30 июня 2021 года № 265

³ Серебрякова В. А. Особенности женской преступности и её предупреждение. М., 1984. С.74–81.

⁴ Шеслер А. В., Смолина Т. А. Криминологическая характеристика и профилактика женской преступности: учебное пособие. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2008. С. 67–68.

логические, реализуемых правоохранительными органами. Третий подход предполагает смешивание как общесоциальной, специально-криминологической и индивидуальной профилактики, т.к. общее применение таких мер позволит эффективно воздействовать на факторы и причины преступности женщин.

На наш взгляд, профилактика женской преступности в практической деятельности должно осуществляться посредством таких мер, как общесоциальный, социальная защиты женщин, профилактики в сфере труда, а также быта и досуга. Такие меры позволят современное понимание предупреждения женской преступности.

Что же касается специальных мер по предупреждению женской преступности, то считаем целесообразным оказание юридических, медицинских и психологических услуг, которое должно оказываться женщинам посредством создания организаций со стороны соответствующих отделов по делам женщин и семьи в городах Республики Таджикистан. В данных организациях женщины могут получить своевременную поддержку и конкретные меры, которые позволят избежать им совершения преступления.

Следует отметить, что в Республике Таджикистан уделяется особое внимание проблемам и решению вопросов прав женщин, гендерного равенства и противодействие с дискриминацией.

Так, в Республике Таджикистан в данном направлении были приняты следующие нормативно-правовые акты:

1. Закон Республики Таджикистан «О государственных гарантиях равноправия мужчин и женщин и равных возможностей их реализации» от 1 марта 2005 года, № 89¹;

2. Закон Республики Таджикистан «О равенстве и ликвидации всех форм дискриминации» от 19 июля 2022 года, №1890²;

3. Национальная стратегия активизации роли женщин в Республике Таджикистан (2021–2030 годы)³;

4. Концепция развития семьи в Республике Таджикистан, утвержденная постановлением Правительства от 30 декабря 2015 года, № 801⁴;

5. Указ Президента Республики Таджикистан «О повышении роли женщин в обществе» от 3 декабря 1999 года, № 5⁵.

Принятие законодателем вышеуказанных нормативных правовых актов свидетельствует о

соблюдении Республикой Таджикистан относительно гарантий прав и свобод женщин в обществе и направлено на развитие и улучшение всех форм жизнедеятельности женщин. Такие положительные шаги в деле прав и свобод влияют на эффективную реализацию норм по предупреждению женской преступности.

Резюмируя настоящее исследование по предупреждению женской преступности, сделаем нижеследующие выводы.

1. Считаем обоснованным вывод о том, что специфичность женской преступности не связано с необходимостью создания индивидуальной системы профилактики, а также с общей системой предупреждения женской преступности. Специальные меры развивают и конкретизируют общие меры применительно к особенностям причин, условий и механизмов преступного поведения женщин.

2. Для перехода от теории к практике касательно общей и специального эффективного предупреждения женской преступности, необходимо разработать и внедрение посредством ориентированных программ по профилактике женской преступности.

3. Среди ученых криминологов имеет место различные научные подходы по общим и

¹ Закон Республики Таджикистан «О государственных гарантиях равноправия мужчин и женщин и равных возможностей их реализации» от 1 марта 2005 года, №89 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mmih.tj/SEARCH?doc_type=0&doc_num=89 (дата обращения 17.09.2026).

² Закон Республики Таджикистан «О равенстве и ликвидации всех форм дискриминации» от 19 июля 2022 года, №1890 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mmih.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=142618> (дата обращения 17.09.2026).

³ Национальная стратегия активизации роли женщин в Республике Таджикистан (два этапа: 2011–2020 и 2021–2030 годы) [Электронный ресурс].

Режим доступа: <https://mmih.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=171503> (дата обращения 17.09.2026).

⁴ Концепция развития семьи в Республике Таджикистан, утвержденная постановлением Правительства от 30 декабря 2015 года, № 801 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mmih.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=126145> (дата обращения 17.09.2026).

⁵ Указ Президента Республики Таджикистан «О повышении роли женщин в обществе» от 3 декабря 1999 года, №5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mmih.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=30595> (дата обращения 17.09.2026).

специальным мерам предупреждения женской преступности. Это свидетельствует о продолжающемся процессе развития научной мысли в данном направлении.

4. Предупреждение женской преступности в Республике Таджикистан должно рассматриваться как самостоятельное

направление общей государственной политики противодействия преступности, которые сочетают как меры общего, специального, так и индивидуального предупреждения.

5. Профилактику женской преступности необходимо внедрять в практической деятельности

посредством общесоциальных мер (социальная защита женщин, профилактика в трудовой сфере и т.д.). Реализация таких мер позволят современное понимание предупреждения женской преступности.

Библиографический список

1. Закон Республики Таджикистан «О государственных гарантиях равноправия мужчин и женщин и равных возможностей их реализации» от 1 марта 2005 года, №89 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mmih.tj/SEARCH?doc_type=0&s_text=&doc_num=89 (дата обращения 17.09.2026).
2. Закон Республики Таджикистан «О равенстве и ликвидации всех форм дискриминации» от 19 июля 2022 года, №1890 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mmih.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=142618> (дата обращения 17.09.2026).
3. Национальная стратегия активизации роли женщин в Республике Таджикистан (два этапа: 2011–2020 и 2021–2030 годы) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mmih.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=171503> (дата обращения 17.09.2026).
4. Концепция развития семьи в Республике Таджикистан, утвержденная постановлением Правительства от 30 декабря 2015 года, № 801 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mmih.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=126145> (дата обращения 17.09.2026).
5. Указ Президента Республики Таджикистан «О повышении роли женщин в обществе» от 3 декабря 1999 года, №5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mmih.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=30595> (дата обращения 17.09.2026).
6. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 30 июня 2021 года № 265 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mmih.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=139787> <https://mmih.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=139787> (дата обращения 18.09.2026).
7. Белоусова С.Е., Канапина О.А. Особенности женской преступности // Вестник молодых учёных и специалистов Самарского университета. – 2023. – №1. – С. 152-156.
8. Геранин В.В., Мальцева С.Н. Женская преступность: современные тенденции // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2024. – №4. – С. 65-71.
9. Кононыхина Т.С. Специально-криминологическое предупреждение женской преступности // Право. – 2020. – №4. – С. 173-177.
10. Кузнецова Н.Ф., Лунеев В.В. Криминология: учебник. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 635 с.
11. Маевская Е.Н. Детерминанты преступности // Международный журнал экспериментального образования. – 2019. – №5. – С. 51-55.
12. Серебрякова В. А. Особенности женской преступности и её предупреждение. – М., 1984. – 106 с.
13. Федотова Е.Н. Криминологическая характеристика современной женской преступности в России // Юридический вестник ДГУ. – 2021. – №1. – С. 112-116.
14. Шеслер А. В., Смолина Т. А. Криминологическая характеристика и профилактика женской преступности: учебное пособие. – Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2008. – 94 с.

FEMALE CRIME: FROM THEORY TO PREVENTION PRACTICE

Kosimova Marjona Anvarovna

Lecturer, Department of Criminal Law, Faculty of Law

Russian-Tajik (Slavonic) University

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade 30

Tel: 992909333312, e-mail: kosimova.marjona@mail.ru

The article examines measures for the prevention of female crime. Drawing on the theoretical perspectives of criminologists regarding the prevention of female crime, the author proposes the implementation of both general and specialized measures to prevent criminal activity among women.

The author also suggests developing specialized female crime prevention programs and establishing organizations to implement them. Furthermore, the article offers recommendations for improving practical efforts to prevent crime among women.

Key words: *prevention; crime prevention; female crime; general and special measures; legislation; crime.*

**ҶИНОЯТКОРИИ ЗАНОН: АЗ НАЗАРИЯ
БА АМАЛИЯИ ПЕШГИРӢ**

Қосимова Марҷона Анваровна

Муаллимаи кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ факултети ҳуқуқшиносӣ
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М.Турсунзода 30
Тел: 992909333312, e-mail: kosimova.marjona@mail.ru

Дар мақолаи мазкур чораҳои пешгирии ҷинояткорӣ занон баррасӣ мешаванд. Муаллиф бар асоси назарияҳои олимони дар соҳаи криминология оид ба масъалаҳои марбут ба пешгирии ҷинояткорӣ занона, истифодаи чораҳои умумӣ ва махсусро барои пешгирии ҷинояткорӣ дар байни занон пешниҳод менамояд.

Муаллиф инчунин таҳияи барномаҳои махсус барои пешгирии ҷинояткорӣ занон ва инчунин таъсиси ташкилотҳои барои татбиқи барномаҳои зикргардида пешниҳод мекунад. Муаллифи мақолаи мазкур инчунин тавсияҳоро бо мақсади беҳтар намудан дар амалия оид ба пешгирии ҷинояткорӣ дар байни занон пешниҳод мекунад.

Калидвожаҳо: *пешгирӣ; ҷинояткорӣ дар байни занон; чораҳои умумӣ ва махсус; қонунгузорӣ; ҷиноят.*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ

Маннонзода Нигора Маннон

кандидат юридических наук, доцент

Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики

Тел.: (+992) 990-00-55-65.e-mail: Shukrona_78@mail.ru

Абдуллаев Нозим Саодулосевич

кандидат юридических наук, доцент

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

тел.: (+992) 918-25-01-00, e-mail: n.abdullaev.88@mail.ru

В статье рассмотрены объективные признаки преступлений против половой неприкосновенности малолетних. Особое внимание уделяется объективным признакам составов таких преступлений как: изнасилование (п. «а» ч. 3 ст. 138 УК РТ); насильственные действия сексуального характера (п. «а» ч. 3 ст. 139); похищение к действиям сексуального характера (ст. 141 УК РТ); развратные действия (п. «г» ч.23 ст. 142 УК РТ).

По мнению авторов, охрана прав и свободы личности лиц молодого возраста до 16-лет, а также их половая неприкосновенность занимает важное место в политике правового государства, так как, совершения противоправных деяний, сопровождаются такими последствиями как: нарушение половой неприкосновенности, нравственные и психофизиологические свойства лиц молодого возраста.

Отмечается, что основным объектом исследуемых преступлений выступают общественные отношения в сфере охраны половой неприкосновенности малолетних; дополнительным объектом выступает здоровье, а факультативным – честь и достоинство.

Анализируется объективная сторона преступления против половой неприкосновенности. Ею выступает внешний активный волевой акт лица, направленный на половое сношение с применением насилия или угрозы её применения, а также имитации половых органов с целью подавления воли малолетней путем: шантажа, т.е. угрозы сообщения порочащих лиц сведений; угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества потерпевшего (потерпевшей); использования служебной, материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей) и удовлетворения сексуальных потребностей.

Ключевые слова: *малолетние, половая неприкосновенность, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, похищение к действиям сексуального характера, объект, объективная сторона, насилие, вред здоровью, угроза, шантаж.*

Маннонзода Н.М.

В ст. 5 Конституции страны предусмотрено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью¹. Положения Конституции базируются на признании приоритета человека, его основных прав и свобод, и в первую очередь на положениях Всеобщей декларации прав человека 1948 г. В ней

Абдуллаев Н.С.

провозглашаются незыблемыми личные права человека и предлагаются эффективные механизмы их реализации¹. Одной из задач уголовного законодательства является охрана жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина². Она, по существу, представляется основной его миссией.

Выбранная тема является актуальной на сегодняшнее время, так как речь о категории лиц находящиеся под особой защитой государства. В этом направлении устойчивое политическое, экономическое и социально-культурное развитие общества зависит от эффективности правовой политики страны.

Защита прав и свобод человека и гражданина, защита национальных интересов, являются первостепенными задачами правовой политики суверенного Таджикистана.

Защита прав и свобод человека и гражданина является ключевым на ряду с охраной половой неприкосновенности, малолетних так как, совершая противоправные деяния, сопровождаются с такими последствиями как: нарушение половой неприкосновенности, нравственные ценности и психо-физиологические качества лиц молодого возраста.

В целом это может привести тяжкими последствиями как, например, смерть или самоубийство потерпевшей, душевная болезнь, заражением ее заболеванием СПИД и т.д.

Статистика показывает, то что, степень криминогенности того или иного качества или свойства человека зависит от его

содержания и степени его устойчивости. У криминогенной личности есть и антикриминогенные качества и свойства. К наиболее антикриминогенным из них относятся: уверенность в справедливости законов, недопустимости их нарушения и неотвратимости наказания за их нарушения, опасение утратить общественное одобрение в случае нарушения закона.

В результате реализованных мер правоохранительных органов и усиления контроля в сфере обеспечения общественного порядка, в первом квартале 2026 года криминогенная ситуация в Республике Таджикистан демонстрирует относительно стабильную тенденцию к снижению.

В январе-марте 2026 года в республике зарегистрировано 6336 преступлений, из которых 5573 случая, или 88,0 процента, зарегистрированы Министерством внутренних дел Республики Таджикистан и органами прокуратуры, а 763 случая, или 12,0 процента, – другими правоохранительными органами.

Общие показатели свидетельствуют о снижении уровня преступности. В отчетном периоде общее количество преступлений сократилось на 1,7 процента, в том числе в городе Душанбе – на 8,2 процента, в районах республиканского подчинения – на 11,4 процента. Вместе с тем, в Согдийской области зафиксирован рост на 0,3 процента, а в Хатлонской области – на 5,5 процента.

За данный период зарегистрировано 1415 тяжких преступлений, что на 12,8 процента меньше по сравнению с аналогичным периодом прошлого

года. Значительное снижение отмечено по ряду видов преступлений, в том числе: убийства и покушения на убийство – на 51,7 процента, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – на 32,3 процента, изнасилования и покушения на них – на 18,2 и т.д.

В теории уголовного права объект преступления имеет важное значение в уголовном праве. Помимо этого, данная проблема напрямую связана с вопросами системы права в целом и уголовного права в частности. Говоря о системе уголовного права, стоит отметить, что законодатель рассматривает объекты уголовно-правовой охраны, разграничивает и характеризует общественную опасность и социальную сущность каждого конкретного преступления, определяет социальную направленность преступления, его характерные юридические признаки.

Следует отметить, что понятие объекта преступления, и непосредственно его содержание имеет крайне спорный характер. Под объектом преступления в различной литературе принято понимать как общественные отношения³, находящиеся под защитой уголовного закона, а также те блага и интересы, на которые посягается⁴, либо создает угрозу причинения вреда⁵. Именно в этом и заключается предназначение объекта в том, что он является нестабильным.

Преступления против половой неприкосновенности и половой неприкосновенности предусмотрено в главе 18 Уголовного кодекса Республики Таджикистан.

¹ Всеобщая декларация прав человека: Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents> (дата обращения: 15.08.2026).

² Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.04.2021 г.) [Электронный ресурс]

– Режим доступа: adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=10 (дата обращения: 26.08.2026).

³ Кудрявцев В.Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления // Советское государство и право. 1951. №8. С. 58-59.

⁴ Имомов А.Х. Терроризм – форма организованной преступности. Душанбе, 2003. С.53-54.

⁵ Наумов А.В. Российское уголовное право: Общая часть. Курс лекций. М., 2004. С. 179.

Половая неприкосновенность в уголовно правовой науке представляет собой правовую защищенность от сексуального посягательства, т.е. полный запрет на совершение действий половых сношений в отношении лица не достигшим 16 летнего возраста. Это составная часть личной неприкосновенности, охраняющая человека от любых противоправных сексуальных посягательств. В настоящее время защита лиц, не достигших 16-летнего возраста, от сексуальных посягательств является одной из приоритетных задач отечественного и зарубежного права.

Непосредственный объект преступлений, связанных с защитой половой сферы несовершеннолетних, включает в себя общественные отношения в сфере обеспечения права несовершеннолетнего на нормальное нравственное, социальное и психическое развитие.

Говоря о непосредственном объекте исследуемых преступлений следует отметить то, что защита половой сферы малолетних лиц включает в себя общественные отношения в сфере охраны прав малолетних лиц на половую неприкосновенность, а также нравственные ценности и психо-физиологические качества.

В научной среде некоторые ученые под непосредственным объектом преступлений против половой неприкосновенности понимают нормальное физическое и духовное развитие и формирование молодого возраста. На наш взгляд данное определение является наиболее удачным и бесспорным. Ведь половая неприкосновенность лиц молодого возраста как мы выше упомянули это полный запрет на

вступление в половые отношения, которые нарушают нормальное психическое, физическое, и нравственное развитие личности.

Можно сделать вывод о том, что половая неприкосновенность выступает важной составляющей частью формирования личности лиц малолетнего возраста, а именно не достигших 16 лет.

Переходя к рассмотрению объективных признаков преступлений против половой неприкосновенности считаем важным охарактеризовать теоретическую природу объективной стороны в уголовно-правовой науке.

Говоря об объективной стороне преступления, стоит отметить, что она представляет собой внешний акт совершения деяния, и в юридической науке трактуется, как реальное проявление общественно опасных действий.

Отмечая объективную сторону преступления, как особенно важный элемент, необходимо указать на статью 11 УК РТ, которая указывает на основания уголовной ответственности, а именно совершение преступления. Этот теоретический постулат¹, являющийся одновременно и законодательным принципом, лежит в основе тесной взаимосвязи норм Уголовного кодекса.

Поддерживая классическую школу в части, уяснения сущности объективной стороны преступления, отечественные ученые отмечают, что объективная сторона преступления представляет собой общественно опасные деяния, посягающие на конкретные составы особенной части уголовного кодекса. Такой позиции придерживается А.Н. Игнатов, согласно которому «...объективная сторона преступления включает все внешние

признаки и обстоятельства, характеризующие конкретное совершенное преступление»².

Объективная сторона преступления состоит из следующих признаков:

- общественно опасное деяние (действие или бездействие);
- вредные последствия (преступный результат)³;
- причинная связь между деянием и последствиями;
- способ, орудия, средства, место, время и обстановка совершения преступления.

Объективная сторона половых преступлений в отношении несовершеннолетних включает в себя ряд уголовно-наказуемых деяний, предусмотренных ст. 131–135 УК РФ. Они могут быть классифицированы по разным группам.

Объективная сторона преступления против половой неприкосновенности в отношении лиц, не достигших 16 лет, заключается в совершение действий путем активного волевого акта и сопровождается общественно опасными последствиями, которые охватывают статьями 138-141 Уголовного кодекса Республики Таджикистан.

Данная группа преступлений содержит деяния, предполагающие совершение насилия в отношении малолетнего. К ним относятся: изнасилование (п. «а» ч. 3 ст. 138 УК РТ); насильственные действия сексуального характера (п. «а» ч. 3 ст. 139); понуждение к действиям сексуального характера (ст. 141 УК РТ); развратные действия (п. «а» ч. 23 ст. 142 УК РТ).

На наш взгляд вышеуказанные преступления совершаются путем активных действий в отношении малолетних в целях нару-

¹ Козаченко И.Я. Посягательства на внутреннюю безопасность России / в кн.: Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М., 2008. С.14.

² Игнатов А.Н. Уголовное право России. Общая часть. М.: Норма. 2000. Т.1. С. 115.

³ Кудрявцев В.П. Объективная сторона преступления. М.: Юриздат, 1960. С. 9.

шения половой неприкосновенности и удовлетворение половых потребностей.

В постановлении Пленума Верховного суда Республики Таджикистан «О судебной практике по делам о преступлениях против половой свободы или половой неприкосновенности» от 25 июня 2004 года №4 г. говорится, что в сексуальных (половых) преступлениях насилие применяется в целях подавления воли малолетних путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества потерпевшей, использования служебной, материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей).

В результате подавления силы малолетние получают разные степени вреда здоровья легкие, средние и тяжкие степени

вреда здоровью, физические и психические страдания, ограничение физической свободы.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы: охрана прав и свобод личности лиц молодого возраста до 16-лет, а также их половая неприкосновенность занимает важное место в политике правового государства, так как, совершение противоправных деяний, сопровождается такими последствиями как: нарушение половой неприкосновенности, нравственные ценности и психо-физиологическое состояние лиц молодого возраста.

Основным объектом исследуемых преступлений выступают общественные отношения в сфере охраны половой непри-

косновенности малолетних, дополнительно здоровье, а факкультативном – честь и достоинство.

Объективная сторона преступления против половой неприкосновенности выступает внешний активный волевой акт лица направленный на половом сношение с применением насилия или угрозы её применения, а также имитация половых органов с целью подавлению воли малолетней путем: шантажа, т.е. угрозы сообщения порочащих лицо сведений; угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества потерпевшего (потерпевшей); использования служебной, материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей) и удовлетворения сексуальных потребностей.

Библиографический список

1. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. (в ред. референдума от 26.09.1999 г., от 22.06.2003 г., от 22.05.2016 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2213 (дата обращения: 20.08.2026).
2. Всеобщая декларация прав человека: Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents> (дата обращения: 15.08.2026).
3. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.04.2021 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=10 (дата обращения: 26.08.2026).
4. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». – М.: Городец, 2007. – 336 с.
5. Имомов А.Х. Терроризм – форма организованной преступности – Душанбе, 2003. – 197 с.
6. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. – М.: Юрид. лит., 2004. – 496 с.
7. Козаченко И.Я., Новоселов Г.П. Уголовное право Особенная часть. 4-е изд., изм. и доп. – М., 2008. – 1008 с.
8. Игнатов А.Н. Уголовное право России. Общая часть. – М.: Норма. 2000. Т.1. – 458 с.

CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS OF THE OBJECTIVE ELEMENTS OF A CRIME AGAINST SEXUAL INVIOABILITY

Mannonzoda Nigora Mannon

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Department of Criminal Law, Criminology and Countering Corruption,
Tajik State University of Law, Business and Politics
tel.: (+992) 990-00-55-65, e-mail: Shukrona_78@mail.ru

Abdullaev Nozim Saoduloevich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Department of Criminal Law,
Russian-Tajik (Slavonic) University
30 M. Tursunzade St., Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan
Tel.: (+992) 918-25-01-00, e-mail: n.abdullaev.88@mail.ru

The article examines the objective elements of crimes against the sexual inviolability of minors. Particular attention is paid to the objective elements of the following offenses: rape (Clause "a," Part 3, Article 138 of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan); violent acts of a sexual nature (Clause "a," Part 3, Article 139); coercion into acts of a sexual nature (Article 141 of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan); and lewd acts (Clause "g," Part 2, Article 142 of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan).

The authors argue that the protection of the rights and freedoms of young persons under the age of 16, as well as their sexual integrity, holds a significant place in the policy of a state governed by the rule of law; this is because the commission of unlawful acts entails consequences such as the violation of sexual integrity and the impairment of the moral values and psychophysiological well-being of young persons.

It is noted that the primary object of the crimes under study consists of social relations regarding the protection of the sexual integrity of minors; health serves as an additional object, while honor and dignity constitute optional objects.

The of a crime against sexual integrity consists of an overt, intentional act aimed at sexual intercourse—involving the use of force or the threat thereof – or the simulation of sexual acts, with the intent to overcome the will of a minor through means such as blackmail (i.e., threatening to disclose information that would damage the victim's reputation), threatening to destroy, damage, or seize the victim's property, or exploiting the victim's professional, financial, or other form of dependency, for the purpose of sexual gratification.

Key words: *minors, sexual integrity, rape, violent sexual acts, coercion into sexual acts, object, objective element, violence, harm to health, threat, blackmail*

ХУСУСИЯТҲОИ ҲУҚУҚИИ ҶИНОИИ УНСУРҲОИ ОБЪЕКТИВИИ ҶИНОЯТ АЛАЙҲИ ДАХЛНОПАЗИРИИ ҶИНСӢ

Маннонзода Нигора Маннон

номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, досент

Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон

Тел.: (+992) 990-00-55-65, e-mail: Shukrona_78@mail.ru

Абдуллаев Нозим Саодулоевич

Номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент

Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон

ш. Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30, 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон

Тел.: (+992) 918-25-01-00, e-mail: n.abdullaev.88@mail.ru

Дар мақола унсурҳои объективии ҷиноятҳо алайҳи дахлнопазирии ҷинсии ноболиғон баррасӣ мешаванд. Таваҷҷуҳи хоса ба унсурҳои объективии ҳуқуқвайронкуниҳои зерин равона гардидааст: таҷовуз ба номус (банди «а»-и қисми 3-юми моддаи 138-и Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон); амалҳои дорои хусусияти шаҳвонӣ бо истифодаи зӯрварӣ (банди «а»-и қисми 3-юми моддаи 139); маҷбур кардан ба содир намудани амалҳои дорои хусусияти шаҳвонӣ (моддаи 141-и Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон); ва амалҳои шаҳвонии қабех (банди «г»-и қисми 2-юми моддаи 142-и Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон).

Муаллифон бар ин назаранд, ки ҳифзи ҳуқуқи озодиҳои шахсони то 16-сола ва дахлнопазирии ҷинсии онҳо дар сиёсати давлати ҳуқуқбунёд ҷойгоҳи муҳимро ишғол мекунад; зеро содир намудани кирдорҳои ғайриқонунӣ боиси оқибатҳои мегардад, аз қабилӣ поймол шудани дахлнопазирии ҷинсӣ ва осеб дидани арзишҳои ахлоқӣ ва неқӯаҳволии равонию физиологии ин афрод.

Қайд карда мешавад, ки объекти асосии ҷиноятҳои мавриди омӯзиш муносибатҳои ҷамъиятӣ оид ба ҳифзи дахлнопазирии ҷинсии ноболиғон мебошад; саломатӣ ҳамчун объекти иловагӣ ва шарафу эътибор ҳамчун объектҳои ихтиёрӣ (факултативӣ) баромад мекунанд.

Ҷузъи амалии ҷиноят алайҳи дахлнопазирии ҷинсӣ аз амали ошкоро ва қасдонае иборат аст, ки ба алоқани ҷинсӣ (бо истифода аз зӯрварӣ ё таҳдиди он) ё тақлиди амалҳои ҷинсӣ нигаронида шудааст; ин амал бо

мақсади қонеъсозии шаҳвонӣ ва бо нияти шикастани иродаи ноболиғ тавассути воситаҳое чун шантаж (яъне, таҳдид ба ифшои маълумоте, ки ба обрӯи ҷабрдида зарар мерасонад), таҳдид ба нобудсозӣ, вайронкунӣ ё тасарруфи молу мулкӣ ҷабрдида, ё сӯиистифода аз вобастагии касбӣ, молиявӣ ё дигар намуди вобастагии ҷабрдида анҷом дода мешавад.

Калидвожаҳо: *ноболиғон, дахлнопазирии ҷинсӣ, таҷовуз ба номус, амалҳои шаҳвонии хушунатомез, маҷбуркунӣ ба амалҳои шаҳвонӣ, объект, унсури объективӣ, хушунат, зарар ба саломатӣ, таҳдид, шантаж.*

НЕКОТОРЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА «ЛИЧНОСТИ ПОХИТИТЕЛЯ»

Рахмонзода Остон Додарбег

Соискатель Института философии, политологии
и права имени А. Баховаддинова

Национальная академия наук Таджикистана

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе проспект Рудаки, 33

тел.: (+992 37) 221-77-96; e-mail: www.ifppanrt.tj

В статье анализируются некоторые аспекты криминологических характеристик «личности похитителя». Автор отмечает, что «похититель» — это личность с криминальными наклонностями, деформированным т.е. находящуюся в значительной степени в социальной и моральной деградации.

Делается вывод, что криминологический портрет личности похитителя обладает особым набором социально-демографических, индивидуально-психологических, уголовно-правовых и морально-этических характеристик, которые лежат в основе возникновения преступных мотивов совершения акта похищения.

Ключевые слова: личность похитителя, жестокость, агрессивность, пренебрежительное отношение к человеку, эгоизм, распушенность, склонность к риску, алчность, корыстность, недостаточность самоконтроля.

«Личность похитителя» считается криминологическим феноменом, поскольку криминология изучает и анализирует личности людей, совершающих преступления, в зависимости от вида

и направления преступного деяния.

В связи с этим в криминологической науке сформулирована точка зрения ученых относительно понятия «личность похитителя». В частности, А. В. Ростокинский и Р. Н. Шапиев, анализируя биофизические, социальные и психологические особенности личности похитителя, отмечают: «Личность похитителя» — человек с криминальными наклонностями, находящийся в значительной степени в социальной и моральной деградации. Как правило, для лиц, совершивших похищение человека, принципов: «что можно - чего нельзя», «что законно, а что аморально», практически не существует»¹. Ученые отмечают, что такое поведение не свободно от психических аномалий, в частности, от нарушения сознания, ситуативного мышления, расстройства

памяти и т.д.². А. Н. Пастушеня и А. А. Урбанович, характеризуя особенность проявления криминальной склонности личности к категориям личности похитителя относят: «лица имеющего наивысшую степень криминальной зараженности. Характеризуется наличием определенного криминального влечения, которое побуждает потенциального преступника искать объект и возможности для совершения преступного посяательства»³ [61.с.96]. И.Ю. Кан анализируя характерные отличительные свойства лиц, совершающих похищения людей пишет: «Ими определяется особый социальный тип личности - личность похитителя. Это достигается путем сведения индивидуального в личности преступника к социальному и наоборот, что позволяет выявлять схожие свойства в изучаемых категориях лиц»⁴.

© Рахмонзода О.Д., 2026

¹ Ростокинский, А.В., Шапиев Р.Н. Особенности криминологической характеристики личности преступника, совершившего похищение человека. Проблемы в российском законодательстве //Юридический журнал. 2018. №3. С. 291

² Фрейеров, О.Е. О так называемом биологическом аспекте проблемы преступности // Советское государство и право. 1996. № 10. 109-113.

³ Юридическая психология: учеб. пособие / А.Н. Пастушеня, А.А. Урбанович; Учреждение образования "Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь". Минск : Академия МВД, 2015.С.96.

⁴ Кан И.Ю. Криминологическая характеристика личности преступника и жертвы похищения человека //

Для категории таких лиц конечным результатом их поведения становится выбор преступного поведения. Так как, с учетом криминологических характеристик, исследователи определяют личность похитителя как злонамеренный и особо опасный тип личности преступника. Поэтому у личности похитителя или именуемой личностью преступника, в отличие от законопослушного гражданина наблюдается значительное снижение уровня социально-правового и нравственного поведения и наивысшая степень криминальной зараженности, имеющие следующие криминологические свойства поведения: *жестокость, агрессивность, пренебрежительное отношение к человеку, эгоизм, распущенность, склонность к риску, алчность, корыстность и недостаточность самоконтроля.*

На основе анализа указанных качеств в поведении личности преступника можно выявить такие характерные элементы, как низкий уровень правового и морального сознания, пренебрежение соблюдением законов, алчность, корыстность, специфическое психическое состояние и другие признаки, которые интерпретируются как нежелательное поведение. Такой человек, прежде всего, отличается от других здоровых членов общества своим девиантным, антисоциальным поведением. В момент совершения преступления такие личности, в зависимости от своего психического состояния, используют различные методы и способы с целью реализации преступных действий, таких как причинение физического вреда, насилие, истязания и психические страдания. Для таких категорий личности преступников страдание и милосердие совершенно чужды, и именно такие

поведенческие признаки становятся не только причиной безжалостного совершения преступных деяний или средством получения удовольствия от этого, но и в целом удовлетворения их психологических, духовных и поведенческих потребностей.

Тем не менее, в отличие от жадности, природа жестокости иная; она может проявляться в форме недостойных или преступных действий, которые причиняют человеку психологический и физический вред. В условиях крайней остроты такие действия заканчиваются совершением убийства, которое считается особо тяжким преступлением. В процессе похищения людей такое действие считается одним из средств совершения преступного деяния.

Потому что похититель, будучи жестоким человеком или рецидивистом, в любом случае, независимо от достижения или за планирования преступной цели, может пойти на такие действия. Это качество человека интерпретируется как средство причинения морального и физического вреда жертве преступления, будь то ребёнок, взрослый или животное. Подобные ситуации полностью наблюдаются при совершении преступлений, связанных с похищением людей.

В свою очередь агрессивность как психологическое свойство личности преступника, представляет собой проявление деструктивного поведения индивида. Это негативное качество личности в уголовном праве связано с совершением, в особенности тяжких преступлений, по которым можно определить типологию личности преступника. В основном агрессивность связана с тем, что человек поддается сильным эмоциям, и такое качество

личности преступника по отношению к жертве можно наблюдать и при похищении человека.

Агрессивность также можно рассматривать как нежелательное и сложное человеческое явление. Ведь на её возникновение влияют различные факторы, которые, в свою очередь, формируют индивидуальные характер личности. К основным факторам таких нежелательных черт личности относятся психологические и духовные проблемы человека, его окружение, неправильный выбор поведения, низкий уровень самосознания и культуры, наследственность и ряд других причин.

Агрессия бывает следующих типов: активная агрессия, пассивная агрессия, физическая агрессия, сексуальная агрессия, защитная агрессия, внешняя агрессия и т. д. В этом контексте следует отметить, что агрессия рассматривается как одно из средств совершения похищения, которое фактически называется похищением с применением силы или насилием

Далее пренебрежительное отношение к человеку определяется как оскорбительное поведение, выражающееся в таких нежелательных и бесчеловечных признаках, как высокомерие, неуважение, унижение человека, безразличие к его поступкам, а также подержание другим бесчеловечным чувствам или мыслям, которые приводят к нарушению границ действий человека и влекут за собой моральный вред. Эта человеческая черта связана с типологией агрессивной личности.

Ученые определяют эту черту как одно из опасных качеств, возникающих на основе гнева, пренебрежения, оскорблений, потребности переступить или нарушать строгие границы, а также

потери самоуважения и постоянного стрессового состояния человека. По этой причине люди, проявляющие подобные нежелательные черты или модели поведения, не уважают честь, достоинство и уважение другого человека, и в результате человек, страдающий от этого состояния, может пережить незабываемую психологическую травму.

В уголовном праве пренебрежение определяется как одна из форм неуважения к человеку и обществу и чаще всего рассматривается как преступление, которое включает в себя умышленные действия, направленные на нарушение общественного порядка и тем самым нанесение ущерба чести, достоинства, репутации и порядочности человека. В процессе совершения похищения можно наблюдать использование оскорблений в адрес жертвы.

Эгоизм считается проявлением эгоистичного поведения и одной из характеристик эгоистичного человека. Эгоизм проявляется в поведении по отношению к человеку, который ставит свои собственные интересы выше интересов других, тем самым достигая поставленных перед собой целей.

Эгоизм — это вредное поведение, способное навредить окружающим. Эгоизм может быть «рациональным» или «иррациональным». Однако обе эти формы эгоизма всегда считаются вредными.

В этом контексте эгоизм определяется как самооправдание интересов и целей человека с этой психологической чертой по отношению к самому себе. В этом смысле он также интерпретируется как средство выражения пренебрежения интересами других или неспособности и нежелания понимать чувства и проблемы других. Действия лица с такой нежелательной человеческой чертой в первую очередь направлены на получение лич-

ной выгоды. Иными словами, эгоизм при совершении преступления похищения может быть главным мотивом. Потому что, если похититель эгоистичен, он обязательно проявит эту черту и по отношению к жертве.

И всё это может привести к достижению цели совершения преступления.

Распушенность, склонность к риску - одна из форм проявления деформированного поведения характеризуется отсутствием у человека дисциплины и самоконтроля, воздержанием и неспособностью признавать или уважать интересы других. Эта поведенческая черта рассматривается как выражение грубости, безответственности и отсутствия самоконтроля. Самое главное, человек с этим поведенческим качеством - это тот, кто вредит правам и интересам других и общества.

Причины развития такой черты, которая вредна для окружающих, включают неправильное воспитание, неудачи в социализации, низкий уровень сознания и культуры, а также отсутствие признания социальных и духовных ценностей, которые такой человек искренне признает и принимает как нежелательные черты.

Особенно при совершении преступления, связанного с похищением людей, они без колебаний используют любые средства, чтобы оказать давление на жертву. Потому что люди с этой чертой характера эгоцентричны. Рискованное поведение чаще всего проявляется в виде преступного поведения при совершении преступления. Лица, склонные к такому преступному поведению, характеризуются как безрассудные, своевольные, равнодушные к правовым нормам и движимые стремлением к достижению нежелательных антисоциальных целей из-за сильного возбуждения.

Следовательно, люди с высокой склонностью к риску с большей вероятностью совершают преступления. Причинами развития подобного криминального поведения являются недостаток образования, низкий уровень чувствительности и осознания правовых и моральных ценностей, их уважения и желаемого применения, нестабильность в жизни и работе и т. д. Поэтому люди с такими чертами криминального поведения чаще совершают насильственные преступления, преступления, связанные с наркотиками, и преступления сексуального характера. В преступлении, связанном с похищением людей, такие лица уникальны по характеру своего преступного поведения, которое криминология включила в типологию преступника.

В обществе можно встретить людей, отличающихся от остальных своим преступным поведением и поступками. То есть, в их поведении проявляются такие черты, как неутолимая жажда, ненасытность в отношении денег и богатства, а также погоня за прибылью, которая всегда оказывается безуспешной и неудовлетворительной - алчность.

В этом контексте, стремясь к материальной выгоде, они становятся жадными, поэтому таких людей и называют «жадными». В преступлении похищения людей жадность считается одним из мотивов достижения целей, поставленных похитителем. По этой причине одной из черт характера похитителя называют «алчностью». Ведь получение материальной и финансовой выгоды считается одной из причин совершения похищения, и большинство похищений совершаются именно с этой целью.

Таким образом, алчность становится продуктом тяжкого преступления, к которому относятся похищение, удержание жертвы против ее воли, а также совершение других

преступных действий против нее. В этом отношении алчность рассматривается как характерная черта личности преступника — мотив его эгоизма и насилия, при котором человек лишается всякой личной неприкосновенности и вместо этого становится объектом купли-продажи.

Корыстность и недостаточность самоконтроля — это форма психического расстройства личности, характеризующаяся неспособностью контролировать свое поведение, что приводит к неприятным и опасным последствиям для человека, часто вызывая противоправные и аморальные действия. Человек с такими поведенческими чертами совершает действия непроизвольно и не может контролировать свое поведение, стремясь в максимально возможной степени к достижению собственных интересов. В результате все это приводит к совершению преступлений такими людьми. С другой стороны, такие люди не только не отдают предпочтение необходимому, но и полностью отрицают соблюдение и выполнение правовых и моральных требований к выбору правильного поведения. Зачастую это объясняется низким уровнем дисциплины,

неправильным воспитанием, недостаточным образованием, влиянием окружающей среды, а также осознанием такой черты характера как опасной для личности и общества.

Ученые пришли к выводу, что люди, достигшие высокого уровня самоконтроля в своей жизни и деятельности, с большей вероятностью добьются выдающихся успехов. Однако люди, не обладающие высоким уровнем самоконтроля, лишены возможности добиться успеха в жизни и имеют множество проблем в поведении. Такие люди фактически сталкиваются с неприятными и негативными последствиями в своей жизни и деятельности из-за низкого уровня самоконтроля. В частности, лица, страдающие от такого рода зависимостей, склонны к злоупотреблению наркотиками, азартным играм и бессмысленным тратам, а также к другим рискам, угрожающим их здоровью и безопасности, и в результате совершают преступления и другие нарушения закона. По этой причине такой тип поведения называется формой проявлений личности преступников, который побуждает их искать объект и возможность совершения уголовного преступления.

Таким образом, лица, наделенные вышеупомянутыми деформированными психическими качествами при совершении преступного деяния, не испытывают внутреннего осуждения за свои поступки. Последнее, как элемент личных свойств, применимо не только к личности похитителя, но и к субъектам всех преступных деяний, что без учета которых невозможно привлечение лица к уголовной ответственности или признание его субъектом преступления.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что под криминологической характеристикой лица или группы лиц, совершивших похищение человека, следует понимать личность преступника или преступников, обладающую особой совокупностью социально-демографических, индивидуально-психологических, уголовно-правовых и морально-нравственных свойств, служащих основой возникновения преступных мотивов совершения деяния похищения человека.

В целом личность похитителя — это личность с криминальными наклонностями, деформированная т.е. находящаяся в значительной степени в социальной и моральной деградации.

Библиографический список

1. Кан И.Ю. Криминологическая характеристика личности преступника и жертвы похищения человека //Материалы ежегодной межвузовской научной конференции докторантов, магистрантов и студентов посвященной 20-летию Независимости Казахстана «Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики». —Алматы қаласы. —2011. —Выпуск I. — С. 117-137.
2. Ростокинский А.В., Шапиев Р.Н. Особенности криминологической характеристики личности преступника, совершившего похищение человека. Пробелы в российском законодательстве //Юридический журнал. 2018.— №3. — С. 289-292
3. Фрейеров О.Е. О так называемом биологическом аспекте проблемы преступности // Советское государство и право. —1996. —№ 10. —109-113.
4. Юридическая психология : учеб. пособие / А.Н. Пастушени, А.А. Урбанович ; Учреждение образования "Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь". — Минск : Академия МВД, 2015. — 203 с.

SOME CRIMINOLOGICAL PROPERTIES OF THE
"PERSONALITY OF THE KIDNAPPER"

Rahmonzoda Oston Dodarbeg

Applicant of the Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bahovaddinov
of the National Academy of Sciences of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Avenue, 33
tel.: (+992 37) 221-77-96; e-mail: www.ifppanrt.tj

This article analyzes some aspects of the criminological characteristics of the "kidnapper personality." The author notes that a "kidnapper" is a person with criminal tendencies, deformed, i.e., experiencing a significant degree of social and moral degradation.

It is concluded that the criminological profile of a kidnapper's personality has a specific set of socio-demographic, individual psychological, criminal-legal, and moral-ethical characteristics that underlie the emergence of criminal motives for committing an act of kidnapping.

Keywords: *kidnapper personality, cruelty, aggressiveness, disregard for others, egoism, licentiousness, risk-taking, greed, self-interest, lack of self-control*

БАЪЗЕ ХУСУСИЯТҲОИ КРИМИНОЛОГИИ "ШАХСИЯТИ ОДАМРАБО"

Раҳмонзода Остон Додарбег

Муҳаққиқи Институти фалсафа, сиёсатшиносӣ ва ҳуқуқи
ба номи А.Баҳоваддинови Академияи илмҳои Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33
Тел.: (+992 37) 221-77-96; e-mail: www.ifppanrt.tj

Дар ин мақола баъзе ҷанбаҳои хусусиятҳои криминологии "шахсияти одамрабо" таҳлил карда мешаванд. Муаллиф қайд мекунад, ки "одамрабо" шахсест, ки майлҳои ҷиноятӣ дорад, деформатсия шудааст, яъне дараҷаи назарраси пастравии иҷтимоӣ ва ахлоқиро аз сар мегузаронад.

Хулоса бароварда мешавад, ки симои криминологии одамрабо дорои маҷмӯи беназири хусусиятҳои иҷтимоӣ-демографӣ, психологии инфиродӣ, ҷиноятӣ-ҳуқуқӣ ва ахлоқӣ мебошад, ки ангеаҳои ҷиноятӣ содир кардани амали одамрабоиро дар бар мегиранд.

Калидвожаҳо *шахсияти одамрабо, бераҳмӣ, хушунат, безҳитиромӣ ба инсон, худхоҳӣ, бемасъулиятӣ, таваккал кардан, тамаъ, манфиатҷӯӣ, сустии ирода.*

УДК 343.98

ТИПИЧНЫЕ ИСХОДНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ ЭЛЕМЕНТАМИ ГЕРОИНОВОГО НАРКОТРАФИКА

Бобоев Умеджон Тохирович

Соискатель кафедры уголовного процесса
Академия Министерства внутренних дел Республики Таджикистан,
старший лейтенант милиции,
734012, г. Душанбе, ул. Мاستонгулов, 3.
Тел.: +7 991 249-32-55, e-mail: umedjonboboev777@mail.ru

Актуальность исследования обусловлена транснациональным характером героинового наркотрафика, цифровизацией способов незаконного сбыта наркотических средств и необходимостью адаптации криминалистического обеспечения расследования к сочетанию вещественных, оперативных, цифровых и финансовых данных. Научная новизна состоит в разработке расширенной классификации типичных исходных следственных ситуаций по делам о преступлениях, являющихся элементами героинового наркотрафика, учитывающей ситуации оперативной информации, интернет-факторы, трансграничность и смешанный характер исходных данных. Обоснована необходимость соотнесения каждого вида следственной ситуации с комплексом криминалистических версий о событии преступления, участниках организованной сети, маршрутах перемещения наркотических средств, цифровой инфраструктуре, финансовых потоках и возможном коррупционном обеспечении преступной деятельности. Предложен ситуационно-версионный алгоритм первоначального этапа расследования, предусматривающий одновременную проверку предметно-событийного, субъектно-организационного, маршрутно-финансового и цифрового блоков версий.

Ключевые слова: героин; наркотрафик; следственная ситуация; криминалистическая версия; опийная группа; оперативно-розыскная деятельность; цифровые следы.

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств опийной группы,

представляют собой сложный объект расследования, поскольку героин обычно включен в цепочку производства, транзита, перевозки, хранения, фасовки, сбыта и распределения доходов, с криминалистической точки зрения образующих группу однородных преступлений. Для России и Таджикистана эта проблема имеет общий источник: афганское и центральноазиатское направление поставок, но разные практические акценты. МВД России сообщило, что за январь-март 2026 г. по расследованным уголовным делам из незаконного оборота изъято 6,6 тонны наркотических средств,

психотропных веществ, их аналогов и сильнодействующих веществ¹. В Таджикистане по итогам 2025 г. зарегистрировано 1003 наркопреступления, изъято 5 тонн 280 кг наркотиков и пресечена деятельность 44 преступных групп².

На первоначальном этапе расследования встречаются ситуации задержания курьера или сбытчика с поличным, обнаружения тайника без установленного лица, получения агентурно-оперативной информации и выявления цифровых следов продажи наркотиков. В трудах В.Ю. Владимирова, Я.С. Карпова, А.В. Ковалёва и С.А. Сав-

¹ Статистические сведения о состоянии преступности в январе – марте 2026 года [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-yanvare-marte-2026-goda/> (дата обращения: 21.09.2026).

² Пресс-конференция по подведению итогов деятельности Агентства по контролю за наркотиками при

Президенте Республики Таджикистан за 2025 год [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <https://akn.tj/ru/2026/02/02/press-conference-on-the-summary-of-the-activities-of-the-drug-control-agency-under-the-president-of-the-republic-of-tajikistan-in-2025/> (дата обращения: 21.09.2026).

чука криминалистическая характеристика рассматривается как инструмент ситуационного анализа многокомпонентных процессов; это особенно значимо для наркопреступлений, где физическая логистика, цифровая координация и финансовые расчеты разделены между различными участниками или группами лиц¹.

Сходство уголовно-правовых оснований ответственности в России и Таджикистане создает предпосылки для сопоставимого криминалистического подхода: в России базовое значение имеют ст. 228, 228.1 и 229.1 УК РФ, в Таджикистане – ст. 200 и 289 УК РТ. Однако методика расследования не может ограничиваться исключительно формальным сравнением составов преступлений. Национальная стратегия Таджикистана на 2021-2030 годы выделяет контрабанду из Афганистана, интернет-торговлю и отмывание доходов как угрозы, требующие межведомственной координации; российская антинаркотическая стратегия также исходит из активности транснациональных преступных сообществ. Поэтому исходная следственная ситуация должна пониматься как динамичная информационная модель, определяющая набор первоначальных версий.

Первой типичной ситуацией является задержание с поличным. У курьера, водителя, пассажира, сбытчика, закладчика или хранителя обнаружен героин либо иное наркотическое сред-

ство опийной группы. Она относительно благоприятна, поскольку есть предмет преступления и лицо, предметно связанное с ним. Однако именно эта «очевидность» создает риск, что расследование сведется к доказательству факта изъятия, тогда как организатор, получатель партии и финансовые посредники остаются вне поля зрения. Поэтому обязательны версии о роли задержанного, источнике наркотика, маршруте, конечном получателе и вознаграждении.

Вторая ситуация – обнаружение героина при неизвестном преступнике, например, тайник, схрон, бесхозная партия, закладка, оборудованная полость автомобиля или товарная партия с маскировкой. Здесь отсутствует очевидный субъект, но вещественная следовая база может быть значительной. При этом водитель транспортного средства и владелец товарной партии (отправитель/получатель) являются потенциальными соучастниками наркопоставки. Следователь проверяет версии о подготовке к сбыту, временном хранении транзитной партии, утере груза курьером, изменении маршрута из-за риска задержания и связи находки с ранее выявленными эпизодами. Важны химическая экспертиза, анализ упаковки, дактилоскопия, геномные исследования, трасология и изъятие видеозаписей.

Третья ситуация имеет оперативно-прогностический характер и складывается до изъятия наркотика, когда имеются сведе-

ния о готовящейся поставке, действующей группе или конкретном маршруте. Здесь особое значение приобретают оперативно-розыскные версии: о реальности канала, времени поставки, составе группы, возможности контролируемой поставки, наличии коррупционного прикрытия, на основе которых формируется первоначальная следственная ситуация. Н.Р. Абдуллозода связывает эффективность противодействия наркотрафику с правовой основой взаимодействия органов внутренних дел Таджикистана и России прежде всего в сфере оперативно-розыскной деятельности².

Четвертая и пятая ситуации связаны соответственно с интернет-факторами и трансграничностью. Первая из них возникает при выявлении интернет-магазина, переписки в мессенджерах, координат закладок, криптовалютного кошелька или цифровой инструкции курьеру. Так, О.Ю. Введенская отмечает, что при сбыте наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационных технологий ключевое значение приобретают способ, личность субъекта и обстановка преступления³. Вторая возникает при получении сведений от компетентных органов другого государства, материалов международной операции или данных пограничного контроля. В таких делах наркотик, курьер, организатор, цифровой администратор и финансист могут находиться в разных юрисдикциях, что подразумевает комбинированный подход

¹ Владимиров В.Ю., Карпов Я.С. Криминалистическое обеспечение в системе организации расследования незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 18.

Ковалёв А.В., Владимиров В.Ю., Савчук С.А. Криминалистическая характеристика преступления – эффективный инструмент ситуационного анализа многокомпонентных процессов в современном мире // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина. М.: Проспект, 2018. С. 108.

² Абдуллозода Н.Р. Правовая основа взаимодействия органов внутренних дел Республики Таджикистан и органов внутренних дел Российской Федерации в сфере оперативно-розыскной деятельности по борьбе с незаконным оборотом наркотиков: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 153-154.

³ Введенская О.Ю. Особенности предварительного и первоначального этапов расследования незаконного сбыта наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022. С. 120-121.

как к выдвижению следственных версий, так и формированию следственных ситуаций.

С учетом изложенного предлагается классифицировать исходные следственные ситуации по делам о преступлениях, являющихся элементами героинового наркотрафика, на шесть групп:

- 1) задержание с поличным;
- 2) обнаружение наркотика при неизвестном субъекте;
- 3) ситуация оперативной информации;
- 4) ситуация интернет-факторов и цифровых следов;
- 5) трансграничная ситуация;
- 6) смешанная ситуация, где одновременно имеются вещественные, цифровые и оперативные данные.

Данная классификация развивает подходы В.А. Жбанкова, А.В. Табакова и О.С. Кайгородовой к типизации следственных ситуаций¹, но дополняет их признаками цифровизации сбыта, финансовой инфраструктуры и межгосударственной разобщенности участников.

Криминалистические версии должны соотноситься с указанными ситуациями. Традиционные версии (о событии преступления, наркотическом характере вещества, личности виновного, цели хранения и наличии умысла на сбыт) сохраняют базовое значение. Однако специфика наркотрафика требует дополнительных версий о транзитном маршруте и способе контрабанды, о структуре организованной сети, о цифровой координации, о финансовых потоках и возможном коррупционном обеспечении канала.

Версия о маршруте проверяется через транспортные документы, биллинг, геолокацию, сведения о пересечении границы, записи камер фото и видеофиксации, химический профиль вещества и признаки упаковки. Версия об организованной сети требует установления ролевых функций: организатор, финансист, поставщик, перевозчик, хранитель, фасовщик, интернет-администратор, закладчик и получатель дохода. Версия о финансовых потоках предполагает анализ наличных, переводов, электронных кошельков, криптовалютных операций, покупки имущества и переводов посредникам.

Отдельной должна быть версия о коррупционном прикрытии. Она выдвигается при наличии признаков утечки информации, повторяемости маршрута, необъяснимо легкого прохождения пограничного (таможенного) контроля, поддельных сопроводительных документов либо несоответствия груза декларации. В работах В.Ю. Владимиров и соавторов наркоугроза рассматривается как системное явление, поражающее не только здоровье населения, но и правовую среду². Поэтому проверка коррупционного элемента имеет криминалистически важное значение.

Практические проблемы начала расследования состоят в фрагментарной фиксации следов, позднем обращении к международному взаимодействию и недостаточной связи вещественных данных с цифровыми и финансовыми. Поэтому предлага-

ется внедрить ситуационно-версионный алгоритм: сразу формировать четыре обязательных блока версий – предметно-событийный, субъектно-организационный, маршрутно-финансовый и цифровой; обеспечивать экспресс-исследование вещества, сохранность электронных устройств, фиксацию аккаунтов и кошельков, а также направление запросов в компетентные органы смежных государств.

По данным UNODC, после запрета культивирования опийного мака в Афганистане объем производства резко сократился, но при этом сохраняются остаточные партии, запасы, альтернативные маршруты и тенденция перехода части криминального рынка к синтетическим наркотикам³. Для следователя это означает, что версии о происхождении героина, маршруте, запасах и смешанных каналах должны проверяться с учетом изменения цен, географии производства и усиления конспирации.

1. Предложена классификация типичных исходных следственных ситуаций начала расследования уголовных дел о преступлениях в сфере оборота наркотических средств опийной группы: задержание с поличным; неизвестный преступник; оперативная информация; интернет-факторы; трансграничная ситуация; смешанная ситуация. Классификация интегрирует и развивает доктринальные подходы и правоприменительную практику, учитывая цифровизацию наркобизнеса и трансграничность.

¹ Жбанков В.А., Табаков А.В. Типизация следственных ситуаций расследования наркопреступлений путем многоуровневого классифицирования // Вестник Российской таможенной академии. 2019. № 2. С. 63-72.

² Владимиров В.Ю., Рябцев А.А. Наркооружие – угроза мировому сообществу // Государственная служба. 2014. № 4 (90). С. 10.

Владимиров В.Ю., Каймак Е.В. Наркооружие – оружие массового поражения пролонгированного действия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12. № 3. С. 111-113.

³ United Nations Office on Drugs and Crime. Afghanistan Opium Survey 2025 [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghanistan_Opium_Survey_2025.pdf (дата обращения: 21.09.2026).

2. Показано, что помимо традиционных версий о событии преступления, личности виновного и целях хранения наркотика необходимо выдвигать дополнительные версии, обусловленные спецификой наркотрафика: о транзитных маршрутах и способах контрабанды, об организованной сети сбыта, о цифровой инфраструктуре, о финансовых потоках и о коррупционном обеспечении канала.

3. В разработке следственных ситуаций отмечена особая роль оперативно-розыскных версий,

которые позволяют на упреждение раскрывать межрегиональные и международные каналы, планировать контролируемые поставки, устанавливать организаторов и предотвращать распределение партии героина по розничной сети.

4. Для российской и таджикской практики целесообразно внедрить ситуационно-версионный алгоритм, предусматривающий одновременную проверку предметно-событийного, субъектно-организационного, маршрутно-финансового и цифрового блоков.

5. Разрешение текущих проблем требует развития практики формирования совместных следственно-оперативных групп, ускоренного обмена данными между компетентными органами России и Таджикистана, расширения цифровой криминалистики, финансовых расследований и криминалистического анализа наркотических партий.

Библиографический список

1. Абдуллозода Н.Р. Правовая основа взаимодействия органов внутренних дел Республики Таджикистан и органов внутренних дел Российской Федерации в сфере оперативно-розыскной деятельности по борьбе с незаконным оборотом наркотиков: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2022. – С. 153-154.
2. Введенская О.Ю. Особенности предварительного и первоначального этапов расследования незаконного сбыта наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2022. – С. 120-121.
3. Владимиров В.Ю., Каймак Е.В. Наркооружие – оружие массового поражения пролонгированного действия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2012. – Т. 12. № 3. – С. 111-113.
4. Владимиров В.Ю., Карпов Я.С. Криминалистическое обеспечение в системе организации расследования незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 10. – С. 18-21.
5. Владимиров В.Ю., Рябцев А.А. Наркооружие – угроза мировому сообществу // Государственная служба. – 2014. – № 4 (90). – С. 10-14.
6. Жбанков В.А., Табаков А.В. Типизация следственных ситуаций расследования наркопреступлений путем многоуровневого классифицирования // Вестник Российской таможенной академии. – 2019. – № 2. – С. 63-72.
7. Кайгородова О.С. Типичные следственные ситуации и планирование расследования преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2019. – № 4 (23). – С. 68-72.
8. Ковалёв А.В., Владимиров В.Ю., Савчук С.А. Криминалистическая характеристика преступления – эффективный инструмент ситуационного анализа многокомпонентных процессов в современном мире // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина. – М.: Проспект, 2018. – С. 108-113.
9. Пресс-конференция по подведению итогов деятельности Агентства по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан за 2025 год [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <https://akn.tj/ru/2026/02/02/press-conference-on-the-summary-of-the-activities-of-the-drug-control-agency-under-the-president-of-the-republic-of-tajikistan-in-2025/> (дата обращения: 21.09.2026).
10. Статистические сведения о состоянии преступности в январе – марте 2026 года [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-yanvare-marte-2026-goda/> (дата обращения: 21.09.2026).
11. United Nations Office on Drugs and Crime. Afghanistan Opium Survey 2025 [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghanistan_Opium_Survey_2025.pdf (дата обращения: 21.09.2026).

TYPICAL INITIAL INVESTIGATIVE SITUATIONS AND FORENSIC VERSIONS IN CASES OF CRIMES THAT ARE ELEMENTS OF HEROIN DRUG TRAFFICKING

Boboev Umedjon Tohirovich

Candidate of the Department of Criminal Procedure

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan,

Senior Police Lieutenant,

3 Mastongulov St., 734024, Dushanbe.

Tel.: +7 991 249-32-55, e-mail: umedjonboboev777@mail.ru

The relevance of the study is due to the transnational nature of heroin drug trafficking, the digitalization of methods of illicit drug trafficking and the need to adapt the forensic support of the investigation to a combination of physical, operational, digital and financial data. The scientific novelty consists in the development of an expanded classification of typical initial investigative situations in cases of crimes that are elements of heroin drug trafficking, taking into account operational information situations, Internet factors, cross-border nature and the mixed nature of the initial data. The necessity of correlating each type of investigative situation with a set of criminalistic versions about the crime event, participants in an organized network, routes of movement of narcotic drugs, digital infrastructure, financial flows and possible corrupt provision of criminal activity is substantiated. A situational-versioning algorithm of the initial stage of the investigation is proposed, which provides for simultaneous verification of the subject-event, subject-organizational, route-financial and digital blocks of versions.

Keywords: *heroin; drug trafficking; investigative situation; forensic version; opium group; operational search activity; digital traces.*

**ҲОЛАТҲОИ МАЪМУЛИИ ИБТИДОИИ ТАФТИШОТӢ ВА ФАРЗИЯҲОИ КРИМИНАЛИСТӢ ДАР
ПАРВАНДАҲОИ ҶИНОЯТҲОЕ, КИ УНСУРҲОИ ҚОЧОҚИ МАВОДИ МУҲАДДИР МЕБОШАНД**

Бобоев Умедҷон Тоҳирович

Унвонҷӯи кафедраи муруфияи ҷиноятии

Академияи Вазорати корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон,

лейтенанти калони милитсия,

734012, ш. Душанбе, кӯчаи Мастонгулов, 3.

Тел.: +7 991 249-32-55, e-mail: umedjonboboev777@mail.ru

Аҳамияти тадқиқот ба хусусияти трансмиллии қочоқи маводи муҳаддир, рақамикунонии усулҳои фурӯши ғайриқонунии маводи муҳаддир ва зарурати мутобиксозии таъмини криминалистии тафтишот ба омезиши маълумоти моддӣ, оперативӣ, рақамӣ ва молиявӣ вобаста аст. Навовариҳои илмӣ аз таҳияи таснифи васеи ҳолатҳои маъмулии тафтишотии ибтидоӣ оид ба парвандаҳои ҷиноятҳо иборат аст, ки унсурҳои қочоқи маводи муҳаддир мебошанд, ки вазъи иттилооти оперативӣ, омилҳои интернетӣ, трансмарзӣ ва хусусияти омехтаи маълумоти ибтидоиро ба назар мегиранд. Зарурати алоқамандии ҳар як намуди вазъияти тафтишотӣ бо маҷмӯи версияҳои криминалистӣ дар бораи ҳодисаи ҷиноят, иштирокчиени шабакаи муташаккил, хатсайрҳои интиқоли маводи муҳаддир, инфрасохтори рақамӣ, чараени молиявӣ ва таъмини эҳтимолии коррупсионии фаъолияти ҷиноятӣ асоснок карда шудааст. Алгоритми вазъиятӣ-версияи марҳилаи аввали тафтишот пешниҳод карда шудааст, ки ҳамзамон санҷиши предметӣ-воқеавӣ, субъективӣ-ташкilotӣ, масир-молиявӣ ва блокҳои рақамии версияҳоро пешбинӣ мекунад.

Калидвожаҳо: *героин; қочоқи маводи муҳаддир; вазъи тафтишотӣ; версияи криминалистӣ; гурӯҳи опиум; фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ; исти рақамӣ.*

УДК 341:325.1 (575.3)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВООБЕСПЕЧИТЕЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Соди́ков Шарба́тулло Джабо́рович

кандидат юридических наук, исследователь института государства и права
Национальной академии наук Таджикистана,
докторант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
МГИМО МИД России
Тел.: +79160959461; e-mail: sodikovsh@mail.ru

Статья посвящена исследованию правообеспечительного механизма при производстве процессуальных действий в Российской Федерации и Республике Таджикистан. В работе выявлены основные проблемы нормативного и правоприменительного характера, включая отсутствие легального определения следственных действий, недостаточную регламентацию порядка вызова участников процессуальных действий и отсутствие унифицированных подходов к использованию современных технических средств при их производстве. Особое внимание уделено проблеме формального характера реализации процессуальных гарантий, в частности разъяснения прав участников и применения средств фиксации процессуальных действий. Исследована роль судебного контроля в механизме обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. Обоснована необходимость повышения эффективности судебной проверки обоснованности ходатайств органов предварительного расследования и усиления превентивной функции судебного контроля при ограничении конституционных прав и свобод личности. Отдельное внимание уделено процессуальным аспектам использования цифровых технологий, включая производство действий в отношении электронных носителей информации и цифровых активов. По результатам исследования сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан, направленные на повышение правовой определенности, усиление процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства, расширение обязательной видеофиксации процессуальных действий и совершенствование судебного контроля.

Ключевые слова: правообеспечительный механизм; процессуальные действия; следственные действия; процессуальные гарантии; судебный контроль; конституционные права; цифровые технологии; электронные носители информации; цифровые активы; видеофиксация.

Без производства процессуальных действий не обходится ни одно уголовное дело. Так, по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации они представляют собой следственное, судебное или иное

действие, предусмотренное уголовно-процессуальным законом (п. 32 ст. 5). Соответственно, можно сделать вывод, что это многогранное понятие, включающее в себя не только следственные и судебные действия, но также среди прочего и проверочные действия, которые допустимо проводить на стадии возбуждения уголовного дела. Усматривается некоторое юридико-техническое упущение в Республике Таджикистан, поскольку в уголовно-процессуальном законодательстве данного государства не раскрывается что следует понимать, а, соответственно, и относить к процессуальным действиям. В настоящей

статье будет, прежде всего, сделан акцент на следственных действиях, поскольку именно они выступают «основным» инструментарием, применяемым в ходе предварительного расследования. В то же время встречается и ряд иных процессуальных действий, которые нельзя отнести однозначно к следственным действиям, но применяемых на данной стадии уголовного процесса.

Одним из существенных пробелов как в Российской Федерации, так и Республике Таджикистан видится отсутствие легальной дефиниции следственных действий, что создает различные теоретические дискуссии о том, какие все-таки действия рассмат-

ривать через призму следственных. Данный вопрос актуален по причине того, что в Российской Федерации и Республике Таджикистан применяется метод «доказывания через дозволение», суть которого, напомним, сводится к формуле: в доказывании запрещено все, что прямо не дозволено законодателем¹. Соответственно, такой метод проявляется через закрепленную на законодательном уровне системы следственных действий, которые выступают, по сути, единственным легитимным средством собирания доказательств. Задействование иных следственных действий, не предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, а также некий их симбиоз, недопустим².

Итак, в доктрине существуют различные подходы к пониманию следственных действий. Так, существует ограничительный, суть которого сводится к тому, что следственные действия – это только те действия, которые направлены на обнаружение, закрепление и изучение доказательств и сформулированы в законе как особой порядок их проведения³. Распространительный же подход проявляется в отождествлении, по сути, процессуальных и следственных действий⁴, без привязки к особой цели – собиранию доказательств. Нам импонирует первый вариант, поскольку не каждое процессуальное действие может быть

следственным, соответственно, у последнего должен быть набор специфических признаков, позволяющих его отграничить от смежных инструментов. Как раз, уместным видится выделение не только субъектного формального признака, что следственные действия уполномочены проводить следователи и дознаватели, но и более фундаментального, к которому, как представляется, обоснованно относить цель, которая заключается в формировании доказательств. Поэтому следственные действия могут быть определены обобщено как процессуальные действия, производимые уполномоченными субъектами, на основании, с соблюдением условий и в строго определенном уголовно-процессуальном законом порядке с целью собирания, проверки и оценки доказательств.

Согласимся, что следует сделать акцент не столько сколько на легальном определении дефиниции следственных действий, нежели на закреплении их перечня⁵. С академической позиции вопрос о системе следственных действий достаточно подробно рассмотрен⁶, вследствие чего предлагается лишь фрагментарно коснуться его, показав не утихающие до сих пор научные дискуссии относительно отдельных следственных действий. Наиболее ярким в обозначаемом контексте видится спор об отне-

сении назначения и производства судебной экспертизы к следственному действию. Мы разделяем позицию, что судебную экспертизу следует относить к следственному действию⁷, поскольку, во-первых, ее назначает должностное лицо, действующее *ex officio* (следователь, дознаватель) и направлена она на формирование доказательства в уголовном судопроизводстве, в строго определенном законом порядке. Слово «судебная» ни в коем случае не означает, что экспертизу уполномочен назначать исключительно судья либо ее проведение возможно только на судебной стадии. Это обусловлено теорией полноты судебной власти, что она проводится для суда и имеет доказательственное значение⁸. В уголовно-процессуальном законодательстве также выделяются отдельно и неотложные следственные действия, под которыми по УПК РФ понимаются действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования (п. 19 ст. 5). Возникает закономерный вопрос: какие следственные действия можно относить к неотложным? Весь перечень? Или только те,

¹ Головкин А.В. Материалы к построению сравнительного уголовно-процессуального права: источники, доказательств, предварительное производство / Труды Юридического факультета. Кн. 11. М.: Правоведение, 2009. С. 270.

² См.: абз. 2 п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 1.

³ Зинатулин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. С. 27.

⁴ См.: Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование. Организация. М.: Юридическая литература, 1970. С. 147-148.

⁵ Прохорова Е.А. Следственные действия: особенности правового регулирования важнейшего уголовно-процессуального понятия // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 160.

⁶ См.: Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. С. 63

⁷ См. об этом: Быков И.В. Производство судебной экспертизы в присутствии уголовно-процессуальных субъектов как следственное действие // Общество и право. 2007. № 4 (18). С. 217

⁸ См.: Головкин А.В. Судостроительство в узком и судостроительство в широком (теория полноты судебной власти) смыслах // Судостроительство и правоохранительные органы / под ред. А.В. Головкин: учебник. М.: Издательский дом «Городец», 2020. С. 14.

которые направлены на первоначальную фиксацию следов преступления (следственные осмотры, допросы и т.д.). По общему правилу к ним относят лишь те следственные действия, которые имеют признаки незамедлительности. В этой связи нет никакого смысла с практической стороны законодательно ограничивать перечень следственных действий, к которым можно проводить в условиях неотложности. Этот вопрос должен решаться правоприменителями в конкретной ситуации с учетом соразмерности ограничения прав участников уголовного судопроизводства.

В рассматриваемом контексте следует непосредственно рассмотреть концептуальные проблемы и особенности реализации правообеспечительного механизма при производстве следственных и иных процессуальных действий на стадии предварительного расследования, оставляя за скобками отдельные аспекты конкретных следственных действий. В качестве первой проблемы, влияющей на правообеспечение, видится *отсутствие соответствующей уголовно-процессуальной нормы, о форме и порядке вызова лиц для производства следственных и иных процессуальных действий*. Имеются лишь общие нормы (например, ст. 11 УПК РФ)¹, либо положения, которое применяется только к конкретному следственному действию. Речь идет о вызове на допрос (ст. 188 УПК РФ и ст. 198 УПК РФ). Исходя из

толкования указанных норм вытекает, что участник уголовного процесса вызывается на допрос повесткой, которая вручается под расписку непосредственно лицу, через третьих лиц либо передается с помощью средств связи. Если еще вручение под расписку вполне оправданно и проверяемо, то передача повестки с помощью средств связи вызывает некоторые вопросы, поскольку позволяет трактовать эту формулировку слишком широко. Так, по мнению В.О. Захаровой, «время не стоит на месте, появляются новые технологии и встает вопрос о правомерности вызова на допрос посредством СМС-сообщения; повестки, направленной по электронной почте; звонка по скайпу и т.п.»². В этой связи напрашивается вопрос: будет ли допустимым извещение через телефонный звонок с последующим составлением рапорта о его результатах? Как представляется, все зависит от объема и способа толкования. Если использовать ограничительное и системное толкование, ответ будет отрицательным, поскольку повестка облекается в форму документа, который должен быть передан, поскольку передать повестку устно выглядит крайне спорным (можно передать информацию, содержащуюся в повестке, но не саму повестку). Некоторые российские суды также допускают законность такой формы вызова³. Сложно согласиться с позиции

правообеспечительного механизма с позицией, что целесообразно дополнить процедуру обеспечения явки лиц в органы уголовного судопроизводства новой формой – устным вызовом посредством телефонных средств связи⁴, поскольку это может создать почву для злоупотреблений со стороны должностных лиц в виду непроверяемости уведомлений. В этой связи целесообразно оговорить, что такая повестка может быть направлена с помощью средств связи при условии подтверждения факта ее направления. В условиях постоянного развития технологий обоснованно направление повестки через программы для мгновенного обмена текстовыми сообщениями и мультимедиа⁵. Еще проблемой в этой сфере видится, что обжалование действий следователя или дознавателя относительно нарушения порядка вызова на допрос не всегда становится предметом судебного контроля по причине нераспространения статьи 125 УПК РФ на такие действия⁶. В любом случае следует предусмотреть общую норму как в УПК РФ, так и УПК РТ касательно формы и порядка вызова лиц для участия в конкретных следственных и иных процессуальных действиях.

Следующей проблемой стоит обозначить *формальное разъяснение прав участникам конкретного следственного или иного процессуального действия*. Перед производством каждого следственного действия

¹ См.: Дабига Т.Г. Процессуальные гарантии реализации полномочий адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2012. № 7. С. 128

² Захарова В.О. О способах вызова на допрос следователем // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 3 (13). С. 86.

³ См.: апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 14 февраля 2024 года по делу № 22-993/2024 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2026).

⁴ Асанов Р.Ш. Обеспечение следователем прав и законных интересов лиц при вызове в органы уголовного судопроизводства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 3 (74). С. 25.

⁵ См.: апелляционное постановление Калужского областного суда от 8 мая 2024 года по делу № УК-22-503/2024 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2026).

⁶ Апелляционное постановление Московского городского суда от 18 марта 2025 года по делу № 10-5842/2025 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2026).

должностное лицо, его производящее, императивно связан с разъяснением прав и обязанностей, а также ответственности со-ответствующих ее участников (ч. 6 ст. 164 и ч. 10 ст. 166 УПК РФ)¹. Как правило, в качестве последних выступают свидетели и потерпевшие. В этой связи целесообразно закрепить как в УПК РФ, так и УПК РТ нормы, которая обязывала бы следователя и дознавателя, производящего соответствующее следственное действие убедиться в понимании конкретным участником разъясненных ему прав. С целью исключения формального подхода даже в случае введенной нормы, думается, уместным будет выяснением следователем 2-3 контрольных вопросов участнику, а сама процедура будет зафиксирована на видеозапись, как и все следственное действие, о чем следует подробнее поговорить.

Придерживаясь скептического мнения на счет введения понятия электронных доказательств, это все же не означает, что не следует задействовать цифровые технологии в уголовном судопроизводстве. На сегодняшний день в уголовно-процессуальных законах России и Таджикистана имеются диспозитивные нормы о возможности их применения. Например, ч. 6 ст. 164 УПК РФ гласит, что «при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия

следов преступления и вещественных доказательств. Перед началом следственного действия следователь предупреждает лиц, участвующих в следственном действии, о применении технических средств». Соответственно, этот вопрос отдается на дискреционное усмотрение должностного лица. Однако, введение императивного требования о видеозаписи каждого следственного действия может сделать прозрачной процедуру его проведения, а также оптимизировать проверяемость. Безусловно, здесь следует учесть много организационно-правовых и процессуальных аспектов². Обоснованно определить в УПК РФ и термин «видеозапись», под которым понимают совокупность технических средств, обеспечивающих запись визуальной информации и ее звукового сопровождения³. Таким образом, видеозапись станет обязательной для каждого следственного действия, наряду с протоколом его производства, что оптимизирует правообеспечительный механизм на данной стадии по аналогии с судебным заседанием, где согласно ч. 1 ст. 259 УПК РФ помимо «традиционного» протокола ведется также протоколирование с использованием средств аудиозаписи (аудиопротоколирование).

В контексте объема понятия технических средств и его соотношение с правообеспечительным механизмом уместным видится вопрос об определении за-

конности применения полиграфа в ходе следственного действия. Очевидно, что полиграф может рассматриваться как техническое средство, поскольку отвечает соответствующим критериям⁴. Однако, проблема заключается в другом, во-первых, является ли заключение полиграфолога доказательством, а, во-вторых, если да, то к какому виду доказательств стоит его отнести? Правоприменительная практика идет по-разному пути на этот счет, либо отрицает вовсе доказательственное значение, либо рассматривает такое заключение как заключение эксперта⁵ или заключение специалиста, либо вовсе оценивает как вещественное доказательство⁶. Как представляется, ограничивать его применение в уголовном судопроизводстве в условиях постоянного развития технологий вряд ли целесообразно. Между тем следует сделать акцент на верифицируемости результатов его проведения, а не только к формальному отнесению такого заключения к тому или иному виду уголовных доказательств. Это не означает, что вопрос о месте заключения полиграфолога в системе доказательств не имеет значения, просто, на наш взгляд, он более второстепенен по сравнению с первым. Несмотря на имеющийся незыблемый принцип свободной оценки доказательств, этот принцип не следует рассматривать изолированно, поскольку такая свобода ограничивается конкретными видами доказательств. Как

¹ См.: Овчинников Ю.Г. Разъяснение прав и обязанностей участникам уголовного процесса в досудебном производстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 25.

² См.: Глушков М.Р. Совершенствование правового и методического обеспечения видеозаписи при производстве следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 44

³ Он же. Фиксация хода и результатов следственного действия: проблема новых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 12. С. 162.

⁴ См.: Апостолова Н.Н. Применение полиграфа в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 65.

⁵ Такой подход также вытекает из ведомственных правовых актов, обозначая его как психофизиологическое исследование в отношении лица с применением полиграфа (см.: Приказ МВД России от 29 июня 2005 года № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 35).

⁶ См.: Комиссарова Я.В. Проблемные аспекты использования полиграфа при расследовании преступлений (анализ судебной практики) // Российский следователь. 2025. № 11. С. 7.

представляется, этот вопрос нуждается в дополнительном теоретическом и практическом осмыслении, прежде чем на него ответить с высокой степенью уверенности.

Третьей проблемой, которая носит системный характер при производстве следственных и иных процессуальных действий на стадии предварительного расследования, является *недостаточность судебного контроля*, которую иногда юристы отождествляют с декоративностью¹. Очевидно, что отсутствие *de facto* состязательности на досудебном производстве следует компенсировать активизацией судебно-контрольных процедур², которые образуют так называемые «островки состязательности»³. Это объясняется тем, что суды в рамках судебного контроля чаще всего отказывают в удовлетворении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ участников уголовного судопроизводства⁴. Действительно, проанализировав 148 ходатайств о производстве различных следственных действий, требующих *ex ante* получение судебного разрешения, можно сказать, что суды редко отказывают в их санкционирова-

нии, а формулировки, содержащиеся в соответствующих постановлениях, почти идентичны формулировкам из этих ходатайств. Скорее всего, это обусловлено тем, что законодательство недостаточно определяет пределы проверки судом доводов следователя (дознателя) и критерии оценки обоснованности соответствующих ходатайств, что может снижать эффективность судебного контроля как элемента правообеспечительного механизма.

Не решает проблемы и последующий судебный контроль (*ex post*), в случаях, когда то или иное следственное действие, требующее судебного санкционирования, проводилось в случаях не терпящих отлагательства (например, ч. 5 ст. 165 УПК РФ)⁵. Прежде всего согласимся, что «не урегулирована и сама процедура рассмотрения судом ходатайств, жалоб и уведомлений о проведенных следственных действиях в условиях неотложности и признания доказательств недопустимыми»⁶. Однако, высшим российским судебным органом отмечалось, что при наличии такого ходатайства и стороне защиты, и

иным лицам, чьи интересы затронуты следственным действием, должна быть гарантирована возможность принимать участие в проверке судом законности этого следственного действия по правилам ч. 5 ст. 165 УПК РФ, а также обжаловать принятый по результатам проверки судебный акт⁷.

На этот случай И.А. Петрухин отмечал, что если все или почти все ходатайства следственных органов суд удовлетворяет, то зачес в таком случае судебный контроль?⁸ Между тем, это никоим образом, не означает, что суды в рамках судебного контроля не реагируют на факты нарушения⁹, просто-напросто следует сделать такой контроль более эффективным, а не формальным в ряде случаев. Довольно неурегулированным является механизм компенсации морального вреда в связи с проведением в жилище конкретного следственного действия¹⁰. Имеются неразрешенные проблемы в регуляции обыска в отношении адвоката, в случаях, не терпящих отлагательства¹¹.

В последнее время приобрела актуальность рассуждения как среди ученых, так и практиков, относительно необходимости

¹ Приходько И.А., Бондаренко А.В., Столяренко В.М. Уголовное преследование как средство разрешения экономического спора: что не так в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах. М.: Международные отношения, 2021. С. 234.

² Ендольцева А.А. Судебно-контрольная процедура по принятию решения о досудебном производстве следственных и иных процессуальных действий как эффективный механизм защиты прав участников уголовного судопроизводства // Российский судья. 2022. № 4. С. 44.

³ Бурмагин С.В. Метаморфозы состязательности уголовных производств по делам судебного контроля // Lex russica. 2020. № 2. С. 52.

⁴ См.: Мельников В.Ю. Необходимо ли возвращаться к вопросу адвокатского расследования? // Адвокатская практика. 2015. № 4. С. 4.

⁵ Замараев В.И. Проблемы и перспективы неотложных следственных действий в современном толковании // Российский следователь. 2025. № 7. С. 18.

⁶ Антонович Е.К. К вопросу о полномочиях суда при признании доказательств недопустимыми в досудебном производстве // Российский следователь. 2025. № 4. С. 15.

⁷ См.: п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 года № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2026).

⁸ Петрухин И.А. Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-розыскной деятельностью // Уголовное право. 2007. № 2. С. 92.

⁹ См.: апелляционное постановление Ивановского областного суда от 06.07.2020 № 22К-1167/2020 по делу № 3/6-3/2020 // Богатырев Д.В., Ендольцева А.В. Механизм преодоления злоупотребления правом в досудебном уголовном производстве // Закон. 2024. N 4. С. 21 - 31.

¹⁰ Мяззель О.А. Компенсация морального вреда в связи с проведением в жилище обыска, выемки, признанных судом незаконными // Российский судья. 2024. N 3. С. 8 – 12.

¹¹ Хмыров Р.В. Обыск в отношении адвоката в случаях, не терпящих отлагательства // Адвокатская практика. 2024. N 1. С. 29.

получения судебного решения на осмотр электронного носителя информации, в том числе его содержимого. То есть речь идет о ситуациях, когда следователь осуществляет выемку, допустим, смартфона с тем, чтобы осмотреть переписку, содержащегося в определенном мессенджере. Встает естественный вопрос: следует ли получать судебное решение на ее осмотр в силу закрепленного конституционного принципа тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. В Российской Федерации сформировалась достаточно спорная и противоречивая позиция на этот счет. Так, с одной стороны, Конституционный Суд Российской Федерации еще раз обратил внимание, что любые сведения, составляющие тайну телефонных переговоров и иных сообщений, могут быть получены только на основании судебного решения¹. С другой стороны, более поздние позиции конституционного органа сместились в сторону снижения гарантий участников уголовного процесса, поскольку если электронный носитель информации был законно изъят должностным лицом, производящим расследование и признан вещественным доказательством, его осмотр допускается в порядке статей, предусмотренном ст. 176-177 УПК РФ без получения отдельного судебного решения². Считаем, что все же осмотр следователем переписки составляет инвазивное действие, которое существенно образом вторгается

в права на неприкосновенность тайны переписки лиц, у которых соответствующие носители изъяты. В этой связи обоснованно высказываются ученые, что «современная система правового регулирования доступа к сведениям о частной коммуникации граждан не учитывает стремительных тенденций развития цифровых технологий и все еще находится в первом десятилетии двухтысячных годов, когда электронные устройства не содержали в себе огромный спектр личной информации о человеке. Все это приводит к мысли о необходимости совершенствования имеющихся и введения дополнительных гарантий защиты такой информации, в том числе в сфере уголовно-процессуальных отношений»³. Тем более не стоит забывать об профессиональной этике должностных лиц, производящих конкретное следственное действие⁴, когда на электронном носителе обнаруживается довольно «чувствительная информация» (например, интимные фотографии и т.д.). Недопустимо делиться такой информацией с иными лицами. Любое ограничение должно быть соразмерно. Как высказался профессор И.Н. Кондрат «специфика ограничения прав и свобод заключается в его законодательном санкционировании; основанием ограничения могут служить только цели, сформулированные в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ; ограничение прав и свобод личности представляет собой не уменьшение объема целостности качественной определенности

этих прав, а ограничение условий и возможностей притязать на них причем само ограничение может допускаться лишь как временная мера, так как в РФ не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина»⁵.

Еще одной проблемой выступает *недостаточность гарантий при привлечении переводчиков для производства следственных и иных процессуальных действий*. По УПК РФ и УПК РТ есть общее требование к переводчикам для участия их в уголовном судопроизводстве, которое заключается в свободном владении языками необходимыми для осуществления перевода. Результаты опроса свидетельствуют о том, что должностные лица, осуществляющие предварительное расследование, при решении вопроса о наличии компетентности у переводчика в большинстве случаев руководствуются документами об их квалификации, представленными последними. Некоторыми учеными отмечается, что «единственным способом достоверного подтверждения квалификации судебного переводчика может быть только сдача им квалифицированного экзамена. Для организации приема такого экзамена предлагается создать квалифицированные комиссии при территориальных органах юстиции в субъектах Российской Федерации. В состав квалификационной комиссии должно входить равное число представителей территориального органа юстиции, представителей научного

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 года № 25-П // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2026).

² См.: определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 года № 189-О; от 17 июля 2018 года № 1955-О; от 28 ноября 2019 года № 3205-О; от 24 июня 2021 года № 1364-О; от 27 июня 2023 года № 1773-О // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL:

<https://online.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2026).

³ Осипов А.А. Защита права граждан на неприкосновенность их частных коммуникаций в уголовном судопроизводстве: национальный и зарубежный аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 1. С. 135.

⁴ См.: Москалькова Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания. М., 1996. С. 21.

⁵ Кондрат И.Н. Права человека и уголовно-процессуальный закон (досудебное производство). М.: Юстицинформ, 2012. С. 96.

сообщества, специализирующихся в области перевода и переводоведения, судебных переводчиков, ранее включенных в Единый государственный реестр судебных переводчиков в любом субъекте Российской Федерации или лиц, имеющих документ государственного образца об образовании или квалификации, подтверждающий владение языками, в отношении которых проводятся квалификационный экзамен»¹. Очевидно, что данное предложение теоретически выглядит рациональным и обоснованным, но может ли оно быть претворено в реальность, с позиции организационных и финансовых вопросов? Например, как оперативно организовать участие переводчика в отдаленных районах Российской Федерации? И будут ли приниматься экзамены по так называемым «специфическим» языкам (малочисленных народов, редких диалектов, сомалийский, непальский и т.д.)? Более того, следует также учитывать, что перевод ординарных текстов существенно отличается от перевода юридических текстов, вследствие чего поддерживаем мнение, что «для перевода письменных процессуальных документов, содержащих юридическую терминологию необходимо приглашать переводчиков, специализирующихся на двустороннем переводе юридических текстов, имеющих особые лингвистические и другие признаки»².

Также в описанных выше уголовно-процессуальных законах отсутствуют нормы о порядке вызова переводчика для участия в следственном действии. Так, по

меткому наблюдению профессора С.П. Щербы в УПК РФ содержится лишь бланкетная норма (ч. 2 ст. 59) о том, что вызов переводчика и порядок его участия в уголовном судопроизводстве определяется ст. 169 и 263 УПК РФ. Однако в названных статьях нет даже упоминания о процедуре и форме вызова переводчика к дознавателю, следователю, прокурору и в суд»³. Соответственно, вопросы участия переводчика в следственных действиях законодательно по сей день надлежащим образом не урегулированы.

В рассматриваемом контексте не стоит обходить стороной и проблему *участия понятых при производстве следственных и иных процессуальных действий в ходе предварительного расследования*. В отличие от УПК РФ, который после изменений 2013 года ориентирован на постепенное замещение участия понятых обязательной технической фиксацией отдельных следственных действий, УПК Республики Таджикистан в большей степени сохраняет традиционную модель института понятых. Это ставит вопрос о том, какая из моделей в большей степени обеспечивает права участников уголовного судопроизводства: участие независимых свидетелей либо объективная техническая фиксация хода и результатов процессуальных действий. С одной стороны, обязательная видеофиксация следственного действия позволит избежать различных организационных вопросов с поиском понятых и их последу-

ющим вывозом для участия в судебном разбирательстве. Но с другой, современная правоприменительная практика складывается таким образом, когда требование о фиксации выполняется формально, поскольку это требование детально не регламентировано в УПК РФ. Так, в ч. 3 ст. 170 УПК РФ говорится, что в случае производства следственного действия без участия понятых применяются технические средства фиксации его хода и результатов, вследствие чего следователи, допустим, при производстве осмотра или обыска делают лишь обзорную фотографию места, где такое следственное действие производится. В подобных ситуациях участие понятых, как представляется, было бы более эффективно. В одном из своих работ А.В. Устинов приводит интересный разговор, состоявшийся в 1999 году с шефом полиции г. Черлтон (США), который просил рассказать ему что-нибудь интересное из российского уголовного процесса, так как ранее на территории своего города он внедрил институт «российских понятых», то есть везде, где это было возможно, он брал с собой представителей общности (понятых), которые в суде подробно рассказывали о том, что и как делали полицейские. По его мнению, это существенно повысило уровень допустимости доказательств, так как кроме рассказа полицейского о том, как проводилось то или иное действие, о том же самом рассказывал посторонний человек, не заинтересованный в исходе дела⁴. Данный фрагмент означает, что институт понятых

¹ Ларин А.А., Обидин Л.Б. Участие переводчика в суде и на досудебных стадиях процесса: проблемы и пути их решения // Вестник Нижегородского университета им. Н.Н. Лобачевского. 2016. № 3. С. 145.

² Милославская Д. Трудности семантической интерпретации юридического текста // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 46.

³ Щерба С.П. Переводчик в российском уголовном процессе: Научно-практическое пособие. М.: Изд-во «Экзамен», 2005. С. 82.

⁴ Устинов А.В. Взаимодействие органов предварительного следствия Российской Федерации с уполномоченными субъектами иностранных государств в целях получения доказательств по уголовному делу: монография / под науч. ред. докт. юрид. наук А.Г. Волеводза. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 27.

может быть востребован, и от него не стоит отказываться с целью обеспечения прозрачности производства следственных и иных процессуальных действий. Думается, наиболее уместным будет «поголовное» использование видеосъемки при производстве следственных действий, а приглашения понятых, поскольку именно использование технических средств позволит нивелировать и другую взаимосвязанную с первой проблему – это формальный характер участия понятых.

Немаловажным аспектом стоит обозначить проблему *применения принуждений при производстве следственных и иных процессуальных действий в ходе предварительного расследования*. В России и Таджикистане предусмотрен основополагающий правообеспечительный принцип уголовного процесса, согласно которому никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жесткому или унижающему человеческое достоинство обращению (ч. 2 ст. 9 УПК РФ и ч. 2 ст. 10 УПК РТ). Между тем это не означает, что с целью получения доказательств нельзя применять меры принуждения, но главное, чтобы они отвечали требованиям законности и соразмерности. Особо остро стоит вопрос о применении мер процессуального принуждения при получении образцов для сравнительного исследования или освидетельствования в ситуациях конфронтации между следователем (дознавателем) и соответствующим участником уголовного процесса. Например, подозрева-

емый отказывается в добровольном порядке предоставить образцы крови. В связи с чем возникает вопрос: допустимо ли в принудительном порядке изъять такие образцы? Если да, то каким образом? Не будет ли это расценено как жесткое или унижающее человеческое достоинство обращение? Будет ли это расцениваться как нарушение привилегии против самообвинения? Основное правило ввел Европейский Суд по правам человека по итогам рассмотрения жалобы «Саундерс против Соединенного Королевства»¹, согласно которому право не свидетельствовать против себя не исключает возможность применения мер процессуального принуждения для получения доказательств, существующих независимо от воли лица (образцы крови, ДНК, документы и т.д.). Уже в 2006 году ЕСПЧ, рассматривая дело «Яллох против Германии»² ввел тест, благодаря которому существует критерии оценки допустимости применения физического принуждения для получения доказательств, а именно:

- была ли мера необходимой;
- была ли она соразмерной преследуемой цели;
- существовали ли менее инвазивные способы получения доказательств;
- представляла ли процедура опасность для жизни или здоровья лица;
- какова была степень физического и психического воздействия;
- соблюдались ли медицинские гарантии при проведении процедуры.

В дальнейшем данный вопрос

был предметом рассмотрения и Конституционного Суда Российской Федерации в определении от 24 сентября 2013 № 1297-О³, где было указано, что Основной закон Российской Федерации не исключает возможность проведения процессуальных действий, связанных с ограничением личной неприкосновенности, а при получении образцов запрещено применять методы, опасные для жизни и здоровья человека либо унижающие его честь и достоинство. В недавнем времени Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил данную позицию⁴.

Также неразрешенным до сих пор видится вопрос *о необходимости судебного санкционирования осмотра места происшествия в жилище при отсутствии согласия проживающих в жилище лиц*. Так, А.П. Коротков и А.В. Тимофеев сформировали на это отрицательную позицию, обосновав ее тем, что «согласно ч. 1 ст. 176 УПК РФ, такие следственные действия, как осмотр места происшествия и осмотр жилища, "разведены" и имеют самостоятельное процессуальное содержание, которое определяет порядок из производства. Для осмотра жилища требуется судебное решение, а для осмотра места происшествия – нет. Поэтому в тех случаях, когда место происшествия является жилищем, то оно осматривается по правилам осмотра места происшествия без получения судебного решения и может быть произведено на основании ч. 2 ст. 176 УПК РФ до возбуждения уголовного

¹ Постановление ЕСПЧ от 17 декабря 1996 года «Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства» (жалоба № 19187/91) // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М.: Норма, 2000. С. 309-338.

² Постановление ЕСПЧ от 11 июля 2006 года по делу «Яллох (Jalloh) против Германии» (жалоба № 54810/00) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 2.

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 1297-О // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2026).

⁴ См.: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2022 года № 2183-О // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2026).

дела»¹. Как представляется, такие «схоластические хитрости» не совсем отвечают духу закона, особенно учитывая непогрешимое конституционное правило о неприкосновенности жилища, а также действующий механизм судебного санкционирования *ex post* в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Очевидно, что последующий судебный контроль, с одной стороны, может увеличить и так постоянно возрастающую в нынешних условиях нагрузку на судей и тем самым снизить эффективность судебной системы, но с другой стороны, будет соблюден конституционный принцип, а также уголовно-процессуальная форма и обеспечены права и законные интересы проживающих в жилище лиц.

В условиях постоянного роста использования цифровых носителей информации в преступных целях, а также аккумуляции на последних доказательно значимой информации возникла потребность в регуляции особенностей производства следственных действий с ними, которые повлекли некоторые проблемы с позиции правообеспечительного механизма. Отчасти мы уже рассмотрели некоторые из них, в частности о необходимости получения судебного решения на осмотр содержимого электронного носителя, особенно переписки. Отнюдь, существуют и другие проблемы. В последнее время в Российской Федерации сформировалась тенденция использования уголовно-репрессивных механизмов в отношении субъектов, осуществляющих

предпринимательскую и иной экономический вид деятельности². В этой связи в ст. 5 УПК РФ появились даже определения, что следует понимать под преступлениями, совершенными индивидуальными предпринимателями в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности (п. 27.1) и преступления, совершенные членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению данной организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности. Одной из существенных проблем видится изъятие электронных носителей информации у субъектов экономической деятельности, в результате чего «блокируется» дальнейшая их деятельность. С целью исключения злоупотреблений появилась уголовно-процессуальная норма (ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ), которая запрещает у таких лиц необоснованное изъятие электронных носителей информации. Между тем предусмотрены исключения, которые описаны в ст. 164.1 УПК РФ, но, которые в то же время, не разрешены до сих пор. Прежде всего не раскрывается легальная дефиниция «электронных носителей информации», что, соответственно, порождает ряд вопросов. Допустим, смартфон будет охватываться этим понятием? Или флэш-карта? Судебная практика зачастую не относит их к

электронным носителям информации, а ведомственные документы отдельных правоохранительных органов придерживаются диаметрально противоположной позиции³. А от этого зависит, в том числе обязательно ли привлекать специалиста к производству следственного действия или нет.

Актуальным в последнее время стал вопрос *об изъятии цифровых валют в ходе производства следственных действий*. Отсутствие в УПК РФ соответствующей регуляции может негативно сказаться на правообеспечительном механизме, поскольку не определены основания, условия и порядок изъятия, а, соответственно, «придуманные» практикой механизмы могут подорвать действующие уголовно-процессуальные гарантии. Позитивным в этом плане видится принятие в России ст. 164.2 УПК РФ⁴, которая предписывает изъятие цифровой валюты с участием специалиста, а если доступ к ней обеспечивается посредством материального носителя (например, аппаратный кошелек) такой носитель подлежит изъятию. В то же время при наличии технической возможности цифровая валюта переводится на специальный адрес-идентификатор для обеспечения ее сохранности. В протоколе фиксируются вид цифровой валюты, ее количество, адреса-идентификаторы и иные сведения, позволяющие идентифицировать операцию. При этом изъятая цифровая валюта хранится в порядке, который установлен Правительством

¹ Коротков А.П., Тимофеев А.В. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ: Комментарий. М.: Издательство «Экзамен», 2004. С. 290-291.

² См. об этом: Сидоренко Э.А., Клевцов К.К. Уголовное преследование по делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности (вопросы и ответы): научно-практический комментарий: учебное пособие / под ред. А.Г. Волеводза. М.: Прометей, 2021. С. 72

³ См.: Клевцов К.К. Некоторые особенности производства следственного осмотра по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 2. С. 90.

⁴ Федеральный закон от 20 февраля 2026 года № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 8. Ст. 773.

Российской Федерации¹. Данная российская уголовно-процессуальная норма была введена относительно недавно, вследствие чего практика только формируется, но имеется ряд вопросов, на которые уже обращают практикующие юристы². Но это не исключает ситуации, связанные с изъятием цифровой валюты у третьих лиц, которые «косвенным» образом связаны с расследуемым преступлением. Также приведенная норма не предусматривает механизмы дистанционного изъятия цифровой валюты, к примеру, когда она находится за рубежом. В таком случае, видимо, следует обращаться к инструментам международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, прежде всего к направлению запросов об оказании взаимной правовой помощи, учитывая законодательство и

практику иностранных государств³. В контексте производства следственных действий за рубежом особо остро стоит вопрос защиты прав человека, которые исследованы в отечественной литературе крайне скудно. Особенно при расследовании совместной (международной) следственной группой⁴, оказании консульской правовой помощи по уголовным делам, в ходе применения видео-конференц-связи⁵, а также при производстве экстратерриториальных следственных действий⁶ и иных современных направлений международно-правового сотрудничества⁷.

Резюмируя изложенное выше, стоит сформировать выводы, что в ходе исследования выявлены системные нормативные пробелы в регулировании производства

процессуальных действий и обеспечении прав их участников в Российской Федерации и Республике Таджикистан. Обоснована необходимость совершенствования процессуальных гарантий, включая порядок разъяснения прав, применение средств видеофиксации и осуществление судебного контроля. Особое внимание уделено правовому регулированию процессуальных действий с цифровыми объектами и электронными носителями информации. Предложенные направления совершенствования направлены на повышение правовой определенности и обеспечение баланса между интересами уголовного преследования и конституционными правами личности.

Библиографический список:

1. Абдуллозода П.С. Теоретические и практические подходы к международному сотрудничеству в сфере уголовного процесса в постсоветских государствах: дис. ... д-ра юрид. наук. – Душанбе, 2023. – 350 с.
2. Ализаде Ф. Э. Международно-правовое регулирование совместных (международных) расследований по уголовным делам // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 2. – С. 294-306.
3. Антонович Е.К. К вопросу о полномочиях суда при признании доказательств недопустимыми в досудебном производстве // Российский следователь. – 2025. – № 4. – С. 14-18.
4. Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 6 июля 2020 года, №22К-1167/2020 по делу № 3/6-3/2020.
5. Апелляционное постановление Калужского областного суда от 8 мая 2024 года по делу № УК-22-503/2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2026).
6. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 14 февраля 2024 года по делу № 22-993/2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2026).

¹ См.: постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2026 года № 808 «Об утверждении Правил хранения, перевода и учета цифровой валюты при осуществлении уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 27. Ст. 3720.

² См.: Ежеченко Д.Б. Криптовалюта как предмет преступления и средство его совершения: правовой статус и особенности расследования // Уголовный процесс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ugpr.ru/article/2149-kriptovalyuta-kak-predmet-prestupleniya?ysclid=msmzdtu99583483227> (дата обращения: 01.07.2026).

³ См.: Противодействие криптовалютным преступлениям в зарубежных странах: учебное пособие / под ред. докт. юрид. наук, проф. А.Г. Волеводза. М.: Юрлитинформ, 2025. С. 65

⁴ См: Ализаде Ф.Э. Международно-правовое регулирование совместных (международных) расследований по уголовным делам // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 2. С. 295.

⁵ См.: Архипова Е.А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 88

⁶ Клевцов К.К. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: теоретико-правовые основы. М.: Международные отношения, 2024. С. 90.

⁷ См.: Абдуллозода П.С. Теоретические и практические подходы к международному сотрудничеству в сфере уголовного процесса в постсоветских государствах: дис. ... д-ра юрид. наук. Душанбе, 2023. С. 102.

7. Апелляционное постановление Московского городского суда от 18 марта 2025 года по делу № 10-5842/2025 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2026).
8. Апостолова Н.Н. Применение полиграфа в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. – 2012. – № 6. – С. 64-66.
9. Архипова Е.А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 198 с.
10. Асанов Р.Ш. Обеспечение следователем прав и законных интересов лиц при вызове в органы уголовного судопроизводства // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 3 (74). – С. 22-26.
11. Бурмагин С.В. Метаморфозы состязательности уголовных производств по делам судебного контроля // Lex russica. – 2020. – № 2. – С. 44-62.
12. Быков И.В. Производство судебной экспертизы в присутствии уголовно-процессуальных субъектов как следственное действие // Общество и право. – 2007. – № 4 (18). – С. 215-218.
13. Глушков М.Р. Совершенствование правового и методического обеспечения видеозаписи при производстве следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 246 с.
14. Глушков М.Р. Фиксация хода и результатов следственного действия: проблема новых технологий // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 12. – С. 159-163.
15. Головкин А. В. Материалы к построению сравнительного уголовно-процессуального права: источники, доказательства, предварительное производство // Труды юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Кн. 11. – М.: «Правоведение», 2009. – С. 227-360.
16. Головкин А.В. Судостроительство в узком и судостроительство в широком (теория полноты судебной власти) смыслах // Судостроительство и правоохранительные органы / под ред. А.В. Головкин: учебник. – М.: Издательский дом «Городец», 2020. – 768 с.
17. Дабига Т.Г. Процессуальные гарантии реализации полномочий адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. – 2012. – № 7. – С. 125-132.
18. Ежеченко Д. Б. Криптовалюта как предмет преступления и средство его совершения: правовой статус и особенности расследования [Электронный ресурс] // Уголовный процесс. Режим доступа: URL: <https://www.ugpr.ru/article/2149-kriptovalyuta-kak-predmet-prestupleniya> (дата обращения: 01.07.2026).
19. Ендольцева А.А. Судебно-контрольная процедура по принятию решения о досудебном производстве следственных и иных процессуальных действий как эффективный механизм защиты прав участников уголовного судопроизводства // Российский судья. – 2022. – № 4. – С. 42-46.
20. Замараев В.И. Проблемы и перспективы неотложных следственных действий в современном толковании // Российский следователь. – 2025. – № 7. – С. 16-20.
21. Захарова В.О. О способах вызова на допрос следователем // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2016. – № 3 (13). – С. 84-88.
22. Зинатулин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. – Ижевск: «Изд-во Удм. ун-та», 1993. – 178 с.
23. Клевцов К.К. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: теоретико-правовые основы. – М.: «Международные отношения», 2024. – 432 с.
24. Клевцов К.К. Некоторые особенности производства следственного осмотра по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2021. – № 2. – С. 88-91.
25. Комиссарова Я.В. Проблемные аспекты использования полиграфа при расследовании преступлений (анализ судебной практики) // Российский следователь. – 2025. – № 11. – С. 5-10.
26. Кондрат И.Н. Права человека и уголовно-процессуальный закон (досудебное производство). – М.: «Юстицинформ», 2012. – 320 с.
27. Коротков А.П., Тимофеев А.В. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ: Комментарий. – М.: Издательство «Экзамен», 2004. – 573 с.
28. Ларин А.А., Обидин Л.Б. Участие переводчика в суде и на досудебных стадиях процесса: проблемы и пути их решения // Вестник Нижегородского университета им. Н.Н. Лобачевского. – 2016. – № 3. – С. 143-147.
29. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование. Организация. – М.: «Юридическая литература», 1970. – 224 с.
30. Мельников В.Ю. Необходимо ли возвращаться к вопросу адвокатского расследования? // Адвокатская практика. – 2015. – № 4. – С. 3-8.
31. Милославская Д. Трудности семантической интерпретации юридического текста // Российская юстиция. – 2000. – № 3. – С. 45-47.
32. Москалькова Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания. – М.: «Спарк», 1996. – 125 с.

33. Мядзелец О.А. Компенсация морального вреда в связи с проведением в жилище обыска, выемки, признанных судом незаконными // Российский судья. – 2024. – № 3. – С. 8-128.
34. Овчинников Ю.Г. Разъяснение прав и обязанностей участникам уголовного процесса в досудебном производстве: монография. – М.: «Юрлитинформ», 2015. – 195 с.
35. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, № 1297-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2026).
36. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2022 года, № 2183-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2026).
37. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 года, № 189-О; от 17 июля 2018 года, № 1955-О; от 28 ноября 2019 года, № 3205-О; от 24 июня 2021 года, № 1364-О; от 27 июня 2023 года, № 1773-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2026).
38. Осипов А.А. Защита права граждан на неприкосновенность их частных коммуникаций в уголовном судопроизводстве: национальный и зарубежный аспекты // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 1. – С. 124-135.
39. Петрухин И.А. Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-розыскной деятельностью // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 91-94.
40. Постановление ЕСПЧ от 11 июля 2006 года по делу «Яллох (Jalloh) против Германии» (жалоба № 54810/00) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 2.
41. Постановление ЕСПЧ от 17 декабря 1996 года «Сандерс (Saunders) против Соединенного Королевства» (жалоба № 19187/91) // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. – М.: «Норма», 2000. – С. 309-338.
42. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 года, № 25-П [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2026).
43. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 года, № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2026).
44. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 1.
45. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2026 года № 808 «Об утверждении Правил хранения, перевода и учета цифровой валюты при осуществлении уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 27. Ст. 3720.
46. Приходько И.А., Бондаренко А.В., Столяренко В.М. Уголовное преследование как средство разрешения экономического спора: что не так в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах. – М.: «Международные отношения», 2021. – 912 с.
47. Противодействие криптовалютным преступлениям в зарубежных странах: учебное пособие / под ред. докт. юрид. наук, проф. А.Г. Волеводза. – М.: «Юрлитинформ», 2025. – 504 с.
48. Прохорова Е.А. Следственные действия: особенности правового регулирования важнейшего уголовно-процессуального понятия // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 1. – С. 158-161.
49. Сидоренко Э.Л., Клевцов К.К. Уголовное преследование по делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности (вопросы и ответы): научно-практический комментарий: учебное пособие / под ред. А.Г. Волеводза. – М.: «Прометей», 2021. – 229 с.
50. Судостроительство и правоохранительные органы / под ред. А.В. Головки: учебник. – М.: Издательский дом «Городец», 2020. – 768 с.
51. Уголовное дело № 01-0438/2019, находящееся в производстве Чертановского районного суда г. Москвы [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2026).
52. Уголовный процесс России и стран Европы: сравнительно-правовое исследование: монография / под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. – М.: «Проспект», 2023. – 280 с.
53. Устинов А.В. Взаимодействие органов предварительного следствия Российской Федерации с уполномоченными субъектами иностранных государств в целях получения доказательств по уголовному делу: монография / под науч. ред. докт. юрид. наук А.Г. Волеводза. – М.: «Юрлитинформ», 2014. – 200 с.

54. Федеральный закон от 20 февраля 2026 года № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 8. Ст. 773.
55. Хмыров Р.В. Обыск в отношении адвоката в случаях, не терпящих отлагательства // Адвокатская практика. – 2024. – № 1. – С. 28-32.
56. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М.: «Юрлитинформ», 2001. – 208 с.
57. Щерба С.П. Переводчик в российском уголовном процессе: Научно-практическое пособие. – М.: Изд-во «Экзамен», 2005. – 416 с.

IMPLEMENTATION OF THE MECHANISM FOR ENSURING LEGAL RIGHTS DURING PROCEDURAL ACTIONS AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE

Sodikov Sharbatullo Jaburovich

candidate of legal sciences, researcher at the institute of state and law
National academy of sciences of Tajikistan
doctoral student at the department of criminal law
criminal procedure and criminalistics of MGIMO of the MFA of Russia
Тел.: +79160959461; e-mail: sodikovsh@mail.ru

This article examines the mechanism for safeguarding rights during the conduct of procedural actions in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. It identifies key regulatory and law-enforcement challenges, including the lack of a statutory definition for subsequent actions, insufficient regulation regarding the summoning of participants in procedural actions, and the absence of unified approaches to the use of modern technical tools during such proceedings. Particular attention is paid to the formalistic implementation of procedural safeguards specifically, the notification of participants regarding their rights and the use of methods to record procedural actions. The study analyzes the role of judicial oversight in the mechanism for protecting the rights of participants in criminal proceedings. It substantiates the need to assess the effectiveness and validity of actions taken by preliminary investigation bodies and to strengthen the preventive function of judicial oversight when constitutional rights and freedoms are restricted. Special emphasis is placed on the procedural aspects of using digital technologies, including actions involving electronic storage media and digital assets. Based on the findings, the article proposes improvements to the criminal procedural legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan aimed at enhancing legality, strengthening procedural safeguards for participants in criminal proceedings, expanding the mandatory video recording of procedural actions, and improving judicial oversight.

Keywords: *legal enforcement mechanism; procedural actions; investigative actions; procedural safeguards; judicial oversight; constitutional rights; digital technologies; electronic storage media; digital assets; video recording.*

АМАЛИСОЗИИ МЕХАНИЗМИ ҲУҚУҚТАЪМИНКУНӢ ҲАНҒОМИ ГУЗАРОНИДАНИ АМАЛӢОИ МУРОФИАВӢ ДАР МАРӢИЛАИ ТАФТИШИ ПЕШАКӢ

Содиқов Шарбатулло Ҷабборович,
номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, ходими илмӣ Институти давлат ва ҳуқуқи
Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон,
докторанти кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, мурофияи ҷиноятӣ ва криминалистикаи
(МГИМО)-и ВКХ Россия
Тел.: +79160959461; e-mail: sodikovsh@mail.ru

Мақола ба таҳқиқи механизми таъмини ҳуқуқ ҳангоми анҷом додани амалҳои мурофиявӣ дар Федератсияи Россия ва Ҷумҳурии Тоҷикистон бахшида шудааст. Дар таҳқиқот мушкилоти асосии меъёрӣ ва ҳуқуқатбиқкунӣ муайян карда шудаанд, аз ҷумла набудани мафҳуми қонунии амалҳои тафтишӣ, нокифоя танзим гардидани тартиби даъвати иштирокчиёни амалҳои мурофиявӣ ва мавҷуд набудани тартиби ягонаи истифодаи воситаҳои техникии муосир ҳангоми гузаронидани амалҳои тафтишӣ. Диққати махсус ба масъалаи расмӣ будани татбиқи кафолатҳои мурофиявӣ, аз ҷумла фаҳмондани ҳуқуқҳои иштирокчиёни мурофияи ҷиноятӣ ва истифодаи воситаҳои техникии сабти амалҳои мурофиявӣ, равона шудааст. Нақши назорати судӣ дар механизми таъмини ҳуқуқҳои иштирокчиёни мурофияи ҷиноятӣ мавриди таҳқиқот қарор дода шудааст. Зарурати баланд бардоштани самаранокии назорати судӣ аз болои асоснокии дархостҳои мақомоти тафтиши пешакӣ, инчунин тақвият бахшидани вазифаи

пешгирикунандаи он ҳангоми маҳдуд намудани ҳуқуқу озодиҳои конституционии шахс асоснок карда шудааст. Диққати махсус ба ҷанбаҳои муҳофизатии истифодаи технологияҳои рақамӣ, аз ҷумла анҷом додани амалҳои муҳофизатӣ нисбат ба воситаҳои электронии нигоҳдории иттилоот ва дороиҳои рақамӣ равона карда шудааст. Аз рӯи натиҷаҳои таҳқиқот пешниҳодҳо оид ба тақмили қонунгузори муҳофизатии ҷиноятии Федератсияи Россия ва Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳия гардиданд, ки ба таъмини муайянии ҳуқуқӣ, таҳкими кафолатҳои муҳофизатии иштирокчиёни муҳофизатии ҷиноятӣ, васеъ намудани ҳолатҳои ҳатмии сабти видеои амалҳои муҳофизатӣ ва тақмили назорати судӣ равона шудаанд.

Калидвожаҳо: механизми таъмини ҳуқуқ; амалҳои муҳофизатӣ; амалҳои тафтишӣ; кафолатҳои муҳофизатӣ; назорати судӣ; ҳуқуқҳои конституционӣ; технологияҳои рақамӣ; ҳомилҳои электронии иттилоот; дороиҳои рақамӣ; сабти видеоӣ.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аминова Фарида Махмадаминовна

Доктор юридических наук, доцент,

зав. кафедрой международного права и сравнительного правоведения
Российско-Таджикский (Славянский) университет.

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсун-заде, д.30.

Тел.: (+992) 2273986, farida.aminova.2016@mail.ru

Статья посвящена исследованию правовых основ международной и национальной безопасности в условиях современных вызовов и угроз. Рассматривается взаимосвязь международно-правовых механизмов обеспечения безопасности с национальным законодательством государств. Особое внимание уделяется роли международного права, принципам суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела и мирного разрешения международных споров. Анализируются основные направления совершенствования правовых механизмов обеспечения безопасности на международном и национальном уровнях. Обосновывается необходимость согласования национальных правовых норм с общепризнанными принципами и нормами международного права в целях эффективного противодействия современным угрозам.

Ключевые слова: международная безопасность, национальная безопасность, международное право, национальное законодательство, правовые основы, международные отношения, суверенитет, безопасность государства, международные угрозы.

Соотношение международной и национальной безопасности представляет собой сложную систему взаимосвязей между внутренней и внешней политикой государства, основанную на принципе взаимной зависимости и ответственности. Международная безопасность — это состояние защищённости мирового сообщества от угроз, которые могут подорвать мир, стабильность и устойчивое развитие гос-

ударств. Она обеспечивается через систему международных договоров, институтов и норм, направленных на предотвращение конфликтов, разоружение, коллективные меры по поддержанию мира и сотрудничество между государствами. Национальная безопасность, в свою очередь, представляет собой состояние защищённости жизненно важных интересов государства, его суверенитета, территориальной целостности, прав и свобод граждан от внешних и внутренних угроз. Как отмечается в специальной литературе «можно с уверенностью говорить о том, что обеспечение национальной безопасности связывается прежде всего с состоянием благополучия государства и его граждан»¹.

На национальном уровне в Таджикистане действует закон РТ «О безопасности» от 28 июня 2011 года №721.

Для Республики Таджикистан соотношение международной и национальной безопасности

имеет особое значение, учитывая её геополитическое положение, протяжённую границу с Афганистаном и участие в региональных союзах безопасности. Национальная безопасность Таджикистана не может быть изолирована от международных процессов: внешние угрозы, такие как транснациональный терроризм, незаконный оборот наркотиков, экстремизм, киберугрозы и миграционные вызовы, оказывают прямое влияние на внутреннюю стабильность государства. Поэтому обеспечение национальной безопасности Таджикистана органически связано с участием в системе международной и региональной безопасности.

Основным документом, определяющим стратегические приоритеты, является Концепция национальной безопасности Республики Таджикистан, утверждённая с учётом международных обязательств государства. В ней подчёркивается, что укрепление национальной безопасности невозможно без активного

¹ Шарифзода Ф. Р. Угрозы национальной безопасности Республики Таджикистан: понятие, классификация // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. №4 (58). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-natsionalnoy-bezopasnosti-respubliki-tadzhikistan-ponyatie-klassifikatsiya> (дата обращения: 06.11.2025).

участия страны в международных механизмах обеспечения мира и стабильности. Таджикистан является членом Организации Договора о коллективной безопасности, Шанхайской организации сотрудничества, ООН и других структур, в рамках которых реализуются совместные меры по противодействию терроризму, экстремизму и незаконному обороту наркотиков.

Таким образом, международная и национальная безопасность взаимодополняют друг друга. Международная безопасность создаёт общие рамки стабильности и правовые механизмы, которые позволяют Таджикистану укреплять собственную национальную безопасность, опираясь на международное сотрудничество и поддержку. В то же время реализация национальной политики безопасности способствует выполнению международных обязательств страны и укрепляет региональную стабильность. Гармоничное взаимодействие этих двух уровней безопасности обеспечивает устойчивое развитие государства, защиту его суверенитета и участие в построении системы коллективной безопасности в Центральной Азии.

Международные договоры как основа регулирования в сфере безопасности занимают центральное место в системе современного международного права. Именно договоры устанавливают обязательные для государств нормы поведения, определяют права и обязанности участников международных отношений, а также создают правовую основу для коллективных действий по предотвращению и урегулированию конфликтов. В сфере международной безопасности договоры регулируют такие вопросы, как поддержание международного мира, разоружение, нераспространение оружия массового уничтожения, борьба с международным терроризмом и транснациональной

преступностью, а также развитие мер доверия между государствами.

Для Республики Таджикистан участие в международных договорах в области безопасности является одним из ключевых направлений внешней политики. После обретения независимости в 1991 году Таджикистан последовательно присоединился к основным международным договорам, регулирующим вопросы мира, стабильности и безопасности. Государство подтвердило приверженность принципам Устава ООН и активно участвует в реализации его положений.

Особое значение имеют международные обязательства Таджикистана в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), к которой республика присоединилась в 1993 году. Договор о коллективной безопасности предусматривает взаимную помощь государств-участников в случае угрозы или акта агрессии, а также совместные меры по укреплению обороноспособности и борьбе с терроризмом. В контексте нестабильной ситуации в сопредельных странах, прежде всего в Афганистане, участие в ОДКБ играет важную роль в обеспечении национальной и региональной безопасности Таджикистана.

Значительный вклад в укрепление безопасности вносит сотрудничество Таджикистана в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Государства-члены этой организации реализуют международные договоры и соглашения, направленные на борьбу с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков и оружия. На территории Душанбе действует Исполнительный комитет Региональной антитеррористической структуры ШОС, что подчёркивает стратегическое значение Таджикистана

в обеспечении безопасности Центральной Азии.

Кроме того, Таджикистан является участником многих универсальных договоров ООН, касающихся борьбы с терроризмом, наркотрафиком, торговлей людьми, отмыванием доходов, полученных преступным путём. Республика также ратифицировала международные конвенции по нераспространению оружия массового уничтожения и разоружению. Присоединение к этим документам свидетельствует о стремлении Таджикистана укреплять международную законность, выполнять принципы коллективной ответственности и активно участвовать в формировании безопасного международного порядка.

Таким образом, международные договоры служат правовой основой политики безопасности Таджикистана, интегрируя национальные интересы в систему глобальной и региональной безопасности. Они обеспечивают государству возможность участвовать в совместных мерах по поддержанию мира, получать международную поддержку в противодействии транснациональным угрозам и способствуют укреплению национального суверенитета через сотрудничество на основе международного права и взаимного доверия.

Устав Организации Объединённых Наций является фундаментом всей системы международной безопасности. Он закрепляет запрет на применение силы в международных отношениях, обязывает государства разрешать споры мирными средствами и устанавливает коллективные механизмы действий Совета Безопасности по поддержанию мира. Важное значение имеют также такие договоры, как Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 года, Конвенция о запрещении химического оружия 1993 года, Договор о всеобъемлющем запрещении

ядерных испытаний, а также различные соглашения в рамках региональных организаций.

Устав Организации Объединённых Наций занимает центральное место в системе международного права и является основополагающим документом, определяющим правовые основы международной безопасности. Принятый в 1945 году, он заложил принципы коллективной безопасности, согласно которым сохранение мира и предотвращение агрессии стали обязанностью всего международного сообщества. Устав не только установил универсальные нормы, регулирующие поведение государств, но и создал институциональные механизмы для их реализации, прежде всего – Совет Безопасности ООН, наделённый исключительной ответственностью за поддержание международного мира и безопасности. Как отмечает И.И. Лукашук, анализируя точку зрения Г.К. Ефимова «Совет Безопасности занимает уникальное положение не только в ООН, но и во всей системе международных организаций»¹.

Ключевыми положениями Устава являются запрет на угрозу силой и её применение в международных отношениях (статья 2, пункт 4), обязанность государств разрешать международные споры мирными средствами (статья 2, пункт 3), а также право Совета Безопасности принимать обязательные решения, направленные на предотвращение конфликтов и устранение угроз миру. В случае агрессии или угрозы миру Совет Безопасности вправе применять как меры, не связанные с применением вооружённой силы –экономические и политические санкции (статья 41), –так и военные меры (статья 42). Таким образом, Устав ООН

стал юридической основой международной системы коллективной безопасности, определив правомерные формы действий международного сообщества при нарушении мира.

Особое значение для развития права международной безопасности имеют резолюции Совета Безопасности ООН. Они конкретизируют положения Устава, содержат обязательные для государств нормы поведения и создают прецеденты международно-правовой практики. Через резолюции Совет Безопасности вводит санкционные режимы, направляет миротворческие миссии, утверждает международные трибуналы и координирует борьбу с глобальными угрозами, такими как терроризм, распространение оружия массового уничтожения и киберпреступность. В современных условиях именно резолюции Совета Безопасности выступают инструментом оперативного реагирования на кризисные ситуации и отражают динамику развития международного права в сфере безопасности.

Республика Таджикистан, являясь членом ООН с 1992 года, строго следует принципам и целям, закреплённым в Уставе. Для Таджикистана Устав ООН представляет собой не только источник международно-правовых обязательств, но и основу внешнеполитической деятельности, направленной на укрепление мира и безопасности в Центральной Азии. Государство поддерживает инициативы Совета Безопасности по борьбе с терроризмом, экстремизмом и незаконным оборотом наркотиков, участвует в реализации международных резолюций, касающихся региональной стабильности.

Особую актуальность для Таджикистана имеют резолюции

Совета Безопасности, направленные на противодействие международному терроризму, прежде всего резолюции № 1373 (2001) и № 1624 (2005), которые предусматривают обязательства государств по предотвращению финансирования террористической деятельности, обмену информацией и укреплению правовых механизмов борьбы с экстремизмом. Эти документы легли в основу национального законодательства Таджикистана в сфере противодействия терроризму и способствовали укреплению взаимодействия страны с международными и региональными структурами безопасности.

Таким образом, Устав ООН и резолюции Совета Безопасности являются краеугольными элементами международного права безопасности. Они формируют правовые рамки, в пределах которых государства, включая Таджикистан, осуществляют свою политику в сфере мира и стабильности. Их значение заключается не только в установлении универсальных норм и принципов, но и в обеспечении механизмов коллективных действий, которые позволяют международному сообществу эффективно реагировать на угрозы глобальной и региональной безопасности.

Роль ООН в обеспечении международной безопасности отражена в основных направлениях её деятельности

1. Предупреждение конфликтов, которое заключается в анализе ситуации, раннее предупреждение, дипломатия. Секретариат и Совет Безопасности получают информацию, Генеральный секретарь может вынести на рассмотрение СБ вопрос, угрожающий миру.

2. Миротворчество, посредничество, заключается в оказа-

¹ Лукашук И.И. Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. - Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. - С.48.

нии помощи в переговорах, прекращении огня, заключении мирных соглашений.

3. Операции по поддержанию мира заключаются в наблюдении за районами конфликта, поддержка соглашений о прекращении огня, защита гражданских лиц.

4. Устойчивый мир и постконфликтное восстановление, заключающийся в создании условий для стабильности: реформа институтов безопасности, верховенство закона, демобилизация боевиков, разминирование.

5. Усиление правовой основы, судебная, полицейская, контроль над вооружениями и др.

6. Принятие миротворческих и санкционных решений на уровне Совета Безопасности, который может принимать обязательные резолюции, вводить санкции, разрешать использование силы (глава VII Устава).

Итак, Совет Безопасности определяет наличие угрозы миру, может принимать решение о введении санкций или о военном вмешательстве, Департамент миротворческих операций

(DPO) управляет миссиями в зонах конфликтов. Управление по верховенству закона и институтам безопасности ООН (OROLSI) помогает государствам восстанавливать полицию, судебную систему, проводить разоружение, демобилизация и реинтеграцию.

В системе международного права ООН обеспечивает поддержку норм мирного разрешения споров, контроля над применением силы, поддержки институтов, на которые опирается безопасный международный порядок.

Библиографический список

1. Лукашук И.И. Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. - Изд. 3-е, перераб. и доп. - М.: Волтерс Клувер, 2005. - 432 с.
2. Шарифзода Ф. Р. Угрозы национальной безопасности Республики Таджикистан: понятие, классификация // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2021. - №4 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-natsionalnoy-bezopasnosti-respubliki-tadzhikistan-ponyatie-klassifikatsiya> (дата обращения: 06.11.2025).

LEGAL FOUNDATIONS OF INTERNATIONAL AND NATIONAL SECURITY

Aminova Farida Mahmadaminovna

Doctor of Law, Associate Professor,
head Department of International Law and Comparative Law
Russian-Tajik (Slavonic) University.
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30.
Tel.: (+992) 2273986, e-mail: farida.aminova.2016@mail.ru

The article examines the legal foundations of international and national security in the context of contemporary challenges and threats. It considers the relationship between international legal mechanisms for ensuring security and the national legislation of states. Particular attention is paid to the role of international law and the principles of sovereignty, territorial integrity, non-interference in internal affairs, and peaceful settlement of international disputes. The article analyzes the main directions for improving legal mechanisms of security at the international and national levels. The necessity of harmonizing national legal norms with generally recognized principles and norms of international law is substantiated in order to effectively respond to contemporary security threats.

Keywords: *international security, national security, international law, national legislation, legal foundations, international relations, sovereignty, state security, international threats.*

АСОСҶОИ ҲУҚУҚИИ АМНИЯТИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ ВА МИЛЛӢ

Аминова Фарида Махмадаминовна

доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент,
мудири кафедраи ҳуқуқи байналмилалӣ ва ҳуқуқшиносии муқоисавӣ
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. М.Турсунзода, 30.
Тел.: (+992) 2273986, e-mail: farida.aminova.2016@mail.ru

Мақола ба таҳқиқи асосҳои ҳуқуқи амнӣ байналмилалӣ ва миллӣ дар шароити таҳдидҳо ва ҷолишҳои муосир бахшида шудааст. Дар он робитаи механизмҳои байналмилалӣ ҳуқуқи таъмини амнӣ ба қонунгузори миллии давлатҳо баррасӣ мегардад. Диққати махсус ба нақши ҳуқуқи байналмилалӣ, принципҳои соҳибхитӣ, тамомияти арзӣ, даҳолат накардан ба қорҳои дохилӣ ва ҳалли озоиштаи баҳсҳои

байналмилалӣ равона шудааст. Самтҳои асосии тақмили механизмҳои ҳуқуқии таъмини амният дар сатҳи байналмилалӣ ва миллӣ таҳлил гардида, зарурати мутобиқ намудани меъёрҳои ҳуқуқии миллӣ ба принципҳо ва меъёрҳои эътирофшудаи ҳуқуқи байналмилалӣ барои муқовимати самаранок ба таҳдидҳои мусир асоснок карда мешавад.

Калидвожаҳо: *амнияти байналмилалӣ, амнияти миллӣ, ҳуқуқи байналмилалӣ, қонунгузори миллӣ, асосҳои ҳуқуқӣ, муносибатҳои байналмилалӣ, соҳибхитиёрӣ, амнияти давлат, таҳдидҳои байналмилалӣ.*

УДК 341

УДК 341.01:341.223

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ВОЕННОПЛЕННЫХ

Мансуров Умед Абдуфаттохович

кандидат юридических наук, доцент

доцент кафедры международного и сравнительного правоведения

Российско-Таджикский (Славянский) университет.

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30.

Тел.: (+992) 935820240, E-mail: umister47@gmail.com

Настоящая научная статья посвящена теме правовой защиты одного из покровительствуемых лиц Женевских конвенций о защите жертв вооруженных конфликтов 1949 года - военнопленных. Проведен правовой анализ положений международных договоров, прежде всего, Третьей Женевской конвенции об обращении с военнопленными, предусматривающих защиту данной категории лиц в международных вооруженных конфликтах. В статье также анализируются нормы уголовного законодательства Республики Таджикистан, предусматривающие наказание на военные преступления в отношении военнопленных.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, военнопленные, Женевские конвенции, интернирование.

Актуальность выбранной темы настоящей научной статьи определяется тем, что в современном мире растет число вооруженных конфликтов, в том числе международных, в которых, прежде всего, страдают их жертвы — раненые, больные, гражданские лица и, конечно же, военнопленные - лица из состава

вооруженных сил и формирований, «попавшие во власть неприятеля».¹

Следует отметить, что правила и обычаи, регулирующие порядок захвата, содержания под стражей и обращения с военнопленными, формировались на протяжении многих веков. Их становление основывалось на различных культурных традициях, религиозных предписаниях и нравственно-этических принципах, существовавших в разных цивилизациях, в том числе в исламской цивилизации. Исламское право обязывает относиться к пленным гуманно и уважительно. Их надлежит обеспечивать пищей и питьевой водой, при необходимости — одеждой, а также ограждать от зноя и холода и защищать от жестокого обращения. Например, Коран предписывает мусульманам делиться с пленными тем же пропитанием, что есть у них самих, даже вопреки собственному желанию.²

Вместе с тем процесс международно-правовой кодификации норм, регулирующих обращение с военнопленными и другие вопросы ведения войны, получил активное развитие лишь в XVIII–XIX веках. Этому способствовали формирование постоянных вооруженных сил и включения положения о защите военнопленных в свои военные наставления и руководства. Показательным примером раннего договорного регулирования обращения с военнопленными являются соглашения, заключенные в период Наполеоновских войн. Так, Соединённое Королевство и Франция заключили соглашение, предусматривавшее возможность посещения военнопленных представителями держав-покровительниц, а также оказания пленным дополнительной продовольственной помощи.

Изменяющийся характер ведения военных действий, технический прогресс, увеличивающийся размер армий и масштабы

¹ Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными, ст.4 // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_3.shtml (дата обращения 5.06.2026).

² «Они дают пищу беднякам, сиротам и пленникам, несмотря на то, что она желанна и для них самих» // Коран, сура 76; аят 8. Режим доступа: <https://quran-online.ru/76:8>. (дата обращения 30.05.2026).

войн привели к тому, что все больше людей захватывали в плен во время вооруженных конфликтов начала XX века, особенно во время Первой мировой войны, когда было захвачено в плен от 7 до 8 миллионов солдат.

После Первой мировой войны, на основе общих принципов, выработанных X Международной конференцией Красного Креста и Красного Полумесяца, в 1929 году была принята Вторая Женевская конвенция об обращении с военнопленными, которая существенно расширила и конкретизировала Гаагское Положение о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года.

Конвенция состояла из 80 статей, закрепивших комплекс новых международно-правовых гарантий защиты военнопленных. В частности, в ней были предусмотрены запрет репрессалий и коллективных наказаний, а также детальная регламентация порядка привлечения военнопленных к труду, наряду с другими нормами, направленными на обеспечение их гуманного обращения и правовой защиты, а также о признании роли Международного Комитета Красного Креста (МККК). Участниками Второй Женевской конвенции 1929 г. в момент начала Второй мировой войны были 47 государств. СССР не подписал конвенцию.

В ходе Второй мировой войны мир стал свидетелем жестокого обращения и даже убийства военнопленных, в отношении них применялись коллективные казни, пытки и голод.¹ С пленными обращались по-разному в зависимости от их национальности и от того, какое государство держало их в плену, а в

конце войны репатриация пленных надолго затягивалась. Например, по некоторым оценкам во Франции еще в 1947 г. было 630 тыс. немецких военнопленных.²

После Второй мировой войны в Женеве были созваны несколько конференций, на которых обсуждались подготовительные материалы и первые проекты новых конвенций. Итогом этой нормотворческой деятельности стало то, что 12 августа 1949 г. официальные делегации 59 государств на Дипломатической конференции приняли тексты четырех Женевских конвенций о защите жертв вооруженных конфликтов. Третья из них была посвящена обращению с военнопленными.

Третья Женевская конвенция 1949 (далее – ЖК III) устанавливает правовой режим защиты военнослужащих и иных категорий лиц, определенных ее положениями, которые во время международного вооруженного конфликта оказываются во власти неприятельской стороны. Таким лицам предоставляется статус военнопленных и гарантируется комплекс прав и гарантий, предусмотренных международным гуманитарным правом. Кроме того, Конвенция существенно расширяет роль гуманитарных организаций, признавая особый статус Международного комитета Красного Креста (МККК) в сфере защиты военнопленных. Наряду с этим она закрепляет право МККК на посещение военнопленных (ст.126 ЖК III) и создает правовую основу для создания Национального справочного бюро по делам военнопленных (ст.122 ЖК III) и деятельности

Центрального справочного агентства (ст.123 ЖК III).³

Следует подчеркнуть, что лишение свободы военнопленных не носит карательного характера и не является наказанием за участие в боевых действиях. Цель интернирования заключается исключительно в предотвращении дальнейшего их участия в вооруженном конфликте. Именно этот фундаментальный принцип определяет содержание и правовую природу режима защиты, установленную Третьей Женевской конвенцией.

Ст. 13 Конвенции требует гуманного обращения с военнопленными, которое предполагает признание и уважение человеческого достоинства каждого пленного как неотъемлемого свойства личности. В этих целях запрещается причинение физических увечий, проведение медицинских либо научных экспериментов, применение насилия, угроз, запугивания и оскорбительного обращения. Кроме того, Конвенция возлагает на государства обязанность обеспечивать защиту военнопленных от “любопытства толпы”. Значимость этого требования существенно возросла в условиях цифровой эпохи, когда благодаря современным средствам массовой коммуникации и социальным сетям изображения, видеоматериалы и комментарии могут практически мгновенно распространяться по всему миру.

Военнопленные имеют право на помещение, питание и одежду. Они помещаются в строениях или бараках, представляющих всевозможные гарантии гигиены и здоровья. Помещения должны быть вполне защищены

¹ The Handbook of International Humanitarian Law, 3rd ed., Oxford University Press, Oxford, 2013. P. 362.

² Обновленный Комментарий МККК к Женевской конвенции III: новый инструмент для защиты военнопленных в XXI веке // [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://international-review.icrc.org/ru/articles/updated-icrc-commentary-](https://international-review.icrc.org/ru/articles/updated-icrc-commentary-third-geneva-convention-new-tool-protect-prisoners-war-twenty)

[third-geneva-convention-new-tool-protect-prisoners-war-twenty](https://international-review.icrc.org/ru/articles/updated-icrc-commentary-third-geneva-convention-new-tool-protect-prisoners-war-twenty) (дата обращения 1.06.2026).

³ См.: Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_3.shtml (дата обращения 5.06.2026).

от сырости, в достаточной степени отоплены и освещены. Должны быть приняты меры предосторожности против пожара (ст. 25 ЖК III). Конвенция возлагает на держащую в плену державу обязанность обеспечивать военнопленных основным суточным рационом питания, который должен быть достаточным по количеству, качеству и разнообразию, а также предоставлять им питьевую воду в объеме, необходимом для удовлетворения физиологических потребностей (ст. 26 ЖК III). Ст. 27 требует, чтобы держащая в плену держава выдавала военнопленным одежду, белье и обувь.

Каждый лагерь для военнопленных должен иметь свой собственный лазарет, чтобы заботиться о здоровье пленных (ст. 15 ЖК III). Для профилактики заболеваний Конвенция также предусматривает обязанность держащей в плену государства принять все необходимые меры гигиены, чтобы обеспечить чистоту и предупредить распространение инфекционных заболеваний.

В целях поддержания здоровья военнопленных и обеспечения уважения к их личности, необходимо внимание не только к физическому состоянию, но и к психическому здоровью пленных. Это признается и решается в Конвенции посредством требования предоставлять пленным полную свободу для выполнения обрядов их религии — при условии соблюдения ими дисциплинарного порядка, предписанного военными властями.

Держащее в плену государство обязано учитывать религиозные потребности военнопленных при организации различных аспектов их пребывания в лагере. Это предполагает создание условий для соблюдения религиозных предписаний, включая обеспечение возможности совершения религиозных обрядов, организацию питания с учетом установленных религией требований и запретов, а также составление режима труда с предоставлением времени, необходимого для совершения молитв.¹ Конвенционное положение требует также от держащей в плену державы поощрять «интеллектуальную, просветительную и спортивную активность военнопленных, а также активность по организации развлечений» (ст. 38 ЖК III).

Поддержание связи военнопленных с внешним миром представляет собой одно из ключевых условий обеспечения их морально-психологического состояния, осуществления контроля за соблюдением гарантий гуманного обращения, а также предупреждения случаев насильственных исчезновений. В этой связи ст. 70 Женевской конвенции III устанавливает обязанность держащей в плену державы в кратчайшие сроки информировать семью военнопленного и Центральное агентство по розыску МККК о факте его пленения, состоянии здоровья, госпитализации или перевода в другой лагерь. С этой целью военнопленному предоставляется возможность заполнить карточку-извещение о взятии в плен, которая передается как можно скорее его

родственникам и в Центральное агентство по розыску МККК.

Ст. 71 Конвенции предусматривает право военнопленных отправлять и получать письма и карточки своим близким. Составители Третьей Женевской конвенции хорошо понимали, насколько важна связь с семьей. Как сформулировал МККК вскоре после принятия Женевских конвенций, «даже самые благоприятные условия жизни не компенсируют для военнопленных отсутствие новостей или медлительность почты».² На практике, если почтовая служба не функционирует, МККК регулярно способствует осуществлению переписки посредством службы «посланий Красного Креста» (Red Cross message), давая возможность семьям поддерживать связь и передавать сообщения строго личного или семейного характера.³

Международное гуманитарное право допускает привлечение военнопленных к выполнению отдельных видов работ, однако запрещает их использование на работах, представляющих опасность для жизни и здоровья либо характеризующихся вредными условиями труда, за исключением случаев, когда военнопленный добровольно выражает согласие на выполнение такой деятельности. При этом в отношении всех допустимых видов работ предусматривается обязательное соблюдение требований по охране труда, обеспечению безопасности и сохранению здоровья военнопленных. Ст. 62 Конвенции предусматривает, что

¹ ICRC, Commentary on the Third Geneva Convention: Convention (III) relative to the Treatment of Prisoners of War, 2nd ed., 2020. Art. 34, para. 2365 // Официальный сайт МККК. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ihl-databases.icrc.org/ihl/full/GCIII-commentary> (дата обращения 5.06. 2026).

² ICRC, Commentary on the Third Geneva Convention: Convention (III) relative to the Treatment of Prisoners of War, 2nd ed., 2020. Art. 71, para. 3215 // Офици-

альный сайт МККК. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ihl-databases.icrc.org/ihl/full/GCIII-commentary> (дата обращения 5.06. 2026).

³См.: Обновленный Комментарий МККК к Женевской конвенции III: новый инструмент для защиты военнопленных в XXI веке // Международный журнал Красного Креста, 2021. № 913. Р. 521 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://international-review.icrc.org/ru/articles/updated-icrc-commentary-third-geneva-convention-new-tool-protect-prisoners-war-twenty> (дата обращения 5.06. 2026).

военнопленные должны «получать непосредственно от содержащих их властей справедливую плату за работу, размер которой устанавливается этими властями».¹

При определенных обстоятельствах у держателей в плену державы могут возникнуть правовые основания для привлечения военнопленного к дисциплинарной либо уголовной ответственности. Правовой механизм применения соответствующих мер базируется на принципе ассимиляции, согласно которому военнопленные обязаны соблюдать законы, воинские уставы и приказы, действующие в вооруженных силах держателей в плену державы.

При выборе между дисциплинарным и судебным порядком привлечения к ответственности держащая в плену держава обязана руководствоваться принципом максимальной снисходительности, принимая во внимание, что военнопленные не находятся в отношениях верности по отношению к государству, удерживающему их в плену (ст.83 ЖК III). Конвенция исчерпывающим образом определяет перечень допустимых дисциплинарных взысканий: штраф, лишение преимуществ, внеочередные наряды и

арест (ст 89 ЖК III). При этом установление более тяжелых условий труда в качестве меры дисциплинарного воздействия не допускается.

В случаях, когда военнопленный привлекается к судебной ответственности за совершение преступления, рассмотрение дела должно осуществляться исключительно судом, отвечающим требованиям независимости и беспристрастности. Кроме того, применяемая судебная процедура должна обеспечивать обвиняемому весь комплекс фундаментальных процессуальных гарантий, включая право на защиту и наличие необходимых средств для ее эффективной реализации.

Как и остальные три Женевские конвенции, Третья конвенция закрепляет механизм пресечения нарушений ее норм. В частности, Конвенция определяет категорию «серьезных нарушений» (ст.130 ЖК III), совершаемых в отношении военнопленных, возлагает на государства обязанность принять национальное законодательство, предусматривающее уголовную ответственность за такие деяния. Относительно данного положения Республика Таджикистан выполнила свое международно-право-

вое обязательство и ввела соответствующие нормы в Уголовный кодекс Республики Таджикистан 1998 года, предусматривающие наказание за такие военные преступления, как нападение на лицо, прекратившее принимать участие в военных действиях; принуждение военнопленного к службе в вооруженных силах противника; лишение военнопленного прав на беспристрастное и нормальное судопроизводство; неоправданная задержка репатриации военнопленных (ст. 403 УК РТ)².

Вышеизложенный правовой анализ положений Третьей Женевской конвенции показывает, что они предусматривают надежную систему защиты военнопленных и крайне важно, чтобы государства, находящиеся в состоянии международного вооруженного конфликта, применяли эти положения, которые необходимы для обеспечения гуманного обращения с военнопленными и уважения их личности и чести. 143 статьи Конвенции образуют надежную систему защиты, охватывающих все аспекты плена — от захвата человека в плен до его окончательного освобождения и репатриации.

Библиографический список:

1. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными, ст.4 // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс].— Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_3.shtml (дата обращения 5.06. 2026).
2. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_3.shtml (дата обращения 5.06. 2026).
3. Обновленный Комментарий МККК к Женевской конвенции III: новый инструмент для защиты военнопленных в XXI веке // Международный журнал Красного Креста, 2021. № 913. — Р. 521 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://international-review.icrc.org/ru/articles/updated-icrc-commentary-third-geneva-convention-new-tool-protect-prisoners-war-twenty> (дата обращения 5.06. 2026).

¹ ICRC, Commentary on the Third Geneva Convention: Convention (III) relative to the Treatment of Prisoners of War, 2nd ed., 2020. Art. 62, para. 2952 // Официальный сайт Международного комитета Красного Креста. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ihl-databases.icrc.org/ihl/full/GCIII-commentary> (дата обращения 5.06. 2026).

²См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан, ст. 403 // Централизованная база данных правовой информации «Адлия». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ncz.tj/content/%D1%83> (дата обращения 5.06. 2026).

4. Они дают пищу беднякам, сиротам и пленникам, несмотря на то, что она желанна и для них самих // Коран, сура 76; аят 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://quran-online.ru/76:8> (дата обращения 5.06. 2026).
5. Уголовный кодекс Республики Таджикистан, ст. 403 // Централизованная база данных правовой информации «Адлия». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ncz.tj/content/%D1%83> (дата обращения 5.06. 2026).
6. ICRC, Commentary on the Third Geneva Convention: Convention (III) relative to the Treatment of
7. Prisoners of War, 2nd ed., 2020. Art. 62, para. 2952 // Официальный сайт Международного комитета Красного Креста. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ihl-databases.icrc.org/ihl/full/GCIII-commentary> (дата обращения 5.06. 2026).
8. The Handbook of International Humanitarian Law, 3rd ed., Oxford University Press, Oxford, 2013. - P. 362.

INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF PRISONERS OF WAR

Mansurov Umed Abdufattohovich

Candidate of Law, Associate Professor,

Department of International Law and Comparative Law

Russian-Tajik (Slavonic) University.

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Str. M. Tursunzade, 30.

Tel.: (+992) 935820240, E-mail: umister47@gmail.com

This academic article is devoted to the legal protection of one of the categories of persons protected under the 1949 Geneva Conventions relative to the Protection of Victims of Armed Conflicts – prisoners of war. A legal analysis has been carried out of the provisions of international treaties, primarily the Third Geneva Convention relative to the Treatment of Prisoners of War, which provide for the protection of this category of persons in international armed conflicts. The article also analyses the provisions of the criminal legislation of the Republic of Tajikistan that provide for punishment for war crimes against prisoners of war.

Keywords: *International Humanitarian Law, Prisoners of War (PoWs), the Geneva Conventions, internment.*

ҲИФЗИ ҲУҚУҚИИ БАЙНАЛМИЛАЛИИ АСИРОНИ ҶАНГӢ

Мансуров Умед Абдуфаттоҳович

Номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент

дотсенти кафедраи ҳуқуқи байналмилалӣ ва ҳуқуқшиносии муқоисавӣ

Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. М, Турсунзода, 30

Тел.: (+992)935820240; umister47@gmail.com

Мақолаи илмӣ ба ҳифзи ҳуқуқи яке аз гурӯҳҳои шахсоне, ки тибқи Конвенсияҳои Женеваи соли 1949 оид ба ҳифзи қурбониёни низоъҳои мусаллаҳ таҳти муҳофизат қарор доранд – асирони ҷангӣ – баҳшида шудааст. Дар он меъёрҳои шартномаҳои байналмилалӣ, асосан Конвенсияи сеюми Женева оид ба муносибат бо асирони ҷарбӣ, ки ҳимояи ин гуна ашхосро дар низоъҳои мусаллаҳи байналмилалӣ муқарар мекунанд, мавриди таҳлили ҳуқуқӣ қарор дода шудааст. Дар мақола инчунин меъёрҳои қонунгузории ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки барои содир намудани ҷиноятҳои ҷарбӣ зидди асирони ҷарбӣ ҷазо муқаррар намудааст, баррасӣ шудаанд.

Калидвожаҳо: *ҳуқуқи байналмилалии башардӯстӣ, асирони ҷарбӣ, Конвенсияҳои Женева, боздошт шудан.*

УЧАСТИЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВА

Нодири Шахноза Анвар

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 2273986

Статья посвящена исследованию участия Республики Таджикистан в формировании и развитии международно-правовых и национально-правовых механизмов регулирования миграционных процессов. Рассматриваются основные направления государственной миграционной политики, нормативно-правовая база, регулирующая миграционные отношения, а также международное сотрудничество Таджикистана в данной сфере. Особое внимание уделяется вопросам защиты прав и законных интересов мигрантов, регулирования трудовой миграции, предупреждения незаконной миграции и совершенствования национального законодательства с учетом международных стандартов. Определяются актуальные проблемы и перспективные направления дальнейшего развития миграционного законодательства Республики Таджикистан.

Ключевые слова. *Республика Таджикистан, миграция, миграционные процессы, правовое регулирование, миграционная политика, международное право, мигранты, трудовая миграция, права мигрантов, миграционное законодательство.*

За последние десятилетия миграционные процессы приобрели глобальный характер, в связи с чем, возникает необходимость по-новому реагировать на этот процесс, где главная проблема заключается в определении того, каким образом следует управлять миграцией, чтобы максимально увеличить ее положительный эффект и свести к минимуму ее потенциально негативные последствия.

Международная миграция населения – это реальность современного мира. Практически не осталось стран, которые в той или иной степени не были бы вовлечены в сферу миграции.

Миграционные потоки интенсифицируются и становятся более многообразными по видам и форме, миграционное взаимодействие стран явно приобретает качественно новый характер.

Миграционная динамика Центрально-Азиатского региона на современном этапе характеризуется высокой интенсивностью и сложным переплетением социально-экономических, демографических и правовых факторов. Для Республики Таджикистан внешняя трудовая миграция исторически выступает ключевым инструментом поддержания макроэкономической стабильности, занятости населения и снижения уровня бедности.

Вместе с тем масштабность данного феномена объективно требует постоянного совершенствования правовых инструментов управления. Если на этапе формирования суверенной государственности усилия законодателя были сосредоточены на базовом нормативном обеспечении выезда и въезда граждан, то сегодня фокус сместился на создание комплексной системы институциональной защиты, цифровизацию миграционного

учета и гармонизацию национального законодательства с общепризнанными стандартами международного права.

Современная система правового регулирования миграционных процессов в Таджикистане опирается на многоуровневую нормативную базу, включающую Конституцию Республики Таджикистан, профильные законы («О миграции», «О правовом положении иностранных граждан», «О занятости населения»), а также подзаконные нормативные акты и стратегические концепции.

Ключевым элементом институционального механизма выступает разграничение полномочий между профильными министерствами и ведомствами (в частности, Министерством труда, миграции и занятости населения, Министерством внутренних дел и Министерством иностранных дел). На практике эффективность правоприменения во многом зависит от того, насколько слаженно функционируют межведомственные каналы обмена информацией.

С точки зрения юридической науки, современный этап харак-

теризуется переходом от реактивного регулирования (реагирования на уже возникшие кризисные ситуации на рынках труда) к проактивному планированию. Это находит отражение в принятии программных документов долгосрочного характера, определяющих вектор развития миграционной политики на десятилетия вперед.

В основе происходящих процессов лежит растущее понимание того, что международная миграция, особенно ее экономически обусловленные виды и формы, может выступать важным ресурсом развития как для принимающих стран, так и для стран происхождения.

Значимость миграции в контексте развития Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, определяется как:

- Признание позитивного вклада мигрантов в обеспечение всеохватного роста и устойчивого развития;

- Международной миграции, представляющей собой многоплановое явление, имеющее большое значение для развития стран происхождения, транзита и назначения и требующее применения согласованного и всеобъемлющего подхода;

- Сотрудничество на международном уровне в деле обеспечения безопасной, упорядоченной и законной миграции, предполагающей полное уважение прав человека и гуманное обращение с мигрантами, независимо от их статуса, с беженцами и перемещенными лицами;

- Уделение особого внимания на право мигрантов на возвращение в страну своего гражданства и обязанность государств в обеспечении надлежащего приема своих возвращающихся граждан;

- Повестка дня 2030 актуальна для всех мобильных групп населения, независимо от того, являются ли они внутренними или трансграничными. Она признает

женщин, мужчин и детей-мигрантов в качестве уязвимой группы, которую необходимо защищать, а также в качестве движущей силы развития.

В этой связи, сотрудничество в сфере трудовой миграции – приоритетное направление государственной политики Республики Таджикистан в сфере миграции.

Благодаря последовательной и взвешенной политике руководства страны и Правительства Республики Таджикистан, заложена нормативно-правовая и организационно-техническая основа для создания развитой миграционной инфраструктуры, регулирования миграционных процессов в соответствии с глобальными переменами, происходящими в мировом сообществе.

На сегодняшний день создана солидная база международных документов в области трудовой миграции и хотелось бы, чтобы их реализация была действенной и своевременной.

В условиях усиления процессов глобализации мировой экономики происходит расширение и усиление процессов миграции населения, которое проявляется как в количественном, так и в качественном отношении: изменяются масштабы, формы, состав и направления передвижения трудовых ресурсов. Миграционные потоки устремляются из одних регионов и стран в другие, порождая определенные проблемы и одновременно обеспечивая несомненные преимущества странам, принимающим рабочую силу и поставляющим ее.

Трудовая миграция является на данный момент одним из определяющих причин, перемещения населения. Главные факторы, способствующие этому – демографическая и экономическая ситуация в мире. С ростом интеграционных процессов в мировой экономике интенсифицировалось движение не только

товарно-материальных потоков, но и рабочей силы.

В этом контексте, для стран региона, в частности Таджикистана проблемы международной трудовой миграции становятся также актуальными. Страны региона как часть мирового сообщества несомненно сталкиваются также с проблемами международной миграции: приток беженцев и переселенцев, «утечка умов» за границу, рост нелегальной миграции и т.д.

Наряду с этим, мы видели как пандемия COVID-19 затронула международную трудовую миграцию, ограничивая и замедляя ее процесс. Также, показала, что механизм регулирования внешней трудовой миграции не является еще достаточно гибким и должен оперативнее реагировать на изменение ситуации на рынках труда. В этом контексте принятие новых и современных мер по регулированию занятости и миграции является приоритетом для всех наших стран.

В этой связи думается, что назрела необходимость в глубоком исследовании особенностей, причин и факторов международной миграции рабочей силы и разработке рекомендаций по совершенствованию регулирования этого процесса в наших странах.

Бесспорно вопросы миграционного взаимодействия сторон являются актуальными и требующими безотлагательного решения.

Анализ среднесрочного развития мирового рынка труда свидетельствует о том, что трудовая миграция сохранит свою значимость.

В июне 2023 года, Правительством Республики Таджикистан была принята новая Стратегия регулирования миграционных процессов в Республике Таджикистан на период до 2040 года. Также были приняты среднесрочные Планы действий на 2023–

2025 и 2026-2028 годы, направленные на реализацию этой Стратегии.

Положения Стратегии основаны на принципах, заложенных в Международной Конвенции о защите всех прав мигрантов и членов их семей. Эти принципы охватывают широкий спектр вопросов, включая соблюдение прав и свобод мигрантов, предотвращение дискриминации, обеспечение безопасности, регулирование и легализацию миграции, доступ к консульской и дипломатической защите, а также медицинскую помощь в крайних случаях. Они также касаются социальной и правовой защиты трудовых мигрантов, регулирования экологической миграции и защиты беженцев.

Хотелось бы отметить, что Республика Таджикистан привержена реализации положений Глобального договора по миграции принятого в 2018 году.

В целях обсуждения вопросов безопасной, упорядоченной и легальной миграции на глобальном уровне, совершенствования управления миграцией с учетом национальных интересов и опыта развитых стран, текущем году Республика Таджикистан присоединилась к Глобальной сети по миграционной политике и стратегии.

Присоединение к сети Глобальной сети по миграционной политике и стратегии позволит усилить роль министерства в регулировании миграционного процесса, предвизной подго-

товке трудовых мигрантов, обеспечении защиты прав и интересов мигрантов, диверсификации трудовой миграции и защите прав и интересов трудовых мигрантов, также даст возможность получить доступ к продвижению и решению существующих проблем в области миграции.

Основные приоритеты Республики Таджикистан в миграционной сфере направлены на:

1. Создание механизма регулируемой и безопасной миграции, надлежащая защита прав мигрантов посредством совершенствования нормативно-правовой базы и правоприменительной практики в соответствии с Глобальным Договором о безопасной, упорядоченной и регулярной миграции.

2. Диверсификацию миграционных потоков и стран назначения с целью создания лучших возможностей для мигранта.

3. Продвижение организованного набора граждан, желающих осуществлять временную трудовую деятельность за пределами страны

4. Создание реальной системы статистического учета миграционных потоков стран отправления и стран приема мигрантов.

5. Создание системы надлежащей защиты мигрантов и членов их семей и в этой связи, изучение опыта стран, имеющих такого рода механизмы поддержки (фонды поддержки трудовых мигрантов и членов их семей).

6. Совершенствование нормативной правовой базы, а также

развитие и укрепление потенциала и деятельности агентств занятости, работающих по найму граждан для работы за рубежом.

7. Создание механизма оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации с целью обеспечения прав мигрантов и членов их семей.

8. Пресечение незаконной нелегальной миграции и пресечение торговли людьми.

9. Разработка комплекса мер по недопущению вовлечения мигрантов-граждан стран региона Будапештского процесса в запрещенные террористические и экстремистские организации.

10. Принятие мер, направленных на повышение осведомленности граждан обо всех услугах, оказываемых по трудоустройству, как за пределами страны, так и в самой стране и т.д.

Таким образом, правовое регулирование миграционных процессов в Республике Таджикистан находится на этапе активной модернизации. Республика Таджикистан демонстрирует последовательный и комплексный подход к формированию современной архитектуры правового регулирования миграционных процессов. Интеграция стратегических документов национального уровня с глобальными международными инициативами создает прочный фундамент для минимизации рисков и превращения трудовой миграции в эффективный фактор устойчивого развития государства.

Библиографический список

1. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1990 г.).
2. Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (Принят Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/73/195 от 19 декабря 2018 г.).
3. Стратегия регулирования миграционных процессов в Республике Таджикистан на период до 2040 года (утв. Правительством Республики Таджикистан в июне 2023 г.).
4. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/1 от 25 сентября 2015 г.).

**PARTICIPATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN IN THE LEGAL REGULATION OF
MIGRATION PROCESSES: RELEVANCE AND PROSPECTS**

Nodiri Shakhnoza Anvar

Ph.D., Associate Professor, Department of
International Law and Comparative Law
Russian-Tajik (Slavonic) University

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30

Tel. (+992) 2273986

The article examines the participation of the Republic of Tajikistan in the development of international and national legal mechanisms for regulating migration processes. It analyzes the main areas of the state migration policy, the legal framework governing migration relations, and Tajikistan's international cooperation in this field. Particular attention is paid to the protection of migrants' rights and legitimate interests, the regulation of labor migration, the prevention of irregular migration, and the improvement of national legislation in accordance with international standards. The article identifies current challenges and prospects for further development of Tajikistan's migration legislation.

Keywords *Republic of Tajikistan, migration, migration processes, legal regulation, migration policy, international law, migrants, labour migration, migrants' rights, migration legislation.*

**ИШТИРОКИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ДАР ТАНЗИМИ ҲУҚУҚИИ РАВАНДҲОИ МУҲОЧИРАТӢ:
МУҲИММУДӢ ВА ДУРНАМО**

Нодири Шахноза Анвар

номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, досенти кафедраи
ҳуқуқи байналмилалӣ ва ҳуқуқшиносии муқоисавӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. Мирзо Турсунзода, 30

тел.: (+992) 2273986

Мақола ба таҳқиқи иштироки Ҷумҳурии Тоҷикистон дар ташаккул ва рушди механизмҳои ҳуқуқии байналмилалӣ ва миллӣ оид ба танзими равандҳои муҳоҷират бахшида шудааст. Дар он самтҳои асосии сиёсати давлатии муҳоҷират, заминаи меъёрии ҳуқуқии муносибатҳои муҳоҷиратӣ ва ҳамкориҳои байналмилалӣ Тоҷикистон дар ин соҳа мавриди таҳлил қарор мегиранд. Ба масъалаҳои ҳифзи ҳуқуқи манфиатҳои қонунии муҳоҷирон, танзими муҳоҷирати меҳнатӣ, пешгирии муҳоҷирати ғайриқонунӣ ва тақмили қонунгузориҳои миллӣ мутобиқи стандартҳои байналмилалӣ диққати махсус дода мешавад. Масъалаҳои мубрами соҳа ва дурнамои рушди қонунгузориҳои муҳоҷиратии Ҷумҳурии Тоҷикистон муайян карда мешаванд.

Калидвожаҳо: *Ҷумҳурии Тоҷикистон, муҳоҷират, равандҳои муҳоҷиратӣ, танзими ҳуқуқӣ, сиёсати муҳоҷиратӣ, ҳуқуқи байналмилалӣ, муҳоҷирон, муҳоҷирати меҳнатӣ, ҳуқуқҳои муҳоҷирон, қонунгузориҳои муҳоҷиратӣ.*

Требования к оформлению текста статьи

6.1. Соблюдение международных стандартов этики является неотъемлемой частью политики Журнала. К публикации принимаются только уникальные научные исследования, не опубликованные ранее.

Журнал публикует статьи профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, аспирантов юридического факультета РТСУ. Журнал также предоставляет возможность для публикаций ученым из других вузов и учреждений Республики Таджикистан, ближнего и дальнего зарубежья.

6.2. В процессе подачи статьи автору необходимо подтвердить, что статья не была опубликована или не была принята к публикации в другом научном журнале (предоставить заявление о заверении в данном обстоятельстве).

6.3. Объем научной статьи не должен составлять менее 0,5 п.л.

6.4. Параметры страницы: поля – 2,5 см со всех сторон. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов – 1,25 см.

Основной текст статьи набирается шрифтом Times New Roman, размер – 14 пт, междустрочный интервал – полуторный. При оформлении статьи необходимо различать знаки дефис (-) и тире (–). Между цифрами ставится знак тире без отбивки (пробелов), напр.: 12–15.

Заглавие статьи набирается прописными (большими) буквами жирным шрифтом, курсивом и форматруется по центру.

Перед заглавием слева прямым шрифтом набирается УДК, под заглавием жирным шрифтом – Ф.И.О. (полностью) автора/авторов, далее внизу светлым шрифтом указывается – его/их ученая степень, ученое звание, должность, а в следующих строках – место работы (в именительном падеже) и его адрес (с почтовым индексом), телефон и E-mail автора/авторов.

6.5. Под указанной выше информацией помещается авторское резюме на русском языке (70–120 слов), набранный светлым курсивом.

Обязательная структура авторской аннотации:

- актуальность темы;
- новизна исследования;
- основные положения и выводы.

Аннотация должна ясно излагать основное содержание статьи и быть пригодной к публикации отдельно от статьи.

После аннотации статьи следует указать 5–10 ключевых слов (словосочетаний), характеризующих проблематику статьи (набрав их светлым прямым шрифтом).

Пример оформления статьи:

УДК 347.4

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ КОЛЛЕКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Вохидов Икром Каримович

соискатель отдела частного права

Институт философии, политологии и права Академия наук Республики Таджикистан
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: 918 43 23 35, e-mail: grazhdanskoe.pravo@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемами определения субъектного состава коллекторской деятельности в Республике Таджикистан. Впервые в цивилистике проводится комплексный анализ субъектного состава коллекторской деятельности.

Автор обращает внимание на то, что ввиду отсутствия в законодательстве Республики Таджикистан положений, регламентирующих правовой статус субъектов коллекторской деятельности, к субъектам данной деятельности можно отнести любое лицо, которое тем или иным образом занимается сбором или возвратом сумм просроченной задолженности. Автор пришел к выводу, что коллекторская деятельность является сугубо профессиональной деятельностью, которая подлежит лицензированию. Именно профессионализм в данной области может стать залогом успешной, легальной и конкурентоспособной деятельности. Субъектом коллекторской деятельности может выступать только юридическое лицо коммерческого характера (коллекторская организация), а также физическое лицо лишь при наличии у него определенной правовой связи с коллекторской организацией.

Ключевые слова

правовой статус; коллектор; коллекторская деятельность; коллекторские услуги; коллекторский бизнес; субъект коллекторской деятельности; профессиональная деятельность; лицензирование.

На первой странице в подстрочнике необходимо указать знак © и Фамилию И.О., год:

© Вохидов И.К., 2020

6.6. Оформление сносок и библиографического списка. Библиографический список должен быть построен **в алфавитном порядке**. В нем указываются только научные источники: научные статьи, монографии, диссертации, авторефераты диссертаций, научные комментарии, учебная литература, электронные ресурсы и т.д.

В основном тексте ссылки на источник, помещенный в библиографическом списке, нормативно-правовые акты и судебную-арбитражную практику, помещаются в текст научной статьи в качестве постраничных сносок. Сноски должны быть постраничными и подстрочными, нумерация сносок начинается с каждой страницы.

Сноски набираются шрифтом Times New Roman, размер – 10 пт, междустрочный интервал – одинарный.

Источники в библиографическом списке и сноски в основном тексте оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008.

В библиографическом списке приветствуется наличие **иностранных источников**, реально используемых при написании научной статьи. При этом иностранные источники указываются в библиографическом списке в алфавитном порядке строго после русскоязычных источников.

Избыточное и необоснованное цитирование не допускается.

Примеры оформления сносок в тексте научной статьи:

¹ Гриненко А.В. Уголовный процесс: учебник. М.: Норма, 2009. С. 25.

² См.: Сычев М.С. История Астраханского казачьего войска: учебное пособие. Астрахань: Волга, 2009. С. 34.

Примеры оформления библиографического списка:

Книги

Сычев, М.С. История Астраханского казачьего войска: учебное пособие. - Астрахань: Волга, 2009. - 231 с.

Соколов А.Н. Гражданское общество: проблемы формирования и развития (философский и юридический аспекты): монография. - Калининград: Калининградский ЮИ МВД России, 2009. - 218 с.

Гайдаенко Т.А. Маркетинговое управление: принципы управленческих решений и российская практика. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Эксмо : МИРБИС, 2008. - 508 с.

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. - М.: Терра-Кн. клуб, 2009. - 4 т. Управление бизнесом: сборник статей. - Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2009. - 243 с.

Маркетинговые исследования в строительстве: учебное пособие для студентов специальности "Менеджмент организаций" / О.В. Михненко, И.З. Коготкова, Е.В. Генкин, Г.Я. Сороко. - М.: Государственный университет управления, 2005. - 59 с.

Нормативные правовые акты

Конституция Российской Федерации: офиц. текст. - М.: Маркетинг, 2001. - 39 с.

Семейный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г.: по состоянию на 3 янв. 2001 г.]. - СПб.: Стаун-кантри, 2001. - 94 с.

Стандарты

ГОСТ Р 7.0.53-2007 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Международный стандартный книжный номер. Использование и издательское оформление. - М.: Стандартинформ, 2007. - 5 с.

Депонированные научные работы

Разумовский В.А. Управление маркетинговыми исследованиями в регионе. - М., 2002. - 210 с. - Деп. в ИНИОН Рос. акад. наук 15.02.02, № 139876.

Диссертации

Лагуева И.В. Особенности регулирования труда творческих работников театров: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2009. - 168 с.

Покровский А.В. Устранимые особенности решений эллиптических уравнений: дис. ... д-ра физ.- мат. наук. - М., 2008. - 178 с.

Авторефераты диссертаций

Сиротко В.В. Медико-социальные аспекты городского травматизма в современных условиях: автореф. дис. ... канд. мед. наук. - М., 2006. - 17 с.

Лукина В.А. Творческая история "Записок охотника" И.С.Тургенева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - СПб., 2006. - 26 с.

Отчеты о научно-исследовательской работе

Методология и методы изучения военно-профессиональной направленности подростков: отчет о НИР / Загорюев А.А. - Екатеринбург: Уральский институт практической психологии, 2008. - 102 с.

Электронные ресурсы

Смирнов А.И. Информационная глобализация и Россия [Электронный ресурс]: вызовы и возможности. - М., 2005. 1 CD-ROM.

Насырова Г.А. Модели государственного регулирования страховой деятельности [Электронный ресурс] // Вестник Финансовой академии. - 2003. - N 4. - URL: [http://vestnik.fa.ru/4\(28\)2003/4.html](http://vestnik.fa.ru/4(28)2003/4.html). (дата обращения: 23.03.2019).

Статьи

Берестова Т.Ф. Поисковые инструменты библиотеки // Библиография. - 2006. - № 6. - С. 19-25.

Кригер И. Бумага терпит // Новая газета. - 2009. - 1 июля

6.7. Англоязычная часть статьи. После библиографического списка приводятся на английском языке название статьи, И.О. Фамилия (полностью) автора/авторов, его/их ученая степень, ученое звание, должность, место работы (в именительном падеже) и его адрес (с почтовым индексом), телефон и E-mail автора/авторов, аннотация (70-120 слов), а также ключевые слова.

ON THE QUESTION OF THE SUBJECT OF DEBT COLLECTION ACTIVITY IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Vokhidov Ikrom Karimovich

private law applicant

Institute of Philosophy, Political Science and Law Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30

tel.: 918 43 23 35, e-mail: grazhdanskoe.pravo@mail.ru

Annotation

The authors of the article consider issues of defining the subject structure of collection activity in the Republic of Tajikistan. For the first time in civil science, a comprehensive analysis of the subject composition of collection activity is carried out.

The author draws attention to the fact that, due to the lack of provisions in the legislation of the Republic of Tajikistan that regulate the legal status of collection entities, the subjects of this activity include any person who collects or returns overdue amounts in one way or another.

The author concluded that collection activity is a purely professional activity, which is subject to licensing. It is professionalism in this area that can become the key to successful, legal and competitive activities. The subject of collection activity can only be a legal entity of a commercial nature (collection organization), as well as an individual only if he has a certain legal relationship with the collection organization.

Keywords

legal status; collector; debt collection activity; collection services; collection business; subject of collection activity.

6.8. Таджикскоязычная часть статьи. После англоязычной части статьи приводятся на таджикском языке название статьи, И.О. Фамилия автора, место работы и его адрес, идентификационные коды автора (**при наличии**), адрес электронной почты, аннотация (70–120 слов прямым шрифтом), а также ключевые слова.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 29.09.2026. Подписано в печать 30.09.2026.
Бумага офсетная. Печать офсетная Гарнитура
литературная. Формат 60х84 $\frac{1}{8}$. Услов. печ. л. 15,125.
Тираж 100 экз. Заказ №102.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан,
г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30